ISSN 0131—0097
ИЮНЬ № 26 1991
THE WEEKLY MAGAZINE
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

ОГНЕОПАСНО!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года

№ 26 (3336)

УЧРЕДИТЕЛЬ — ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

22 — 29 июня

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Фото Владимира МАШАТИНА. (См. в номере материал «После непродолжительного затишья...»)

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп.,
на полгода — 23 руб. 40 коп.,
на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 03.06.91. Подписано к печати 18.06.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 557. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

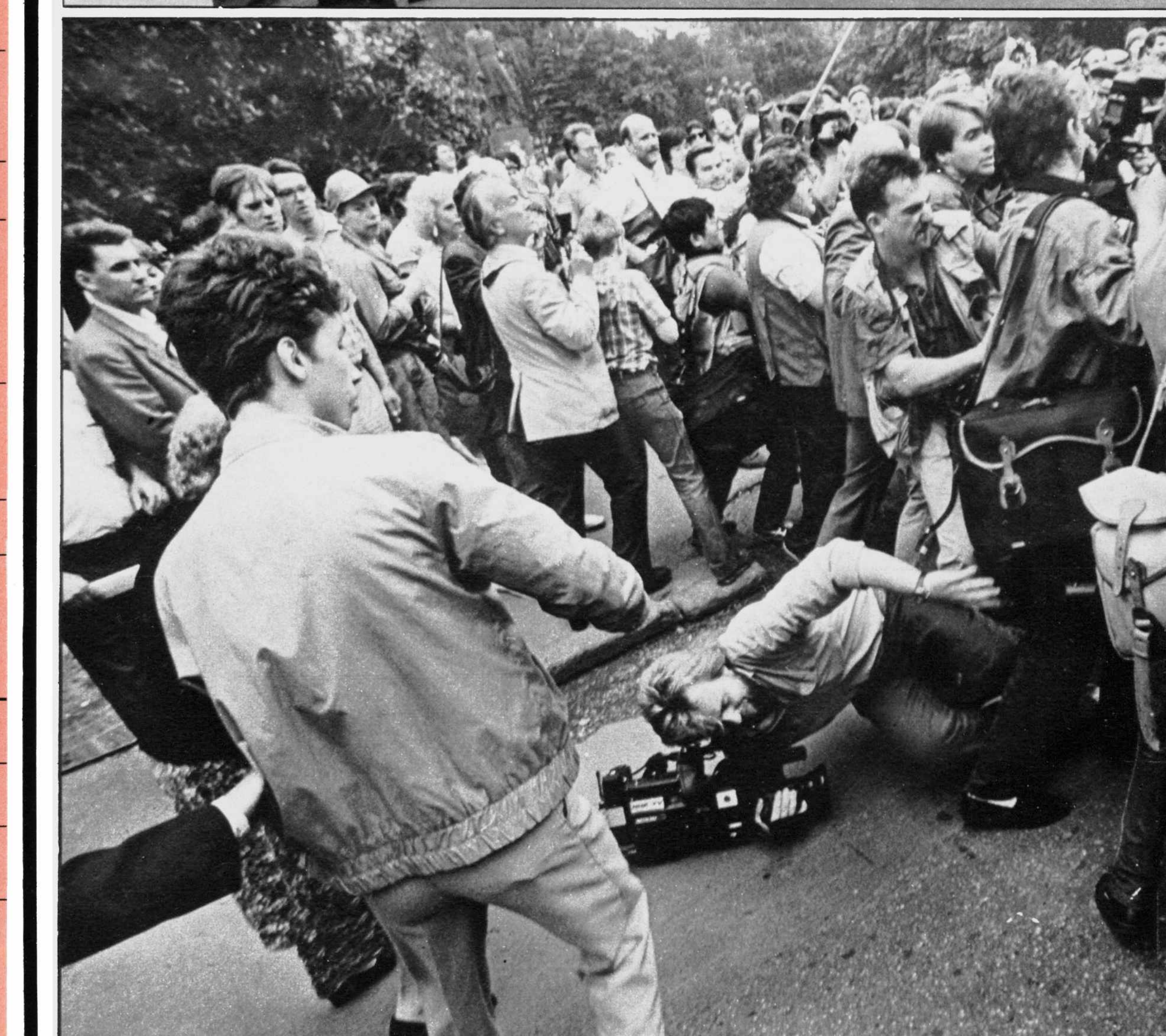
Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55; Справки по рекламе — 212-12-00.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

РОССИЯ ВЫБРАЛА ДЕМОКРАТИЮ



12 июня 1991 года. Все на выборы!

Фото Марка ШТЕЙНБОКА и Юрия ФЕКЛИСТОВА.

Прибавилось ясности: избраны российский президент, мэры двух российских столиц, проголосовано народное мнение о том, как следует зваться городу на Неве. Но все ли усвоили исторические уроки случившегося? С должным ли уважением выслушано народное мнение?

...Несколько раз в жизни мне довелось спорить с глухой старухой, которая упорно признавала лишь свой старомодный слуховой аппарат. Вертя микрофоном, женщина эта выслушивала меня лишь до тех пор, пока аргументы доставляли ей удовольствие. Не находя ответа или теряясь в его поисках, моя собеседница щелчком отключала свой аппаратик и громко провозглашала: «Я вас уже не слышу! Я не хочу слышать таких, как вы!»

Так ей было удобнее.

Я вспомнил милую персону из прошлого, перелистывая июньскую подшивку «Советской России». Нечасто приходится держать в руках такие концентраты ненависти и глухоты. И бессилия. Это надо читать, чтобы увидеть и понять, от чего мы отряхиваемся. Должны отряхнуться. Сегодня особенно видна тенденциозность лжи; не заблуждение, а именно тенденциозная неправда, которую пытались внедрить в народное сознание, чтобы в очередной раз поворотить его себе на пользу. По отношению к тем кандидатам (к тому кандидату) в российские президенты, кто был ей особенно не по душе, газета вела себя по меньшей мере неприлично, если столь вежливое определение применимо к печатному органу такого толка. Самое печальное было в том, что в основе подобной политики лежала твердая убежденность: ни за что отвечать не придется. И еще более печально, что для такой уверенности у газеты были все основания. Являясь органом коммунистов России, газета привычно не сомневается, что партия уверенно примет всю ответственность за ее, газетины, хамства на себя.

Есть такая партия.

Сколько лет подряд нам внушали, что любое преступление, совершенное по приказу носителей Великого Идеала, ненаказуемо и похвально! Сколько лет нам врали, что ложь во имя торжества Светлого Будущего праведна! И в то же время сколькие из нас в последние годы поверили, что это уже не так! Поспешили поверить...

Но примеры лжи во имя Системы множатся, и они по-прежнему ненаказуемы. Они поощряются (если вы не брезгливы, давайте полистаем еще несколько подшивок, чтобы убедиться в этом). Или напомнить вам о позорных передачах Центрального телевидения, о его бравадах своими неподзаконностью и ненаказуемостью? О нервном репортере, проникшем на вчера и не снившиеся ему полосы директивных газет после того, как он преуспел в государственной науке ненависти, послушно разделяя людей на «ваших» и «наших», уверенно избавляясь от стыда, который в таком деле только помеха?

Когда мы уже постигнем, что нельзя позволить Системе отстаивать свое право на бессовестность столь нагло, когда мы уже научимся всенародно ставить лжецов на место? Ведь и сегодня, как в недавние времена, Система списывает грехи своих наемников с поразительной легкостью. Она не считает нужным извиняться перед оболганными даже в тех случаях, когда народ со всей наглядностью противостоит лжи. Последний из примеров: только что прошедшие всероссийские выборы, когда народное благородство, знание, вера в торжество добра и справедливости с такой четкостью противостояли мастерам разобщения и неправды. Ну извинились бы, ну поняли бы свою историческую нелепость те, кто лгал и ложился поперек дороги. Ни за что! Они-то знают, что трудности с бумагой усилятся не у них, а у демократических изданий, они-то уверены, что Система и наградит, и руку пожмет. Даже тем, кому уже мало кто в стране подает руку.

Вот, говорят, и осрамившегося теленачальника Л. Кравченко то ли спроваживают послом СССР в Норвегию, то ли еще куда. Только что исключенный из Союза журналистов, он готов представлять отныне любой Союз. Какой велят. Хоть и Советский. А у народа Система спрашивать не привыкла: она все еще не хочет понимать, что всенародное неуважение, как и всенародный авторитет, приходит не сразу и заслуживается с трудом. Пока Система возвышает за поступки нечестные, у нее нет права рассуждать о морали и требовать доверия к таким рассуждениям.

Как всегда, народ отстаивает свое право наделять уважением. Система не поступается узурпированным правом раздавать должности, не советуясь при этом ни с кем. И, как моя знакомая старушка, щелкает слуховым аппаратом, когда ей говорят нечто неприятное. Старый аппарат все еще служит ей.

«Я вас не слышу!» — твердит Система, не желая понять, что ей же хуже от этого.

Слова известного гимна о том, что кто был никем, тот станет всем, не подтверждаются. Кто был никем — и остается никем. Если Система возвышает таких, она сама становится ниже. Очень важно это понять.

Виталий КОРОТИЧ

ПОСЛЕ НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОГО ЗАТИШЬЯ...

Азербайджан. Айлибейли. Армения. Паравакар. Москва. Старомонетный.

Дмитрий КАТАЕВ,
народный депутат Моссовета

Похоже, что развеян еще один миф, сотканный отечественной пропагандой,— миф о братской семье народов, которую сплотила навек проводимая партией большевиков ленинская национальная политика.

Стреляют. Стреляют не только боевики и националисты. Стреляют ОМОН и армия.

Не произносится слово «война». Но она идет: ползучая, замирающая и вновь возникающая, проклятая людьми и Богом война. Сотни тысяч беженцев по обе стороны армяно-азербайджанской границы. Счет людским потерям идет на десятки и сотни. Гроздья праведного и неправедного гнева зреют в двух сопредельных республиках. Кто остановит безумие? Руководители республик? Центр? Сами народы? Пока нет ответа.

Стреляют.

— Зачем вы приехали в Армению? Вам что, в Москве делать нечего? Дело Моссовета — убирать в Москве мусор!

Примерно так сказали нам корреспонденты ИАН, Центрального телевидения и «Красной звезды». Они прилетели на вертолете с генералом Науманом в армейскую часть, недавно подвергшуюся нападению в приграничном с Арменией азербайджанском селе Койнах-Гышлак. Армейский «ЗИЛ» был расстрелян из засады автоматными очередями и добит из самодельного гранатомета. Восемь раненых, некоторые — тяжело. Капитан Крылов рассказывает:

— Место для засады у моста было выбрано ПРОФЕССИОНАЛЬНО. Нападавшие, 12—15 человек в полевой военной форме, и маскировались ветвями профессионально. И уходили потом от преследования — сначала по азербайджанской территории, потом по армянской, через земли одного армянского района в другой — тоже профессионально. Потому и ушли.

Дополняет капитан Скобелев:

— Однажды нас обстреляли из градобойного орудия. Оно вообще-то непригодно для точной стрельбы. Но когда мы уходили от обстрела, укрываясь за домами, нас преследовали огнем с профессиональной точностью.

Воинская часть расположена между азербайджанским селом Айлибейли и армянским Айгепар. После разговора с военными азербайджанцы долго возили нас по своему селу. Показали воронки от градобойных снарядов около школы и столовой, в огородах. Пробоины в крышах домов. Пулевые отверстия в стеклах и стенах дома на околице. Показали седловинку на горном хребте, где обычно (!) располагается градобойное орудие. В селе четверо раненых. С 1 мая люди не выходят на поля и виноградники: с полей их прогоняют выстрелы со склонов гор.

В разговорах с нами повторялось: ведь жили же мы нормально до 1 мая! Армяне приходили к нам на базар. Мы к ним — на свадьбы. Заместитель директора азербайджанского совхоза встречался по понедельникам с председателем армянского колхоза. Последняя встреча с участием старейшин была даже после 1 мая...

В Айлибейли мы пришли вдвоем: Ольга Супруненко, тоже депутат Моссовета, и я. Пришли из армянского села Мовсес. Предварительно позвонили в Ереван командующему армией генерал-лейтенанту Пищеву, он по дальней связи связался с дежурным по части и пообещал нам, что со стороны армии препятствий не будет, а за остальное никто поручиться не может. Телефонной связи между Мовсесом и Айлибейли нет. И вот мы идем по Мовсесу мимо дома, где в толстой каменной стене — пробоина. Это не от градобойки... В соседних домах окна пробиты пулями. Повыше на горке — сожженный дом. С 1 мая в селе четверо убитых и несколько раненых. До 1 мая жили нормально...

Мы идем мимо поляны, где трудятся женщины. Сегодня утром впервые после 1 мая они пришли сюда, потому что рассада гибнет, а стрелять при московских депутатах не будут. Однако выстрел из карабина и очередь из автомата раздались, и половина работавших разбежалась. Больше не стреляли. Дальше полевая дорога ведет мимо совсем безлюдных армянских виноградников. Особая тишина, когда ждешь выстрелов. Поют птицы. В сотне метров от околицы Айлибейли дорога исчезает, трава по колено. Мы перешагиваем границу — плетень из колючих веток. В первом же дворе копается женщина. Поздоровались, она ответила...

В воинской части мы встретили всю нашу компанию, приехавшую из райцентра: депутатов Моссовета В. Булгакова и А. Мельникова, члена ЦК КПСС Ю. Мкртумяна (с которым у нас неожиданно совпали взгляды и на события в Закавказье, и даже в отношении национализации собственности КПСС).

Уезжали из воинской части в Мовсес по шоссе, которым с 1 мая никто не пользуется из-за обстрелов. На полдороги увидели «КАМАЗ», расстрелянный из засады. В кабине на сиденье запекшаяся кровь, на полу разбитые очки, тапочки и пассатижи.

Две неразорвавшиеся гранаты от самодельных гранатометов нам только что показали в Айлибейли. Сказали, что их делают подпольно на армянских заводах. Азербайджанцы удивились и даже обиделись, когда мы сообщили, что хвостовик такой гранаты мы подобрали возле того самого расстрелянного армянского «КАМАЗа». А в «Правде» за 12 мая Ю. Шабанов пишет про Азербайджан: «На некоторых заводах наладили даже кустарное производство вооружения. Примитивные такие гранаты, знаете...» Теперь знаем.

Однако зачем азербайджанцам кустарные гранаты? Тот дом в Мовсесе пробит чем-то помощнее. А со всею мощью современного оружия мы знакомились, когда ходили по горячим следам событий в окрестностях армянского села Паравакар.

Вокруг этого села, тоже с 1 мая, пустуют обстреливаемые виноградники, недопаханы поля. И вокруг соседнего азербайджанского села Койнах-Гышлак. Помните, там, в Койнах-Гышлаке, и был расстрелян армейский «ЗИЛ»? Кем расстрелян? Азербайджанцы, МВД СССР, командование армии, дислоцированной в Азербайджане, не сомневаются: конечно, армянскими боевиками! Оргвыводы: окружают Паравакар БТРами и танками. На высотке с азербайджанской стороны ставят (открыто, не боясь ничего) минометы типа «катюш». На вертолете прилетает генерал-лейтенант Андреев — начальник УГРО МВД СССР. Поднимаются боевые вертолеты. Огонь обрушивается на окрестности села, вплотную к жилым домам. Из середины села не разобрать, бьют по селу или по окрестностям. Дети, женщины, мужчины толпой бегут в лес. Перед ними ставят заградительный огонь с вертолетов, они бегут назад, в село...

Осколки снарядов и ракет, воронки, размозженная гусеницами роскошная, выше колен, озимая пшеница, доски от зарядных ящиков к минометам, гильзы вертолетных скорострельных пушек и крупнокалиберных пулеметов — все это мы видели на следующее утро вокруг села Паравакар.

Напрасно беспокоились журналисты: не уходит Моссовет от московского мусора. Вот он, проклятый, у депутатов под ногами, на армянских полях! И кому разгребать его здесь, как не нам.

А тогда, утром, генерал-лейтенант Андреев истребовал к себе на КП представителей из села. Сообщил, что выполняет известный Указ Президента об изъятии оружия. Троих представителей оставил как заложников, одного послал в село, чтобы вернули оружие — БТР и автоматы. Через час на КП были доставлены шесть охотничьих ружей. Около 19 часов блокада Паравакара была снята. Но в 21 час. 30 мин. расстреляли насосную станцию. В темноте. Аккурат в среднюю часть здания палили. Шесть метровых пробоин в толстой стене. Стальные осколки по 200—300 граммов. Лишены воды поля на склонах армянских гор...

Собирая осколки на паравакарских полях, не думали мы, что у нашего «расследования» будет интересное продолжение. 18 мая мы выступали в качестве свидетелей на слушании в Комитете по правам человека Верховного Совета РСФСР. Среди приглашенных были командир дивизии, дислоцированной на этом участке армяно-азербайджанской границы, полковник Будейкин и генерал-майор Балахонов из МВД СССР. Мы спросили у них, чьи же части «воевали» в Паравакаре. Оказалось — не армии и не МВД! Пришлось обратиться к присутствовавшим тут же представителям КГБ и Прокуратуры СССР: уж не Саддам ли Хусейн заслал к нам эти танки и вертолеты?

— Клянусь матерью, пусть армяне выходят на поля, мы не будем стрелять,— сказал нам азербайджанский омоновец, который вышел нам навстречу из Койнах-Гышлака на берег пограничной речки. С ним был учитель местной школы (хороший человек, сказали нам потом в Паравакаре). Они рассказали, между прочим, что недавно на азербайджанской стороне поймали двух армянских боевиков, обстреливавших село. Это оказались местные жители, известные им с детства. Поэтому их отпустили, взяв расписку, что их послали стрелять приезжие из Еревана. А в Паравакаре нам сказали: да, был недавно случай — с армянской свинофермы похитили двух рабочих, потом отпустили под расписку.

В этих местах мы оказались из-за блокады Паравакара. К счастью, эта «горячая точка» быстро остыла. В отличие от Геташена, Воскепара и т. д., где страдания армян несравненно больше (мы разговаривали с ранеными, с врачом, с депортированными). Но основные наши впечатления о местах, где совсем недавно люди жили «нормально» и готовы так жить дальше, если им не будут мешать.

Еще лучше, если им помогут. Уверен, что в приграничных армянских селах охотно приняли бы наблюдателей от «Демократической России», а еще лучше бы — по двое, от «Демократической России» и от КПСС. Допускаю, что согласился бы на это и Азербайджан. Может, попробуем? (Кстати, это идея двух депутатов Ленсовета — Александра Винникова и Александра Серякова. Мы их случайно — или закономерно — встретили в Ереване и с ними были в Паравакаре.)

Тогда из воинской части корреспонденты ИАН, ЦТ, «Красной звезды» улетели с генералом через несколько минут. Кажется, они с нами согласились, что если из-за нас здесь прозвучит хотя бы на один выстрел меньше, то наш приезд уже оправдан.

Но есть и другой резон. Конечно, в Москве дел по горло. Однако помните лозунги на январском митинге в Москве? «Сегодня — Литва, завтра — Россия». Завтра оказалась Латвия. Потом Армения — сразу, как только заявила о суверенитете, стала активно возвращать крестьянам землю, национализировала имущество КПСС. А с другой стороны — Азербайджан, где в январе 1990-го танки восстановили власть КПСС.

Пока же армию приучают к беззакониям. Конечно, КПСС в авангарде. Вот отрывочек репортажа из района Воскепара того же Ю. Шабанова («Правда», 13 мая):

«— Вижу три машины на верхушке — два «ГАЗ-66» и «КАМАЗ».

Это с вертолета.

— Знакомые уловки,— чертыхается командир.— Ставят машины, а из-под них ведут стрельбу.

И резко:

— Цель уничтожить.

Полыхнули молнии...»

Здорово. Только почему мурашки по телу? И война вроде бы не объявлена? И не ясно, кто был в машинах? В районе нет даже чрезвычайного положения...

Точка зрения человека, оказавшегося в машине в сходной ситуации. Сотрудник аппарата Верховного Совета СССР Б. Л. Назаров рассказал:

— 13 мая мы с депутатами Верховного Совета Армении ехали из Паравакара в Цахкован в двух машинах — «уазике» и черной «Волге». Почти всю дорогу над нами кружили два или три вертолета. Около половины девятого вечера на дороге прямо перед передней машиной раздался взрыв. Мы остановились и разбежались. Тогда с вертолетов нас обстреляли из стрелкового оружия. Когда мы приехали в Цахкован, с вертолетов на окраину высадился десант. Нас искали, но в темноте не нашли...

...Так скоро ли очередь Москвы? Первый взрыв уже прогремел — вечером 17 мая в штаб-квартире «Демократической России». Первый дом рухнул.

Геташен. Паравакар. Старомонетный переулок. Погромщика надо встречать там, где он вышел из окопов.

В МАЕ — ЧЕЛОВЕК МЕСЯЦА, В ИЮНЕ — ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ

Б. Н. ЕЛЬЦИН:

Для России май, как и предыдущие месяцы, был нелегким, но обнадеживающим.

Именно в мае стало очевидно, что наш курс, в основе которого — признание достоинства России и россиян, выдержал испытание на прочность. В мае предприятия крупнейшей отрасли начали переход под юрисдикцию России и завершена работа над Программой Правительства по стабилизации экономики и переходу к рынку на 1991—1992 годы.

Достигнуты существенные подвижки в подготовке Союзного договора, а значит, Ново-Огаревское соглашение реализуется. Наконец, как никогда раньше, плодотворно работали Верховный Совет России и Съезд народных депутатов. Приняты ряд законов о социальной защите населения, законы о президентстве и выборах Президента Российской Федерации.

Новая политическая атмосфера, которой очень подходит определение «майская», жизненно необходима стране, которая уже устала от кризиса. Нам во что бы то ни стало нужно ее сохранить. Во имя лучшей жизни не только потомков, но и нашей с вами!

Благодарю за признание.

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

АВТОРИТЕТ СТАБИЛЕН. И ДАЖЕ РАСТЕТ

Итоги майского опроса Службы изучения общественного мнения VP (руководитель — профессор Б. А. Грушин)

1. Процедура опроса

Опрос проводился по телефону с 15 по 27 мая. Из 750 предусмотренных выборкой лидеров общественного мнения, принимающих активное участие в формировании и выражении взглядов населения нашей страны, было опрошено 745.

Важная особенность исследования состояла в том, что в нем, как всегда, выяснялось не личное отношение респондентов к предложенному списку деятелей, а оценка ими преобладающих в обществе мнений на этот счет. Более подробно с процедурой опроса можно ознакомиться в №№ 8 и 12 журнала за текущий год.

2. Результаты опроса

Ответы на первый вопрос — «Кто именно из названных людей привлек к себе наибольшее внимание населения?» (в процентах к общему числу опрошенных, по мере убывания величин):

1. Ельцин Б. Н.	— 31
2. Рыжков Н. И.	— 23
3. Павлов В. С.	— 13
4. Горбачев М. С.	— 9
5. Бакатин В. В.	— 7
6. Шеварднадзе Э. А.	— 5
7. Силаев И. С.	— 2
8. Бессмертных А.А.	— 1
9. Пуго Б. К.	— 1
10. Лигачев Е. К.	— 0,3
Другие ответы	— 3
Затруднились ответить	— 4
Отказались отвечать	— 0,7

Б. Н. Ельцин опять оказался в центре общественно-политической жизни страны. Это мнение доминирует не только среди лидеров общественного мнения в целом, но и среди представителей всех выделенных групп, кроме народных депутатов СССР, представителей исполнительной власти Москвы и активистов партий, общественных организаций РСФСР. Необходимо отметить стабильность популярности Б. Н. Ельцина: во всех опросах, когда его имя фигурировало в списке кандидатур, предлагаемых для оценки респондентам, он занимал первое место, причем практически с одним и тем же результатом (февраль — 28%, апрель — 30%, май — 31%). Несомненно, что большую роль в последнем случае сыграло достигнутое между республиками и Центром соглашение, получившее название «9 + 1», а также начавшаяся кампания по выборам Президента РСФСР. Кроме того, во всех слоях общества, государственных и партийных структурах все более осознается важность роли республик (особенно РСФСР) в выходе из того критического положения, в котором оказалась страна.

Второе место Н. И.Рыжкова — явный результат его возвращения к активной политической деятельности в качестве одного из претендентов на пост Президента России. Н. И. Рыжкову отдали предпочтение перед Б. Н. Ельциным народные депутаты СССР, представители исполнительной власти Москвы и активисты партий, общественных организаций РСФСР. (Среди последних — он безусловный фаворит КП РСФСР.)

По мнению опрошенных, стабильно остается в центре внимания населения также В. С. Павлов (напомним, что в феврале он был третьим, в марте — первым).

Ответы на второй вопрос: «Как сказались минувшие события на авторитете Б. Н. Ельцина (Н. И. Рыжкова, В. С. Павлова) — он значительно повысился, несколько повысился, не изменился, понизился или значительно понизился?» (в процентах к числу отвечавших на вопрос):

	Б. Н. Ельцин	Н. И. Рыжков	В. С. Павлов
отвечали на вопрос	231	173	97
значительно повысился	19	8	1
несколько повысился	29	40	8
не изменился	38	25	22
понизился	10	20	42
значительно понизился	4	6	24
затруднились ответить	0,4	1	3

Прежде всего следует отметить, что доля отмечающих рост авторитета Б. Н. Ельцина преобладает (и весьма заметно) над сторонниками противоположной точки зрения во всех группах опрошенных.

Возвращение в большую политику Н. И. Рыжкова, по мнению большинства респондентов, благожелательно воспринято населением. Иначе относятся к этому факту только представители исполнительной власти РСФСР и журналисты, среди которых выше доля негативных ответов. Возможно также, что на фоне продолжающегося ухудшения экономической ситуации в стране и материального положения многих слоев населения то время, когда Н. И. Рыжков возглавлял правительство Союза, вспоминается как не самое худшее.

В. С. Павлов, как и в предыдущие месяцы (февраль, март), остается «антигероем» — его авторитет продолжает стремительно падать вместе с ухудшением повседневной жизни людей.

Пресс-служба VP

НАДЕЖДА И ОПОРА

Июньский опрос Службы изучения общественного мнения VP будет посвящен относительно молодым политическим лидерам, которые по тем или иным причинам привлекли к себе внимание широкой общественности. За минувшие 3—4 года среди них были:

1. Алкснис В. И.
2. Бабурин С. Н.
3. Болдырев Ю. Ю.
4. Бузгалин А. В.
5. Голик Ю. В.
6. Коган Е. В.
7. Лубенченко К. Д.
8. Румянцев О. Г.
9. Станкевич С. Б.
10. Явлинский Г. А.

Опрашиваемым будут заданы вопросы: «Кто из них, на ваш взгляд, наиболее перспективен с точки зрения участия в политической жизни страны?» и «Какие именно качества обеспечат ему успех в будущем?».

Уважаемые читатели, а как бы вы ответили на эти вопросы? Пожалуйста, пометьте на конвертах — «человек месяца».

ЦИТАТНИК

Коротич!
Отдай журнал в другие руки,
как это было прежде —
все было интересно,
нервы не трепали,
читая, как сейчас, всякую шелуху.
Не нервируй рабочую душу, понял?

АЛЕКСАНДРОВ
Нижегородская область

По поводу переименования
Ленинграда я считаю, что городу,
конечно же, должно быть
возвращено историческое название.
Но не представляю,
как можно нынешний запущенный
и замусоренный Ленинград
называть Санкт-Петербургом.
Сначала надо было бы
вернуть городу его прежний облик.

Е. ДОРОГАНЕВСКАЯ
Москва

Меня нисколько не удивляет,
что в этой стране то и дело
что-то взрывается и рушится.
Удивляет меня другое:
почему это случается так редко?
Почему, например, у нас
до сих пор еще работает метро?

В. Дремин
Тула

Я много лет проработала
психиатром, сейчас на пенсии.
И вот смотрела
во время предвыборной кампании
телевизор, разные беседы
и «круглые столы» с претендентами,
и думала:
Господи, как на работе...

Т. КЛЮЕВА
Москва

Жалко мне «Советскую Россию»
и подобные ей издания.
Так долго они поливали
грязью Ельцина,
и вот теперь он — президент.
Что ж они, бедные, будут делать?

В. ГАВРЮШИН
Волынская область

Я, конечно, патриот своей Родины,
но все-таки хотел бы
обратиться к правительствам
развитых капиталистических стран:
не посылайте вы нам ничего!
И денег не давайте!
Бесполезно все это.
Подождите, пока выяснится,
кто все-таки у нас у руля.
Если КПСС останется
«ведущей и направляющей»,
не советую нам помогать.
Употребите деньги на что-нибудь
более перспективное.

К. БУГАЕВСКИЙ
Свердловск

■

Я бы хотел через ваш журнал задать вопрос компетентным органам: сколько сейчас осталось в живых тех, кто 22 июня 1941 года был поднят по боевой тревоге? Я, бывший заместитель политрука и командир артиллерийского расчета противотанковой батареи 540-го стрелкового полка 151-й стрелковой дивизии, один из них. Служил я в городе Сланцы, около старой границы с Эстонией, и в пять часов утра 22 июня 1941 года мы выступили в составе своего полка навстречу фашистам. Почему бы не организовать ассоциацию ветеранов 22 июня 1941 года? Такая ассоциация могла бы установить контакт с аналогичной организацией в Германии, подготовить встречу с теми, кто пересек нашу западную границу в первые дни войны.

Я бы не хотел, чтобы мое предложение кто-нибудь оценил как акт всепрощения и забывчивости. Но ведь сейчас другие времена. Наши бывшие враги, отзовитесь!

Ю. ГЕРТМАН
Москва

■

Собрался я ехать на встречу ветеранов-однополчан в другой город. Пошел брать билет на автобус. Люди у кассы встретили меня недружелюбно, несмотря на объявление, что ветеранам войны билеты продаются вне очереди. Под более или менее хамские замечания все-таки пробился к окошку и подал свое удостоверение. Кассирша документы возвратила и сказала: «Льгота ветеранам приостановлена с мая по октябрь».

Очередь обрадовалась: «Ну что, дед, получил скидку?»

Никуда я не поехал, вернулся домой. И не потому, что до повышения цен билет стоил три рубля, а теперь надо было платить семнадцать. Горько стало от сознания унижения. И позавидовал я ветеранам войны в ФРГ — там им государство сполна платит по векселям, а у нас полностью обанкротилось. Если бы мне тогда на фронте сказали, что меня в старости будут обижать и оскорблять, я бы все равно воевал: государства приходят и уходят, а Родина остается. И все-таки горько, обидно и стыдно за нашу страну.

И. БУГАЕВИЧ
Чернигов

■

Недавно мне принесли извещение с почты о том, что на мое имя получена ценная бандероль наложенным платежом. Я заплатил 4 рубля 90 копеек, хотя ничего не заказывал, и мне вручили два экземпляра малохудожественного, но крупноформатного календаря на 1991 год с надписью на обложке: «Никому не удастся преуменьшить значение военного и трудового подвига советского народа в Великой Отечественной войне!». Отправителем оказался Всесоюзный совет ветеранов.

Я никогда не пытался преуменьшить наш подвиг в Великой Отечественной войне, но если бы мне довелось увидеть это произведение в магазине, я бы ни за что не купил. Поверьте, для меня 5 рублей не проблема, но как быть тем пенсионерам, которые считают каждую копейку? Странные подарки преподносит нам организация, назначение которой, как мне казалось, состоит в том, чтобы помогать ветеранам в нынешней нелегкой жизни.

М. КОРСУНСКИЙ,
полковник в отставке
Таллинн

■

Моему сыну шесть лет. Недавно мы принесли домой букет сирени, и я сказала сыну, что, если попадется пятилепестковый цветок, надо загадывать желание. Он, конечно, нашел, загадал что-то и стал ждать. Примерно через неделю со вздохом говорит: «Наверное, это неправда, что желания исполняются...» Я спросила, что же он загадал, думала, может, сумею исполнить. А загадал он, оказывается, чтобы в нашей семье было всегда много еды...

Честное слово, мои дети не голодные. Мы с отцом все делаем, чтобы они не нуждались. И живем как будто не хуже других. Меня эта «мечта» моего сына просто ужаснула. Что же это за кошмар?

Л. СУРОВЦЕВА
Свердловск

■

Даже в нашей сюрреалистической жизни настоящим фарсом выглядят бесконечные ритуальные возложения венков к монументам «вождя» и «основателя». Кому нужно это беспримерное лицедейство, которое никого уже не может обмануть? Или нашему Президенту вовсе уж не на что больше опереться? И вот идут-несут, церемонно выступая многократно осмеянным «гусиным шагом», специально натренированные солдаты с роскошным венком. А за ними, старательно сохраняя приличествующую случаю торжественность, шествует глава государства. Вот сейчас он поправит ленточку (обязательный ритуал!), отступит на два шага и поклонится. Ну вот, так и есть... Даже когда сидишь перед телевизором, становится неловко. Кажется, скоро уж и название государства изменится — к тому идет, а тут все вершится клятва верности «социалистическому выбору» вкупе с «коммунистической перспективой». Кстати, а венки нынче почем? Ведь деньги-то на них вытаскиваются из кармана все того же обнищавшего налогоплательщика... Ну, допустим, у Михаила Сергеевича не иссякает любовь и благодарность к «вождю рабочих и крестьян». Что же, это его личное дело, но тогда, видимо, должен быть не официальный венок от Президента СССР, а вполне частный букет, купленный на собственные средства. Все-таки и народу полегче, и до смерти надоевшего лицемерия поменьше...

М. МИЛОВА
Москва

■

Кто знает, сколько нужно справок для получения квартиры в МЖК? Я в 1989 году уволился с основной работы и за нищенскую зарплату отработал год на стройке монтажником, чтобы заработать нужное количество часов. И вот теперь, когда дом готов к сдаче, райисполком должен выдать ордер. Все справки, я не буду их перечислять, собраны и сданы еще перед вступлением в МЖК. И вроде бы, став членом этого коллектива, остается только отработать положенные часы.

Знаете, кончается терпение, когда за два дня до выдачи ордера снова требуют справку о том, «с какого времени прописаны в городе, республике». И я уверен, это еще не последняя справка, которую я должен буду принести. Я, можно сказать, своими руками построил себе жилье, мне его райисполком не в подарок преподносит. Меня уж, кажется, так со всех сторон проверили, как будто я не на стройку, а в разведку вербовался. И вот опять... Сколько же еще будут нас унижать?

А. СЕМИНОВ
Ташкент

■

В 1989 году альманах «Кубань» (№ 5) опубликовал «Русофобию» Игоря Шафаревича. В том же году «Наш современник» (№ 6), выбросив явно антисемитский раздел, тоже опубликовал это творение. В № 11 в ответ на «множество писем с благодарностью» журнал подарил читателям и пропущенную главу. Но и этого кому-то показалось мало — в 1990 году «Советский писатель» выпустил сборник «Русь многоликая», включив туда «Русофобию». И вот теперь в этом году тот же «Советский писатель» издал книгу Шафаревича «Есть ли у России будущее», не забыв включить в нее «Русофобию».

Названные книги роскошно оформлены. Напечатаны на отличной бумаге. Цена по нынешним меркам скромная — 3—4 рубля. Но у нас в Киеве никто за этими книгами в очередь не становился. Спрашивается, кто так упорно толкает этот шедевр в массы?

С. АВЕРБУХ
Киев

■

Как-то раз по телевизору, по первой программе, показывали передачу «С чужого голоса», в которой участвовал разведчик КГБ Олег Туманов. «Чужой голос» — это о радиостанции «Свобода». Не буду пересказывать, о чем там шла речь,— передача была вполне в духе «нового» телевидения Кравченко. Скажу лишь вот что: когда в ноябре 1986 года в Афганистане погиб мой сын (ему было 19 лет), то правду об этой нашей, хочу надеяться, последней позорной войне я впервые узнал именно из передач радиостанции «Свобода» — в свои бессонные ночи, сквозь шумы «глушилок». Наши же средства массовой информации тогда еще правду говорить не решались. Это уже потом, после высочайшего позволения, заговорили. И сейчас я радиостанции «Свобода» больше доверяю, чем нынешнему кравченковскому телевидению. Я не припомню, чтобы «господа из-за бугра» меня обманули в своих передачах.

А. ШЕВЧЕНКО
Волынская область

■

Несколько недель тому назад мне пришлось по просьбе родственников, эмигрировавших за рубеж, отправлять им посылку. Они просили при-

слать некоторые вещи домашнего обихода, которые не смогли увезти из-за драконовских ограничений. На почтамте мне предложили ознакомиться с перечнем предметов, не разрешенных к отправке. Привожу выдержку из этого перечня: «белье верхнее и нижнее, трикотаж, полотенца, чулочно-носочные изделия, очки, одежда и обувь, товары зарубежного производства...». Общая стоимость отправляемых в одной посылке товаров — не более 30 рублей. Я спросил, можно ли отправить хотя бы вещи, бывшие в употреблении. Мне ответили отрицательно, объяснив, что «это трудно определить».

Я могу понять, что запрещено посылать художественные ценности, драгоценные металлы, антиквариат. Но почему же люди не могут увезти с собой хотя бы свои личные вещи?

И. ТОЛМАЧ
Московская область

■

Страну раздирают конфликты на национальной почве. А как сейчас себя чувствуют певцы нерушимой дружбы народов, почему их не слышно? На теме «братская дружба навек» кормилось и делало карьеру множество людей. Почему бы сейчас не собрать их в агитпоезд и не направить в горячие точки, предоставив возможность проверить на практике свои воззрения?

Э. КАЗИМИРОВ
Киев

■

Вот уже больше двадцати лет я работаю в шахтах. Работал на урановых шахтах в Забайкалье, а сейчас на угле в Приморье. Мне сейчас сорок шесть лет, и, поверьте, кроме работы в забое, нечего вспомнить. Работа, работа и работа. Спасибо ребятам из Донбасса, что отпуска добились 66 дней. Хоть отдышаться можно, а потом опять в забой... Одна у меня мечта сейчас — чтобы Михаил Сергеевич хотя бы одну смену побыл в забое и посмотрел (не поработал), как уголь добывается. Что он сделал для народа? Гласность? Кому она нужна, если жрать нечего? Какие деньги я должен получать, если перед спуском в шахту пообедаю в столовой на трешку да на два рубля «тормозок» в шахту возьму? А завтрак, а ужин, а семья?..

В. ШАЛАЕВ
Приморский край

■

Недавно по телевизору услышала, что советские специалисты будут помогать налаживать водоснабжение в Багдаде. Если наша могучая страна может помочь Багдаду, то, наверное, правительству не покажется нескромной моя просьба — помочь заодно наладить водоснабжение в городе-герое Севастополе. Наш город, как теперь говорится, двойного подчинения — союзного и республиканского. Так что властей вроде бы хватает. И тем не менее мы уже не первый десяток лет живем на скудном водном пайке: воду нам дают два раза в день на два-три часа утром и вечером. И это везде — в детских садах, яслях, больницах...

В общем, мы не меньше, чем жители Багдада, нуждаемся в налаживании водоснабжения и были бы очень признательны, если бы и нам кто-нибудь в этом помог.

Г. ДМИТРИЕВА
Севастополь

■

В нашем городе во время войны был лагерь военнопленных немцев. Конечно, лагерь есть лагерь, и много пленных умирало. Их хоронили на Череповецком кладбище по Кирилловскому тракту, было отведено специальное место, на каждой могиле стоял столбик...

И вот недавно мы стали свидетелями того, как это маленькое немецкое кладбище уничтожили, чтобы расчистить место для новых могил. Все столбики срыли, могилы перекопали, где кости попадались — выбрасывали. Теперь там хоронят по новой... Кто это разрешил, кто дал такое указание, я не знаю, но меня это кощунство просто потрясло.

А. СМИРНОВА
Череповец

■

Начиная с января мы пишем письма в разные инстанции — от крайисполкома до Генерального прокурора РСФСР — с одним вопросом: на каком основании в нашем крае к магазинам, обслуживающим инвалидов Великой Отечественной войны, прикреплены на льготных условиях персональные пенсионеры и ветераны КПСС?

Прошло четыре месяца, но ответа на этот вопрос мы так и не получили. Правда, нам отвечали несколько раз, преимущественно в том духе, что «ваше заявление направлено для рассмотрения...», «ваш вопрос рассматривается...». Но сколько он еще будет рассматриваться? Вот вам один из массовых примеров, как на местах КПСС «отказалась от привилегий» и как исполнительные и правовые органы помогают ей в этом.

В. МИЛЮКОВ
Краснодар

■

...Меня возмутила статья В. Солоухина, напечатанная в № 51 и направленная против нашего вождя и учителя, дорогого нам В. И. Ленина. Не зная доподлинной истории, т. Солоухин обвиняет Ленина в разрушении процветающей, как он пишет, России. В уничтожении людей и даже в браконьерстве. Приводит такой безграмотный пример, что некрасовский Дед Мазай спасал зайцев, а В. И. Ленин — уничтожал. Это настоящее кощунство... О процветании России он судит по бобровой шубе Шаляпина, надо было еще привести пример о процветании в России Воронцовского дворца, построенного в Крыму английским архитектором на поте и крови крепостных крестьян... Я родился в 1916 году, до восьми лет нам не шили штанов, мы ходили в длинных рубашках, сшитых из полотна домашней выделки, ситец и парчу мы и во сне не видели. В. И. Ленин был настоящим любителем природы, а его обвиняют в терроризме. Это ужас.

В. СОЛОБОДЕНЮК
Павлодарская область

■

22 апреля отмечали 121-ю годовщину со дня рождения Ленина. По этому поводу бюро обкома КПСС Ивановской области издало постановление, в котором, как всегда, оговаривалось проведение традиционных мероприятий: субботников, торжественных собраний и так далее в этом роде. Мои взгляды на Ленина и его роль в истории, мягко говоря, не совпадают со взглядами обкомовцев, но я не против всех перечисленных мероприятий — дело коммунистов, как отмечать эту дату.

Но вот против чего я возражаю категорически — против привлечения к этим торжествам детей: проведения пионерских «линеек», выставления «почетных караулов» у памятников «вождю мирового пролетариата» и т. д. Детей, конечно, очень легко заставить участвовать в «линейках» и «караулах». Но потом, через несколько лет, многие из них будут сожалеть, что принимали участие в этой показухе. Я считаю, что такие действия коммунистов аморальны и неприемлемы в демократическом обществе, которое мы пытаемся строить.

В. ВЛАСОВ
Иваново

■

У меня имеется автомашина ВАЗ-2107, которую страхую уже несколько лет. И вот в апреле с. г. мне эту автомашину разбил (лобовое стекло, правое заднее крыло и заднюю дверь) рокер на мотоцикле без прав. Он виновник, что подтвердила инспекция ГАИ Севастопольского района г. Москвы.

Все прейскуранты, в том числе на запчасти к автомашинам, отменены Госкомцен СССР от 15 ноября 1990 года письмом-рекомендацией об оплате при авариях (возмещаются фактические затраты при наличии документов). И вот я обратился по месту страхования автомашин — в инспекцию Госстраха Черемушкинского района г. Москвы, где меня предупредили, что оценка будет производиться по старым прейскурантам, так как я заключил договор с инспекцией Госстраха по старым ценам и никаких указаний правления Госстраха об изменении оценки нет. И как могло быть иначе, если я заключал договор в апреле 1990 года, когда о новых ценах и речи быть не могло? Оценка лобового стекла по старым прейскурантам составляет 95 рублей, а на станции технического обслуживания — 200 и больше, в зависимости от завода-изготовителя, причем стоимость работ также подорожала в 4—5 раз.

Хотел бы я знать, кто защитит меня, да и других страхователей? А обман со стороны правления Госстраха СССР продолжается. И тем более, что в моем конкретном случае, когда есть виновник и Госстрах не несет никаких убытков, оценка автомашины должна быть произведена не по прейскурантам, которые отменены, а по фактическим, сегодняшним ценам.

Л. ПЕТРЕЙКОВ,
инвалид II группы
Москва

■

Хочу знать, почему подорожание хлеба осуществлено в отношении больных сахарным диабетом столь грабительски? Если обычный хлеб ржаной подорожал в 3,7 раза, то диабетический — в 4—5 раз (буханка черного стоила 12 коп., теперь — 44, а «кирпичик» белкового стоил 13 коп., теперь — 67). Почему и на каком основании так дискриминированы больные люди? Чем они виноваты, что стрессы привели к возникновению диабета? Одно из двух: либо эти цены назначал человек некомпетентный, либо кто-то, поставивший себе целью извести больных людей медленным, но верным путем!

А. МИРОНОВ
Ленинград

■

Дорогие друзья! Хочу поделиться с вами очень горькими впечатлениями. Недавно я была на Ваганьковском кладбище, где в колумбарии похоронены мои родители. Обратила внимание на то, что многие плитки ниш залеплены белыми бумажками. Прочла и поняла, что это послания администрации о неуплате за ниши.

Ужасно, что человек, всю жизнь отработавший на этой земле, не имеет права после смерти на вечный покой.

Когда-то мне в конторе кладбища разъяснили, что в случае неуплаты прах убирают, а место предоставляют другому (как в гостинице).

Колумбарий сейчас в диком состоянии—разрушения видны всюду. Зато учет неплательщиков на высоте, ведь «социализм — это учет»... и его «человеческое лицо» таково, что о неуплате за покой мертвых можно сообщить тем же способом, каким французские полисмены сообщают о неправильной парковке автомашин. Неужели так всегда и будет?

Ю. ЯМПОЛЬСКАЯ
Москва

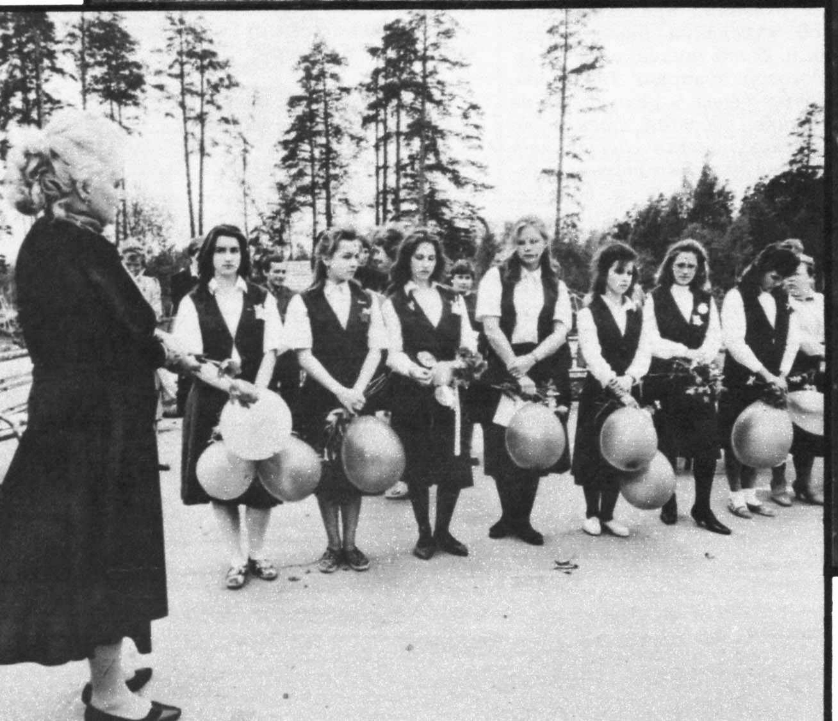
В «Огоньке» № 24 по вине редакции допущена ошибка.

Автором фотографии на обложке журнала является Алексей ВЕЙЦЛЕР.

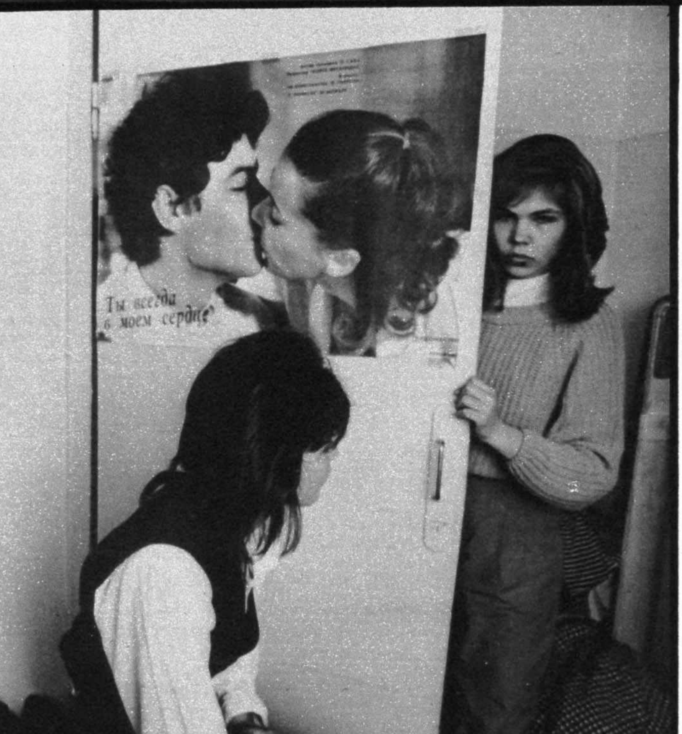
Редакция приносит свои извинения читателям и автору.

БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Александр ТЕРЕХОВ,
Юрий ФЕКЛИСТОВ (фото)



В мае месяце случается
очень много разного.
Сирень цветет.
Льют странно непривычные
после зимы дожди.
Майские жуки
витают над головами,
когда сажаешь девушку
на скамейку.
Колорадские жуки
лазают под ногами,
когда сажаешь
картошку в землю.
Патрули остекленевшими
от зависти взорами
провожают
хмельных воинов,
выслуживших
установленные сроки.
Еще в мае гуляют
счастливые коты.
Еще заводится
в кусте под окнами
соловей и поливает,
что ни вечер,
в песенном захлебе так,
что голова
мотается по подушке
и хочется
в форточку прокричать:
«Ну чо петь-то?
Жизнь, что ли,
хорошая пошла?!»
А еще в мае
приметишь вдруг
белые фартуки,
букеты,
гитару под мышкой
у самого небритого
выпускника
и остановишься:
так ведь это
последний звонок!
Все!



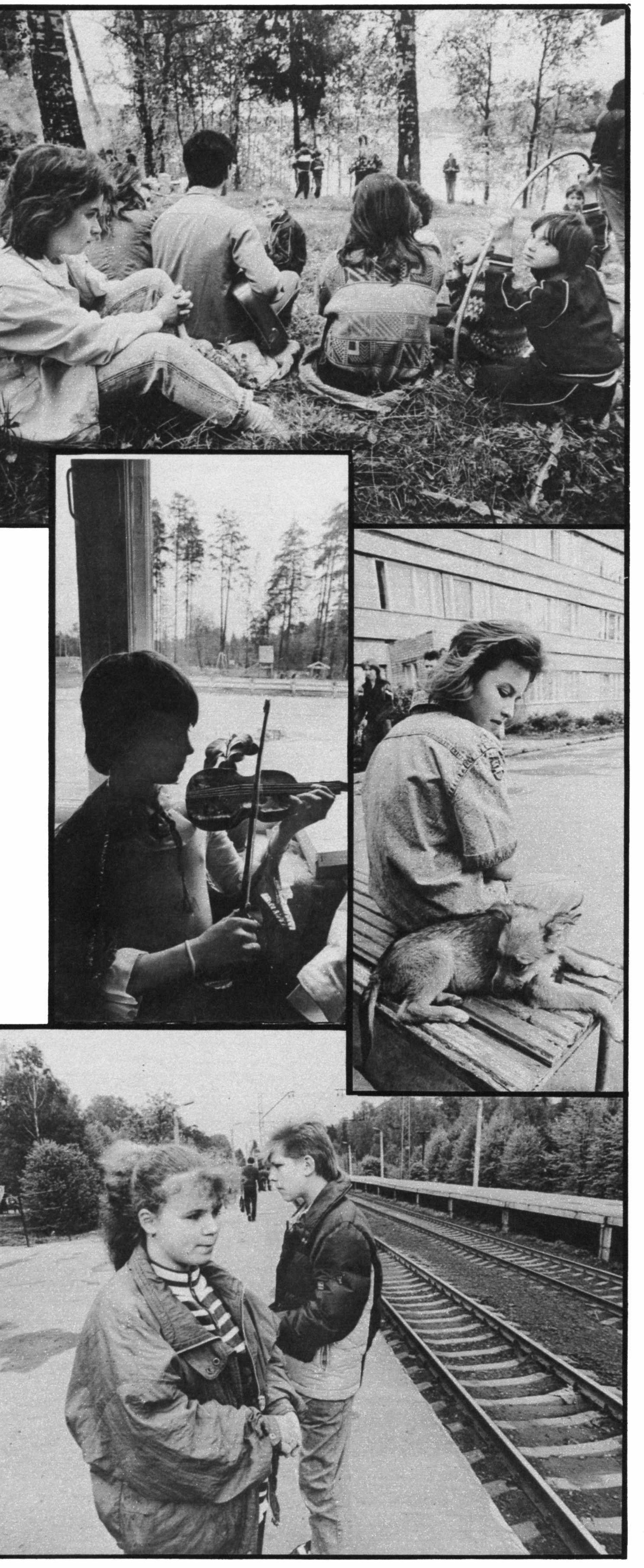
«Большое спасибо скажу я всем учителям и всем работникам детского дома за то, что отправили они меня в столь трудную и страшную жизнь подготовленной полностью к ней. Я мечтаю пойти работать в ателье, где я смогу проработать всю свою жизнь. Надеюсь, что у меня все удастся».

Только у каждого последнего звонка время по-разному вызванивает в железной бесплодной груди. В школе — больше радости, начала: прощай, алгебра! В детском доме рубит топор пуповину, которая так больно нарастала эти восемь лет, это конец, все, идите. А хорошо вам тут жилось, ребята?

— Классно! Начинали тяжко: старшие все на кулаке держали.

— От комсомольцев и пионеров уже отказались — сбросили галстуки.

— Фургоны из ФРГ с тряпками прихо-



дили. Помощь из Швеции шла. В театр приходим — думают: туристы.

— Жили в ФРГ, катались в Болгарию, в круиз по Европе, на Канарские острова. Каждый год кремлевская елка. «Артек» уже надоел.

— Да и за границей скучаем... А сейчас в футбол играли под дождиком — мяч у завуча сохнет.

— В пионерлагерях «домашние» ребята нас очень любят. Дружить — так с детдомовскими!

— Собак у нас много. Несут всех брошенных. Вот овчарка — Бегемот. Почему не лает? Так как ее принесли — все наши бросились ее дрессировать, как надо, злобить — она себе голос сорвала, только хрипит. Если каждый даже только по разу палкой ширнет...

«Я представляю себя красивой девушкой. У меня будет много детей, и я их не отдам в детдом и буду растить сама. Я буду работать в кооперативе и почему — потому, что программисты очень хорошо могут заработать».

«Мне будет очень трудно устроиться на работу. Мне придется самой как-нибудь прокормиться. Ведь сейчас в стране практически ничего нету. Когда я выйду замуж и у меня будет семья, мне станет трудней, чем я буду жить одна».

«Когда выходишь из детдома, начинаешь мечтать, что у тебя будет все, а вдруг не так получится. Вдруг ты пойдешь по другому пути. Я заведу себе кошку и собаку. Если будет попугай, то куплю его. Я никогда не забуду теплые стены детдома».

— А как вы будете жить, ребята?

— Как? В ПТУ. Туда, где общага — строительное, текстильное, в рыбное.

— На парикмахера. Брать нас не хотят, не уживаемся. Здесь, что бы ни случилось, голым ходить не будешь. И накормят. А там жалеть некому.

— Тут, блин, постоянно кто-то над душой стоит, на фиг. Мне для средней житухи надо тысячу, блин. Ребята, на фиг, в автослесари, газосварщики. Я к брату в кооператив, на фиг, блин...

— За семечки нас ругают. Мусорим.

— А вы — в кулак.

— Так кулак же маленький! Сколько там в него наплюешь?!

— О, если у нас тут кто-то с кем-то хочет погулять, то делать это надо не здесь, а где-то очень далеко отсюда. А если еще из города кто-то из «домашних» ребят приедет к нашей девочке, то — о, его тут такими инструкциями замучают!

«Я буду работать первоклассным водителем рефрижератора. Буду отлично, в положенное время доставлять груз в зарубежные страны. Хорошо буду конкурировать со своей работой и людьми, которые работают со мной. В машине будут не только руль и приборы, но и бытовые услуги: едешь и слушаешь магнитофон, плейер, жуешь иностранную еду и радуешься. Приезжаешь, отдаешь груз, посмотришь страну, купишь чего-нибудь и давай на Родину, отдыхать к жене, а она тебя ждет, встретит тебя и — целовать, потом ты ей дашь подарок, который ты купил ей. А она еще больше тебя любит. Вот так и завязывается любовь. У тебя, как у иностранца, и денег куча, и жизнь хороша. Разовьется наша страна лучше, чем Америка».

— Скажите, что вы будете вспоминать, когда встретитесь когда-нибудь?

— Приехали на ВДНХ, идем. Я засмотрелась на скейтбордиста. Иду-иду-иду — как врезалась в столб! Такое сальто! В юбке! Милиционер рядом стоял — ослеп.

— А как воспитательница, блин, идет по коридору, на фиг. И ногой за проволоку — ра-аз — полетела, блин. Встает, говорит: спокойно, спокойно, на фиг.

— Да погоди ты, а помните, как тот за трубу над дверью схватился и качался: взад — вперед. Воспитательница идет по коридору — ей ноги под нос вылетают из палаты, она хвать!

«Мои мечты вряд ли сбудутся».

«Мир скоро взорвется. Иисус Христос хороших людей заберет себе на небо. Или инопланетяне заберут к себе на планету. А плохих, которые совершали грех, они взорвут вместе с планетой».

«Когда я выйду из детского дома, то передо мной откроется новый мир».

Их никто не ждет за воротами. Об этом не стоит говорить — они и сами прекрасно знают, что никто их приходу не рад. В этом смысле они счастливее других — их жизнь не обманет. А все равно жалко. Себя не жалеешь — хоть и мы получили свое, а их жалко, когда май, последняя линейка и предрешенно никогда не сбудутся обещания: встречаться каждый год, писать каждый месяц, помнить каждый день. Жалко потому, что, как ни ставь вперед кулаки, жизнь все равно своротит по-своему. Жалко потому, что из дорожек оставлены им самые затоптанные и неботатые. Жалко потому, что и в их жизни было что-то такое, такое: когда их повели в лес за земляникой и они пошли через поле, белые панамки, держались за руки, за ручки, шли все дальше от дома, где старшие держали все на кулаках, от города, где обитали отказавшиеся от них «родичи», они шли за воспитательницей, которая все-таки понемногу, но была их мама, и кругом были какие-то желтые цветы, и воспитательница сказала, что это «куриная слепота», и все жмурились, боялись смотреть — вдруг ослепнут. А потом кто-то даже заплакал, он все-таки случайно посмотрел — его утешала воспитательница, а все стояли кругом, молчали и завидовали.

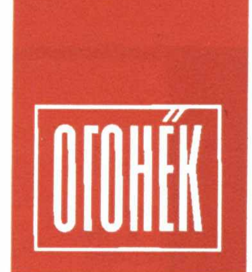
А потом набрали земляники и натыкали ее на длинный стебель травы, терпели, не пробовали и несли эти гирляндочки вместе с найденным белым грибом воспитательнице и протягивали ей — возьмите; преданно, по-доброму, очень от души — возьмите, пожалуйста, это вам.

У нас равная ноша, мы, может быть, богаче только снами. Снами, в которых приходит мама, поправляет одеяло, и надо вставать, надо вставать, и когда просыпаешься, ты сразу вспоминаешь, кто ты и где, но не можешь шевельнуться в тихой надежде, что, может быть, ты действительно был только что там, где мама, и твое дыхание стережет что-то, кроме мертвого времени. И пусть в конечном счете реально мы с ними равны, но все равно снами мы богаче.

И в этом наша вина, наше преступление перед ними, железный повод для смирения, помощи, искупления, стыда за свое счастье, в этом возможность быть человеком и держаться за это что есть сил, в этом надежда, что завтра станет немного светлей и лучше и не будут с такой болью отзываться в памяти белые фартуки и рубашечки майской порой. Мы богаче их, крохами, лохмотьями, снами.

Простите нас за сны!

Мы попробуем вас встретить за воротами.

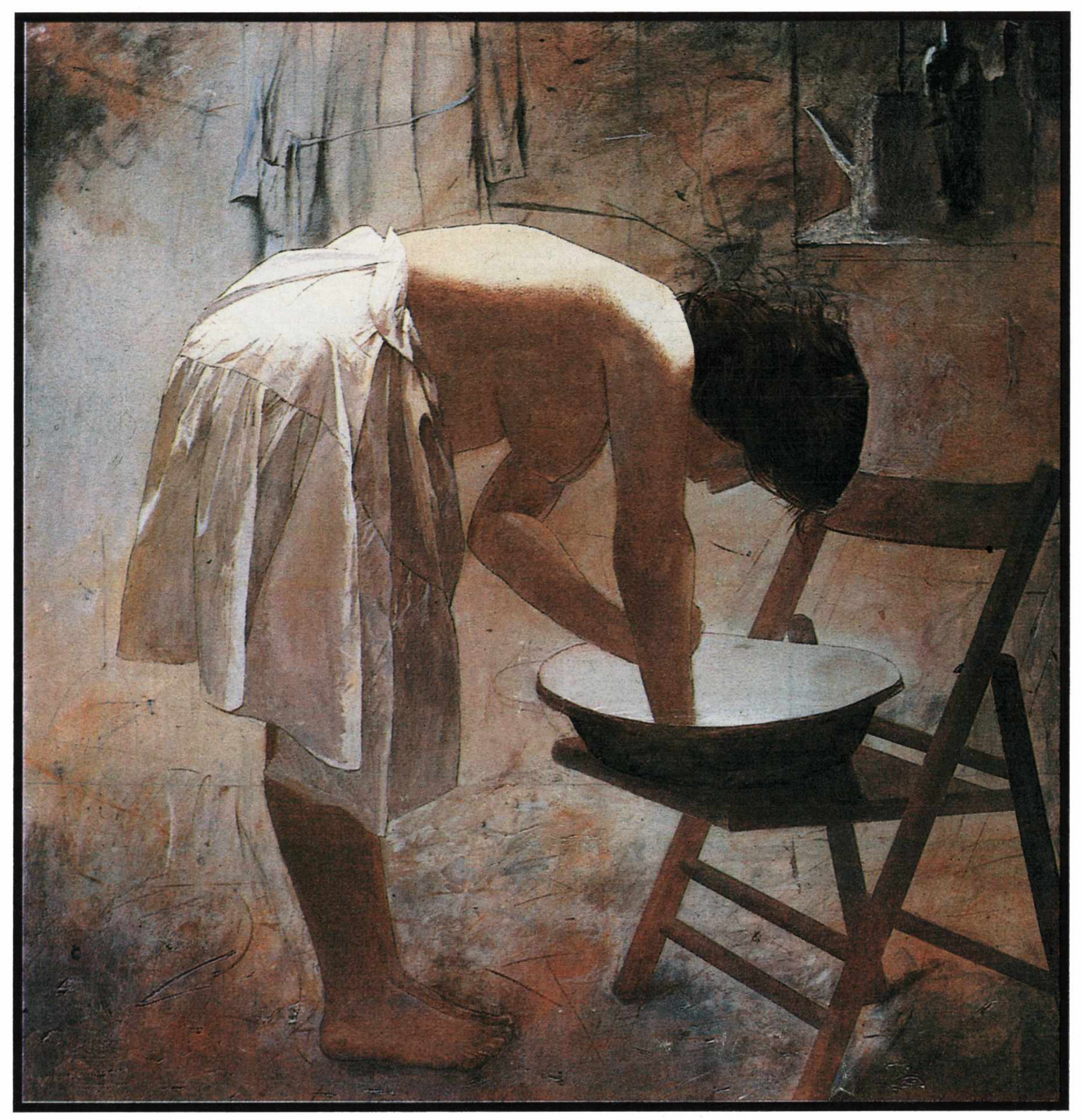


МАСТЕРСКАЯ

Виктор СИДОРЕНКО

ПАССАЖИР.

ОТТЕПЕЛЬ.



УТРО.

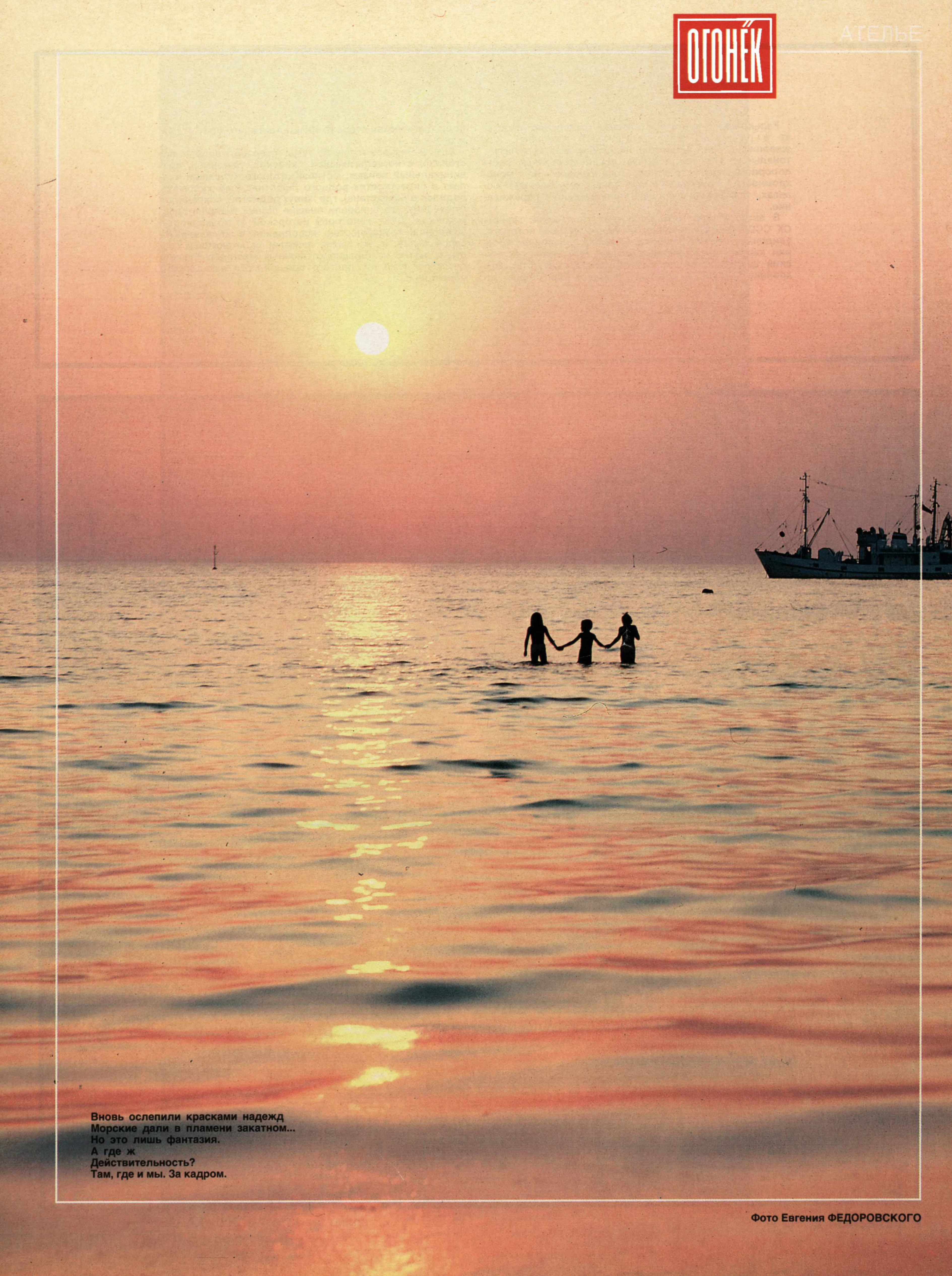
ЗАПАХ ЛУКА (Аральский цикл).

Харьковский художник Виктор Сидоренко работает в различных жанрах станковой живописи. Как живописец, он немногословен, больше использует тональные возможности, методично отстаивая свою колористическую систему, основанную на монохромности, приглушенности тона, живописных нюансах, способных передать человеческое переживание.

В августе 1989 года в составе творческой группы СХ СССР Виктор побывал на Арале, гибель которого, увиденная воочию, глубоко потрясла художника. В серии картин, объединенных общим названием «Аральский цикл», почти нет развернутой драматургии. Это хроника будней, в которой раскрыта обнаженная до боли трагическая сторона жизни Арала, его обитателей, женщин и детей.

Есть у Виктора и другие темы, разрабатываемые постоянно, с ностальгической окраской. Например, провинциальный пейзаж, мотивы которого художник черпает в окрестностях родного Люботина (сам художник родился в Казахстане), где живут родители, сохранился отчий дом. Его акварели внешне полны тишины, сдержанности, даже некоторой авторской отстраненности, усиленной графичностью исполнения в коричневато-серой гамме. В эти тихие пейзажи вплетаются и грустные ноты, исходящие от ночных оконных глазниц детского дома, от долгого прощального взгляда его обитателей...

У ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ.



Вновь ослепили красками надежд
Морские дали в пламени закатном...
Но это лишь фантазия.
А где ж
Действительность?
Там, где и мы. За кадром.

Фото Евгения ФЕДОРОВСКОГО

ОТДЕЛ ИСКУССТВ ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

РЕАЛИЗМ СЕГОДНЯ.

Художник из Харькова Виктор Сидоренко.

Александр МИНКИН:

«И я все жду, когда премьер-министр нашего общего «драмкружка» предложит нам варить кашу на неделю и мыться раз в месяц. И когда предложит, мы будем знать, где он набрался ума...»

СОВЕТСКИЕ АРТИСТЫ СПЕЦНАЗА

продолжают штурм Брайтон-Бич. Оценка их десантных операций невоенным специалистом из Нью-Йорка Станиславом Непомнящим.

ИСКУССТВО ПРИНАДЛЕЖАТЬ НАРОДУ

Александр МИНКИН

— Где государь?
— В своей опочивальне он заперся с каким-то колдуном.

Пушкин. «Борис Годунов»

Все чаще натыкаюсь на имя т. Кургиняна. И не в разделе курьезов «Театральной жизни», где руководителям драмкружков, собственно, и место. А на полосах политических газет. Говорят, Кургиняна и по телевизору показывали. Слава Богу, не смотрю.

Когда Кургиняну дали полосу в газете «День», организованной руководителями Союза писателей РСФСР, это было нормально. Рядом с монструальными фантазиями Бондарева и воинственными призывами Проханова (главред «Дня») откровения Кургиняна выглядели вполне уместно, как еще одна банка в кунсткамере.

Но, к немалому удивлению, даже в «Независимой газете» дважды обнаружились целые полосы (!), посвященные кургиняновским штукам. Штуки эти называются научно («анализ», «прогноз») и набиты научными словами, но разве это повод разбирать их всерьез?

Представьте, объявится очередной Наполеон. Разве это повод печатать огромную статью, с датами, с документами, с иронией и страстью доказывая, что настоящий Наполеон уже умер на острове Св. Елены? Да еще добавлять уничтожающе, мол, у нашего и то, и это — все не то, и по-французски он ни бэ ни мэ. Зачем тратить столько сил? Об чем спорить? Отойди от него. Он проголодается и уймется.

...С творчеством Кургиняна и с ним самим я познакомился весной 1984-го (апрелем-85 тогда и не пахло). Театр-студия «На досках» показал в крошечном зальчике спектакль «Я» по «Запискам из подполья» Достоевского.

Четыре мальчика и четыре девушки то хором, то по очереди произносили реплики из дневника Парадоксалиста. Одна и та же фраза, сказанная на разные лады — агрессивно, цинично, истерично, визги, всхлипы, шепоты создавали впечатление работы больного, раздраженного сознания (чем в какой-то степени и является дневник подпольного человека). Впечатление несколько противное, но ведь и персонаж — не подарок.

Подчиняясь неписаным правилам: не огорчать начинающих и не требовать от любителей профессиональных достоинств, дабы не задуть творческий фитилек,— я выговорил несколько невнятных комплиментов. Да и на самом деле зрелище было любопытное, нетрадиционное. В 1984-м это считалось достаточным. И я не стал упрекать режиссера тем, что от содержания «Записок из подполья» в спектакле осталось не больше, чем от названия, от коего уцелела лишь последняя буква.

За похвалу я был зачислен в друзья, меня начали преследовать приглашения на все спектакли, от меня настойчиво ждали рецензий, помощи, защиты...

После спектакля «Я» Кургинян уговорил часть публики остаться и задавать ему вопросы. Пожилые дамы тут же захотели узнать смысл того, что они видели, и к какой системе (Станиславского или кого другого?) относится метода Кургиняна.

По неосторожности я остался, о чем скоро горько пожалел. Кургинян вцепился в присутствующих и заговорил громко, быстро, грамматически правильными фразами, состоящими сплошь из ученых слов. При этом он делал умоляющие жесты, призывая не шевелиться и не перебивать. Да и не было возможности перебить. На исходе первого часа безостановочной речи я собрался с духом и выскользнул из зала. Психологическое происхождение спектакля «Я» было ясно, как классический диагноз.

Теоретических достижений из потока фраз уловить не удалось. Вероятно, я что-то не так понял, ибо услышанное показалось мне бредом. Выходило, что кандидат точных наук Кургинян на досуге изобрел систему игры на сцене, усвоив которую (систему) каждый может стать гениальным актером. Почему это так — я не мог понять. Но актеры (мальчики и девочки), видимо, поняли. Или просто поверили в эту приятную теорию. Что и недолго при кургиняновской одуряющей убедительности.

С практикой оказалось проще. Кургинян с гордостью поведал, что участники его драмкружка... он, конечно, говорил «театр-студия», но это заблуждение простительное... так вот, его студийцы совсем не имеют личной жизни. Все время уходит на изучение системы и репетиции. «Раз в неделю,— сообщил Кургинян,— у студийца есть свободный вечер, чтобы помыться, постирать и сварить себе кашу на неделю». Вид у кандидата наук был удовлетворенный, но не совсем. Вот если бы мыться и варить кашу раз в месяц...

Драмкружок оказался жуткой казармой, где с энтузиазмом разогревают пожилую кашу. Имя «На досках», которое Кургинян объяснял готовностью играть свои спектакли где угодно, лишь бы были подмостки, имя это имело скрытый смысл с фанатичным оттенком: на голых досках, на досках с гвоздями.

Последующие спектакли «На досках» оставляли все более мрачное впечатление. Четырех- или пятичасовой «Борис Годунов» поставил точку в моем знакомстве со сценическим творчеством Кургиняна. Он уничтожил трагедию Пушкина.

И раньше мало кому удавалось хорошо поставить эту пьесу, но уничтожить ее не мог никто. А Кургинян смог. Исчезли стихи. Исчезли фразы. О сюжете и не говорю. Мальчики и девочки то агрессивно, то истерично выкрикивали отдельные слова или просто звуки, ползали, прыгали, извивались. Пимена играла актриса. Пышный Пимен капризился и пугал жестами. Терпения хватило мне ненадолго. Ушел. И навечно попал в список врагов. И не я один. Спустя пару месяцев в пресс-центр Каунасского театрального фестиваля далеко за полночь, пошатываясь, вошла симпатичная критикесса с требованием:

— Кричите мне «ура»! Я единственная досмотрела до конца кургиняновского «Бориса».

Не заступаюсь за Пушкина. Он цел и невредим. Но метод Кургиняна стал ясен до предела: тотальное уничтожение смысла и торжество бессвязности.

Представьте, что текст «Бориса Годунова» пропускают через мясорубку. Затем из крошечных бессмысленных клочков склеивают что-то свое. Скажем, песни о Сталине, или «Целину» Брежнева, или просто абракадабру. Полученное творение вставляют в обложку, на которой значится: Пушкин. «Борис Годунов». И попробуй возрази. Ведь действительно, ни одной буквы «от себя» — все из «Бориса».

Симптоматично: определенные круги, называющие себя патриотическими (писатели, фронты, журналы, объединения), чрезвычайно внимательны к чистоте крови. В поисках зла, в розысках врага они обнаруживают «породненных», «полукровок», изучают отчества прабабушек.

И вот эти-то патриоты принимают к себе лиц, совсем не подходящих по пятому пункту. Русскими хулиганами вдруг начинает руководить Осташвили, в кружке русских писателей солирует Карем Раш. Что, их специально взяли для демонстрации интернационализма? Нет, этот термин там почти ругательство. Взяты инородцы, конечно, за вдохновенность. Кто сможет так цветисто поливать жидомасонов, как это

умел несчастный Осташвили? Казалось, в его мозгу сами собой образуются бесчисленные, обычному человеку недоступные антисемитские образы и ассоциации. Карем Раш — кто, кроме него, еще способен сегодня на голубом глазу заявлять, будто советские офицеры — ум, честь и совесть нашей эпохи, и печатно уверять мир, что СА принесла в Афганистан «пушкинскую духовность»? (Вот от чего, значит, бежали и гибли миллионы афганцев — от духовности.)

Возвышение Кургиняна — в этом же ряду. Как и подобные ему, Кургинян являет смесь высокопарной туманной учености с приятным общедоступным патриотизмом, а главное, всегда знает и прямо указывает, кто враг.

Сначала режиссера полюбил Комсомол, потом — Московский горком КПСС. Потом некая неслабая организация финансировала его поездку в Литву. Там Кургинян снял документальный фильм о том, что никто, кроме отдельных литовских экстремистов, не хочет отделяться. Сняв «своих», Кургинян на полгода опередил невзоровских «наших».

Трофим Лысенко бредил. Но именно этот бред был доступен пониманию владык. Кухарки и гангстеры, даже и дорвавшись до власти, сохраняют свои пристрастия, вкусы и суеверия. Сталин не полюбил классическую музыку. Будучи величайшим диктатором, имея безграничные возможности, он в отличие от многих утонченных садистов и параноиков не содействовал высокому искусству. Не мог подняться выше «Сулико». То же и следующий. С детства считая искусством коврики с аленушкой и лебедями, он с полной убежденностью обзывал авангардистов пидарасами.

Действительно! Есть такой хороший народный способ — зачем же извращения? Зачем вместо красивой аленушки — треугольник? Вина всех пидарасов была в том, что они не хотели принадлежать народу.

Тут надо наконец понять, что такое советский народ (которому принадлежит искусство). Крестьяне? рабочие? чукчи? узбеки? Да, они, конечно, часть народа, но не народ (об интеллигенции и не говорю).

Народом у нас до последнего времени был генеральный секретарь ЦК КПСС. Он был законодателем вкусов во всей стране, во всех искусствах. И девушка с веслом стоит и в Прибалтике, и в Приаралье. И когда султан говорит, что искусство, дескать, принадлежит народу,— понимай: искусство принадлежит мне.

И понимают. И не чем иным, как умением принадлежать «народу», определяется карьера.

Вожди наши, чуждые всякой религии, не имея ее нравственной защиты, легко и закономерно впадают в любую шарлатанскую ересь. Кроме религии, защитой могут служить истинная культура и тонкий вкус, которые не приемлют шарлатанство за его примитивность и пошлость, не приемлют эстетически. Но у вождей наших культуры и тонкого вкуса отродясь не бывало. Да и быть не могло.

Обладая тонким вкусом, невозможно заниматься научным коммунизмом, невозможно сделать партийную карьеру. Кажется, даже напротив: рекомендуется хамить, пьянствовать, похабничать, брать взятки и воровать из музеев. Надо быть «своим» среди «наших». Ты должен со всеми потрохами принадлежать «народу», даже если он ложку в ухо несет.

Замечательно сказано: недостаток вкуса ведет к преступлению. Когда закончился XXVIII съезд и телекамера скользила по вождям в президиуме, стоя поющим «Интернационал», я в душе взмолился: не надо! Куда там! Стоял Горбачев и пел «Интернационал», а рядом, обещая «воспрять»,— Полозков. Дуэт этот был столь отвратителен эстетически (хотя политически понятен), что до сих пор мне кажется — это был шаг к Вильнюсу.

Я недаром помянул Лысенко. Когда мы покупаем зерно везде, где еще дают в кредит, мы привычно браним колхозы и скорбим о коллективизации. Но забываем о том, кто 30 лет подряд обещал владыкам, что завтра из сорняков получится овес, а послезавтра — из мышей баранина. Чем был силен шарлатан? Тем, что принадлежал народу,— то есть был понятен, говорил понятные слова: заговор, вредители, антимарксистский подход.

Когда голубой советский экран оккупировали целители (еще задолго до Кравченко), это был опасный симптом. Народу обещали дать здоровье по I программе: можешь, дружок, жить и в Чернобыле, только почаще телевизор включай.

Напомню всемирно известный эксперимент с крысами, которым втыкали электрод в центр наслаждений. И крыса, не обращая внимания на еду, непрерывно нажимала лапкой на контакт, пока, счастливая, не умирала с голоду.

Впрочем, пока соседка получает по ТВ молодость и красоту, меня это не слишком беспокоит. Но не хотелось бы застать вождя за этим делом. Не хотелось бы видеть членов Президентского Совета Безопасности раскачивающимися перед экраном.

В том, что я взялся писать о Кургиняне, виноват Павлов. Одно дело, если жесткие меры — часть грамотного плана, другое — шарлатанские штуки. Речи премьера звучат слишком знакомо. Стоит взглянуть, скажем, в газету «День», и мы увидим, где Павлов добыл сведения о врагах нашего Отечества. Газета писателей утверждает: в том, что случилось с нашей страной, виноваты «определенные силы, которым выгодна происходящая катастрофа». Перечень «определенных сил» начинается с «транснациональных компаний, интересы которых по развалу СССР обеспечивает система спецслужб».

Во всем мире транснациональные компании и банки организуют экономику, и только у нас они разваливают ее. Видимо, чтобы никогда не получить обратно свои кредиты.

А на следующей полосе того же первого номера «Дня» — анализы Кургиняна. Заметка, занявшая всю страницу, разбита режиссером не на главки, не на сцены — на «узлы»! Не могу отказаться от удовольствия процитировать финальный:

«ДЕСЯТЫЙ УЗЕЛ. ПОСЛЕДНИЙ И ГЛАВНЫЙ. ЭТО ПРЕЗИДЕНТ.

Как режиссер, берусь утверждать, что об отставке Э. А. Шеварднадзе Президент не знал. Судить могу только по мимике, пластике, особенно по непроизвольным движениям левой руки».

Это узелковое письмо преподносится на полном серьезе.

Спектакль «Конь вороной». 29 апреля он сыгран «на досках» в ЦК КПСС на Старой площади.

В «Огоньке» № 17 один наш госдеятель приводит список своих авторитетов: «Сахаров, Солженицын, Назарбаев, Явлинский, Кургинян».

Сахарову, конечно, все равно. Но смотрите: Кургинян оказался в обойме с одним из величайших людей века. За спектакли драмкружка? За гадания по непроизвольным движениям президентской руки? Здоров ли составитель списка?

Список составил и опубликовал наш премьер-министр. Для потомков и иностранцев — анекдот. Для нас — горе горькое...

Люди без веры, без культуры, люди, не знающие истории и не желающие ее знать, люди краткого курса, желающие немедленно загнать нас в коммунистический рай, чтобы при жизни насладиться любовью восхищенного человечества, эти люди торопятся.

Наслушавшись шарлатанов, обещающих с помощью философского камня превратить свинец в золото, а с помощью марксизма-ленинизма — овсюг в овес, наши вожди столь же быстро (и с тем же успехом) превращали нас, советских людей, в ангелов с помощью кодекса (строителей коммунизма). Экономику лечат, отбирая деньги и печатая еще больше новых с новым орнаментом вокруг старого портрета...

И я все жду, когда премьер-министр нашего «драмкружка» предложит нам варить кашу на неделю и мыться раз в месяц. И когда предложит, мы будем знать, где он набрался такой премудрости. На досках. На голых досках с гвоздями.

■

Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

Станислав НЕПОМНЯЩИЙ

ОБМАН В РАМКАХ ОБМЕНА

Хоть и довелось мне за три с небольшим года жизни на Западе немало постранствовать, крепко сидят в памяти прошлые, часто вынужденные путешествия по Союзу. Одно из них привело меня в некий городок Калининградской области, где главной достопримечательностью был ресторан, а самой популярной личностью — руководитель ресторанного оркестра. Впрочем, все назовем своими именами: город Советск, ресторан «Россия», солист-ударник Боря Дубовик...

Вся эта присказка к тому, что каждый раз, попадая в любой из ресторанов на Брайтон-Бич («маленькая Одесса», как называют этот район «новые американцы»), я вздрагиваю, слыша до боли знакомые слова: «Эта песня звучит для тети Симы из... (Рязани, Чикаго и т. д.)». И чудится мне: вот подыму глаза, а там, на эстраде, уже сидит, навесив преданную, «собачью» улыбку на круглую физиономию, Боря Дубовик собственной персоной! А ресторан трясется под «Гоп-стоп»...

* * *

Больше двух лет прошло с тех пор, как в нью-йоркской газете «Новое русское слово» была напечатана моя статья «Артисты спецназа». Проблемы, затронутые в ней, сегодня, по моему мнению, стали еще актуальнее, и тем более странно, что советская печать в чаду политической кухни абсолютно не уделяет им внимания. Речь идет о «культурном обмене», как любят называть это явление на шатких телемостах и в газетных вокализах, а точнее — о некультурном обмане и его результатах.

Позволю себе начать с цитаты из тех самых заметок:

«Сегодня можно с уверенностью сказать, что политика гласности делает (сегодня заменим на «сделала».— **С. Н.**) свое дело не только в метрополии, но и здесь, у нас, на берегах Потомака и Гудзона, под жарким небом Калифорнии и в интеллектуальном воздухе Бостона,— словом, там, где живет и работает большинство эмигрантов. Вот только возникает один вопрос: как назвать происходящее на концертной эстраде? То ли «свежими ветрами» из Москвы, то ли «щупальцами-метастазами» советской власти?

Кто из советских «суперзвезд», просто «звезд» и «звездочек» не побывал в Америке за последние два-три года? Один перечень имен чего стоит! Тут Пугачева и Ротару, Лещенко и Кобзон, Брунов и Розенбаум, Хазанов и Задорнов, поэты, композиторы, драматические артисты, театры оперетты — всех перечислять поименно не имеет смысла».

Полемику статья вызвала довольно оживленную. И некоторые возражения заставили меня усомниться в собственной правоте. «Действительно,— писали оппоненты,— что плохого в том, что сегодня мы имеем возможность лицезреть воочию тех артистов, которые еще лет пять-шесть назад не могли бы появиться в Штатах? Ту же Пугачеву, Жванецкого...» Действительно, что в том плохого? А то, что происходящее даже с лучшими, с тем же Михаилом Задорновым, например, уж не говоря о большинстве его коллег по концертной эстраде, гостями из Союза нельзя назвать иначе, как падение в халтуру.

(Михаил Задорнов в поездках по США, а теперь и по Канаде неутомимо и мужественно клеймит советскую власть. Но нам-то, живущим здесь, что до этой власти! Кажется мне, что в его сатирических монологах сегодня гораздо больше нуждаются так часто упоминаемые им «закрома Родины».)

Понятно, что в уплотненном графике местных гастролей, к которым больше всего подходит выражение российских лабухов «чёс» (каково звучит: «чёс по Штатам», а?), нет места для серьезного отбора репертуара и забот об авторитете собственного имени — публику надо УСЛАЖДАТЬ, а значит, заигрывать с ней для того, чтобы залы ресторанов, в лучшем случае школ, оказались заполнены. Так и окунаемся мы в волны безвкусицы и пошлятины, экспортируемой из Москвы. В итоге те артисты, которых мы помним как талантливых и достаточно отважных на родине, предстают перед нами здесь в качестве рассказчиков политических сплетен и бородатых анекдотов.

Скольких, к примеру, истинных почитателей своего таланта потерял после здешних гастролей популярный артист, показывая репризу, в которой один приятель по пьянке помочился на другого?

Странными, мягко говоря, выглядят иногда заголовки в советской прессе о «переполненных залах» и «сенсационных» успехах «звезд» Гос-, Рос-, Мос- и прочих «концертов» на Западе, и в Америке в частности. Мы-то отлично знаем, как умеет советская печать вырывать «приятные» куски информации из сообщений западной прессы.

Конкретно? Пожалуйста: до сих пор, а прошло уж сколько времени, от приезжающих гостей, из писем родственников и знакомых узнаю о фуроре, который произвела, оказывается, в Америке Пугачева, о «покорении» ею тысяч американцев. Ну как объяснить, что это, мягко говоря, не совсем так?

Да, знаменитый, да, «Карнеги-холл», да, был заполнен на концерте Аллы Борисовны, но лишь раз, и только эмигрантами, плюс десяток студентов-американцев, изучающих славистику. О втором, а уж тем более о третьем разе не могло быть и речи — некому было прийти. Вряд ли знает советский читатель, что любой, даже самый престижный зал в Америке доступен каждому. Если у вас в кармане три — пять тысяч долларов, то «пожалте и в Карнеги!».

Что же касается других эстрадных певцов и музыкантов, то за пределами русских ресторанов (по

Рисунок Алексея МЕРИНОВА

большей части в районе уже упомянутой Брайтон-Бич) их голосов не слышал никто.

И все знают, что отечественные гастролеры рассчитывают лишь на эмигрантскую публику, прежде всего на людей пожилых и недостаточно владеющих английским языком, для которых посещение этих концертов — воспоминание о прошлом, дань ностальгии. Понятно стремление заработать доллары, но почему лишь таким дешевым способом?

Если еще два года назад мы видели действительно самых популярных исполнителей из СССР, то теперь этот уровень, как считают многие, резко снижается. Видимо, по принципу «и это скушают». Борис Брунов, Капитолина Лазаренко или Владимир Трошин пользовались успехом на родине лет двадцать назад, но сегодня, да еще в Америке? Извините...

Все это напоминает практикуемую в СССР систему, когда несколько артистов, некогда бывших популярными то ли на экране, то ли на театральных подмостках, объединяются в бригаду и отправляются в какую-нибудь провинцию на пять — десять выступлений в надежде, что их еще здесь не забыли. Да и вообще провинциальный зритель «звездами» не избалован, посему и хватает дорогие билеты, дабы посмотреть на живых знаменитостей.

Между прочим, и сами артисты не всегда представляют, куда их могут завести, в буквальном смысле, те люди, что и сами решили на них заработать. Примером тому только что происшедшая скандальная история с группой советских танцовщиц из одного ленинградского варьете. Приглашенные в Канаду, в Торонто, для работы в концертно-музыкальном шоу, они усилиями двух своих антрепренеров-эмигрантов вскорости попали в ночной стриптизный бар, где вынуждены были за нищенскую плату раздеваться под «похотливыми взглядами акул капитализма». Спасибо канадской полиции, которая за проживание в стране на нелегальном положении усадила их в тюрьму, а потом решала, кому выдать документы на выезд, а кому — чтобы выйти замуж.

А с другой стороны, тот же Вилли Токарев, в Нью-Йорке за пределами своего ресторана никому не известный, в СССР пользуется таким успехом, собирая полные стадионы, что пора ему дать какое-нибудь звание — лауреата премии Ленинского комсомола, например...

Эпидемия безвкусицы и серости, которая быстрее почты пересекает океан в обоих направлениях в поисках ресторанных чаевых, с фантастической энергией добивает еле живую, некогда великую культуру.

Но мои советские корреспонденты, так же как и новоявленные бизнесмены, приезжающие из Союза, продолжают уверять меня, что все ими предлагаемое, начиная с исполнителей и кончая кинофильмами, пойдет нарасхват. Господа десантники, американцы вовсе не так наивны, как вам это представляется. Знаете ли вы, что никому из ваших артистов эстрады, даже со званиями, в Америке настоящей карьеры сделать не удалось? Единственное исключение составляет известный ныне на всю Америку комик, а некогда заштатный конферансье Яков Смирнов. Но он хохмит по-английски. И подумайте вот о чем. Сколько по-настоящему больших художников еще осталось в Союзе? А этих людей и были-то единицы. Вот именно они, немногие, и есть те самые мастера, которые строят подлинные мосты возрождения русской, а значит, и мировой культуры.

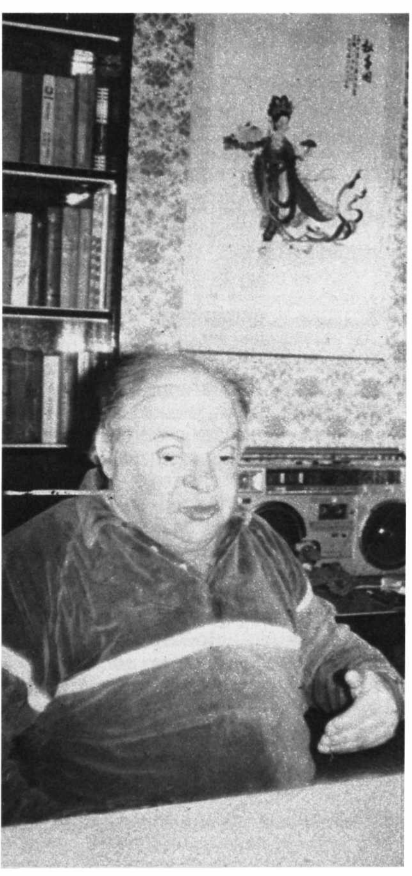
Примеров немного, но они есть. Упомяну лишь о двух: о совместной работе Романа Виктюка с Натальей Макаровой и Михаилом Барышниковым и о совсем свежей постановке чеховского спектакля в одном из американских университетов Александром Калягиным. Подробности они могут рассказать сами.

* * *

А пока... Пока в русскоязычной американской прессе вновь появилась реклама «чудесного исцелителя» Кашпировского, приехавшего собрать очередную дань с американских соотечественников, да вроде удалось устроиться одному народному артисту СССР: подписал контракт на два года в одном из русских ресторанов. И... опять пойдут-поедут-полетят "FROM RUSSIA WITH LOVE" новые десантники от искусства...

Я не удивлюсь, если в один прекрасный день стены Линкольн-Центра окажутся залепленными афишами, на которых будет метровыми буквами выписано гордое имя: "BORIA DUBOVIK".

Нью-Йорк



Наум КОРЖАВИН

«Я каждый день встаю в чужой стране...»

* * *

То свет, то тень,
То ночь в моем окне.
Я каждый день
Встаю в чужой стране.

В чужую близь,
В чужую даль гляжу,
В чужую жизнь
По лестнице схожу.

Как светлый лик,
Влекут в свои врата
Чужой язык,
Чужая доброта.

Я к ним спешу.
Но, полон прошлым всем,
Не дохожу
И остаюсь ни с чем...

...Но нет во мне
Тоски — наследья книг —
По той стране,
Где я вставать привык.

Где слит был я
Со всем, где все — нельзя.
Где жизнь моя
Была да вышла вся.

Она свое
Твердит мне, лезет в сны.
Но нет ее,
Как нет и той страны.

Их нет давно.
Они, как сон души,
Ушли на дно,
Накрылись морем лжи.

И с тех широт
Сюда, смердя, клубясь,
Водоворот
Несет все ту же грязь.

Я знаю сам:
Здесь тоже небо есть.
Но умер там
И не воскресну здесь.

Зовет труба:
Здесь воля всем к лицу.
Но там судьба
Моя
    пришла к концу.

Легла в подзол.
Вокруг одни гробы.
...И я ушел.
На волю — от судьбы.

То свет, то тень.
Я не гнию на дне.
Но каждый день
Встаю в чужой стране.

* * *

Ах ты, жизнь моя — морок и месиво.
След кровавый — круги по воде.
Как мы жили! Как прыгали
                                        весело —
Карасями на сковороде.
Из огня — в небеса ледовитые...
Нас прожгло. А иных и сожгло.
Дураки, кто теперь нам завидует,
Что при нас посторонним тепло.

* * *

Бог за измену отнял душу.
Глаза покрылись мутным льдом.
В живых осталась только туша
И вот нависла над листом.

Торчит всей тяжестью огромной,
Свою понять пытаясь тьму.
И что-то помнит... Что-то помнит...
А что — не вспомнит... Ни к чему.

ПИСЬМО В МОСКВУ

Сквозь безнадегу всех разлук,
Что трут, как цепи,
«We will be happy!», дальний друг,
«We will be happy!».

«We will be happy!» — как всегда!
Хоть ближе пламя.
Хоть века стыдная беда
Висит над нами.

Мы оба шепчем: «Пронеси!»
Почти синхронно.
Я тут — сбежав... Ты там — вблизи
Зубов дракона.

Ни здесь, ни там спасенья нет —
Чернеют степи...
Но, что бы ни было — привет! —
«We will be happy!».

«We will be happy» — странный
                                        звук.
Но верю в это:
«Мы будем счастливы», мой друг,
Хоть видов нету.

Там, близ дракона, нелегко.
И здесь непросто.
Я так забрался далеко
В глушь... В город Бостон.

Здесь вместо мыслей пустяки.
И тот, как этот.
Здесь даже чувствовать стихи
Есть точный метод.

Нам не прорвать порочный круг,
С ним силой мерясь...
Но плюнуть можно... Плюнем, друг!
Проявим серость.

Проявим серость... Суета —
Все притязанья.
Наш век все спутал: все цвета
И все названья.

И кру́гом ходит голова.
Всем скучно в мире.
А нам не скучно... Дважды два —
Пока четыре.

И глупо с думой на челе
Скорбеть, насупясь.
Ну, кто не знал, что на Земле
Бессмертна глупость?

Что за нос водит нас мечта
И зря тревожит?
Да... Мудрость миром никогда
Владеть не сможет!

Но в миг любой, пусть век колюч,
Пусть все в нем дробно,
Она, как солнце из-за туч,
Блеснуть способна.

И сквозь туман, сквозь лень и
                                        спесь,
Сквозь боль и страсти
Ты вдруг увидишь мир как есть,
И это — счастье.

И никуда я не ушел.
Вино — в стаканы.
Мы — за столом!.. Хоть стал
                                        наш стол
В ширь океана.

Гляжу на вас сквозь целый мир,
Хочу вглядеться...
Не видно лиц... Но длится пир
Ума и сердца.

Все тот же пир... И пусть темно
В душе, как в склепе,
«We will be happy!» ...Все равно:
«We will be happy!»

Да, все равно... Пусть меркнет
                                        мысль,
Пусть глохнут вести,
Пусть жизнь ползет по склону вниз
И мы — с ней вместе.

Ползет на плаху к палачу,
Трубя: «Дорогу!»
«We will be happy!» — я кричу
Сквозь безнадегу.

«We will be happy!» — чувств настой.
Не фраза — веха.
И символ веры в тьме пустой
На скосе века.

ПЕСНЯ ОТДЕЛЬНОЙ ЛЕЙБ-КАЗАЧЬЕЙ СОТНИ НЕИЗВЕСТНОГО ЭСКАДРОНА

У озер лесных биваки,
Молодецкие атаки,
Дым скрывал зарю.
В Новом Хемпшире мы жили,
Славно, весело служили
Батюшке-царю.
Батюшке-царю.

Но настала та минута,
Паруса вовсю надуты,
Грузим пушки в трюм.
Здравствуй, Дон! И здравствуй, Терек!
Покидаем дальний берег
И плывем в Арзрум.
И плывем в Арзрум.

Что ж вы, братцы, лейб-казаки!
Иль впервой менять биваки?
Так о чем тужить!
Что за страх — края чужие!
Раз мы войско, мы в России,
Где б ни вышло жить.
Где б ни вышло жить.

Андрей Назаров не был свидетелем событий, о которых пишет. Он родился в 1943 году, и война коснулась его лишь краем, а революция затронула старшее поколение его семьи, обездолив старый дворянский род. То, чего не сделали по каким-то причинам деды, сделал внук. В 1981 году Назаров уехал из России. Сокращенный вариант «Песочного дома», в основном написанного в Москве, был опубликован в 1984 году в журнале «Время и мы» в Нью-Йорке, откуда роман и возвращается сегодня на родину. Публикация в «Огоньке» предваряет его выход в издательстве «Радуга».

До сих пор критически осмыслить опыт советской власти в крупной художественной форме пытались, как правило, ее ровесники: В. Гроссман, А. Солженицын, Ю. Домбровский.

И как Высоцкий в лучших своих песнях из барда с гитарой вырастал в Поэта, так и Назаров в своем романе не просто умный и наблюдательный свидетель, но Писатель.

Нравственный смысл романа, его философия, его политическая ориентация облагорожены художественной формой. Автору не только есть что сказать, но он знает и как сказать. И потому его роман демонстрирует замечательное единение формы и содержания.

Судеб людей, населяющих «Песочный дом», хватило бы на десяток бытописателей. Но у Назарова они сплетаются в сложном многоголосии, из которого вычленить один голос — значит разрушить гармонию романа и гармонию жизни, где есть место всем. И командарму Василию Савельевичу, о котором сказано: «этот русский богатырь вовсе и не жил никогда, а бродил по жизни со свободой животного, не ведающего добра и зла», и Авдейке, его внуку, в котором сосредоточены надежды автора, и дяде Пете — солдату, и интеллигенту Лерке, и люмпену Сахану, и выпавшему из истории и пристроившемуся в управдомы Пивоварову-Пиводелову. У каждого из них свой голос, своя мелодия.

Роман Андрея Назарова, подобно песням Высоцкого, вобрал в себя все стороны советской жизни — «песочного дома», фундамент которого был заложен в семнадцатом году.

Толпа, по любимому автором толстовскому выражению, не есть объединение дурных людей, но есть объединение людей их дурными сторонами. «Песочный дом», в котором живут герои романа, не может сплотить их в гармоничное общество, а может лишь сбить в толпу.

Ася КУНИК,
Нью-Йорк

ПЕСОЧНЫЙ

Сойдем же, и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого.
Бытие, XI, 7.

В августе 1941 года во время вечерней бомбардировки Москвы в шестиэтажный дом за Белорусским вокзалом упала тяжелая фугасная бомба. Дом был коммунальный, с обширными кухнями и коридорами, утопленными внутри квартир. Возводили его в двадцатые годы, когда идеи коммуны доминировали в воображении строителей нового мира. Со временем привлекательность их померкла в копоти общественных примусов, и единообразие квартир оказалось грубо нарушенным. Возникли частные кухни и кладовки, сдвоенные жилые комнаты, комнаты узкие, в пол-окна или просто без окон и наконец индивидуальные квартиры — от двенадцатиметровых до двенадцатикомнатных.

Но, исказив внутреннюю планировку дома, как и само человеческое бытие, время не повлияло на его внешний облик. Он располагался на возвышении массивной буквой «П», концами спускавшейся к шоссе и огражденной от тротуара чугунным частоколом. Внутри лежала прямоугольная насыпь, взятая в кирпичный парапет,— две горизонтальные площадки, имевшие полутораметровый перепад высоты. Верхняя, короткая часть насыпи служила детской площадкой с песочницами и каруселью, а на нижней были разбиты клумбы с анютиными глазками.

К тому времени, как бомба оторвалась от самолета, песочницы были выскоблены до грунта, клумбы вытоптаны, а карусельный круг намертво заклинен. Посреди двора бился под ветром брезентовый чехол, туго растянутый на кольях с какой-то неясной и пугающей целью.

Нарастающий свист бомбы первым уловили мальчишки, дежурившие на крыше, и Алеша Исаев успел крикнуть: «Прямое», когда у основания левого крыла лопнул жестяной скат.

* * *

У ящика с песком обхватили друг друга две женщины в казенных красных косынках. «Ой, нам!» — страстно вскрикнула Глаша из пятого подъезда в ухо своей соседке. Но Машенька, или мама-Машенька, как звали ее после рождения малыша, не услышала. В ее незрячих глазах полыхал нестерпимо белый сполох, по нему с медлительностью сновидения оседали стены и кренился пол, на котором Авдейка устанавливал пирамидку.

Хрупкие мгновения скользили по жести. Было тихо. Бомба не взрывалась. Исаев горячо выдохнул застоявшийся в груди воздух, отбросил щипцы для зажигалок и бросился к пролому. Мусорщик Ибрагим, безотчетно нашаривавший что-то на груди, очнулся и, невнятно выругавшись, с неожиданной ловкостью обхватил Алешу и покатился с ним по гулкому скату к шатким оградительным перильцам. «Не взорвалась! Не взорвалась!» — кричал Алеша.

Машенька вырвалась из Глашиных рук и побежала домой, где Авдейка строил крепость. Он любил бомбежку, радостно замирал, когда была сирена, дрожало небо от самолетов, что-то ухало и весело сыпалось, а люди с узелками спешили в убежище или метро. Но с тех пор, как папа ушел на фронт, от бомбежки не убегали.

Авдейка сидел на полу, составляя дощечки, которые нашел в рюкзаке, брошенном у двери тетей Глашей. Это были сверкающие эмалированные пластинки, по которым птицами по снегу пробегали черные буквы. Крепость из них получилась в рост Авдейки — четыре парных треугольника, две пары над ними и еще по одному, соединенные во всех уровнях и огражденные валом. Она стояла у двери — неприступная преграда с застывшими штыками бликов от керосиновой лампы. Авдейка прижимал к бокам руки, дрожавшие от восторга и напряжения. По коридору ходил сосед дядя Коля-электрик в халате, сшитом из полотенца, и мычал арию про тореадора, который закалывает быка.

Неожиданно что-то ударило Авдейку по ногам и свалило на пол. Стойкие блики штыков на крепостных стенах разбились в искрящийся прах. Крепость хлынула жестяным дождем и обожгла Авдейке щеку. Дядя-тореадор с быком затихли. Прозрачно зазвенели пузырьки с лекарствами на столике у бабусиной кровати. Колыхнулась глубина трехстворчатого зеркала, где застыло много-много Авдеек, и желтым по черному помчались тени по шуршащей драпировке окна.

Вошла мама-Машенька и прижала к животу Авдейкину голову. Пламя вернулось в стеклянный колпак. Победно замычал дядя-тореадор. Краем сознания Машенька уловила смысл надписи на развалинах Авдейкиной крепости и стала запихивать дощечки в рюкзак. На глазах ее блестели яростные слезы.

— Бежим, мама-Машенька! — крикнула Глаша, просовываясь в комнату.

Машенька сунула ей в руки рюкзак и сказала:

— Не давай ты ему эту гадость.

Глаша забросила рюкзак в свою комнату и обиделась. Эмалированные дощечки были объявлениями полулегального венеролога; они прибивали их по ночам, получая десять рублей за каждую.

Машенька заглянула за ширму и, встретив слабый, но внятный жест, ринулась из комнаты, унося Авдейку. Глаша бежала следом, прижимая к груди шкатулку с письмами.

Тем временем дом и участок шоссе оцепила милиция. Высыпавших во двор жильцов, пережидавших бомбежку в доме по пренебрежению к смерти, а точнее, к жизни, выдворили за оцепление. Ибрагим, как добычу, волок упиравшегося Алешу Исаева.

Проломив чердачное перекрытие и два верхних этажа, тяжелый фугас ткнулся в пол просторной комнаты, выбив стекла и веером разлетевшиеся паркетины. Светя лампами от аккумуляторных батарей, саперы подступили к бомбе. Мутные блики текли по бокам чудовища, забившегося в недра человеческого жилья. Пахло известковой пылью, смазкой и нагретым металлом.

Скоро по городу дали отбой, и люди, поднятые бомбежкой, вернулись к дому с узелками и детьми. У линии оцепления они сбились в толпу и переговаривались шепотом, подавленные близостью затаившейся в доме смерти. По вспышкам в окне догадались, что бомба в комнате Данаурова. Квартиры, пробитые бомбой, к счастью, оказались пусты: жильцы или находились в эвакуации, или прятались в убежищах. Сам Данауров, глухой и дряхлый старик, был у своей сестры, чьим попечением и существовал.

Стоял конец августа, сквозил сухой ветер, обещавший скорые холода. Люди, выскочившие налегке, стали мерзнуть и роптать. Плакали дети. Громко тянули носами красноголовые братья Сопелкины, жавшиеся вокруг матери. Авдейка молча дышал в ухо маме-Машеньке, всматривавшейся в угрюмую глубину двора.

Вдруг неожиданное изумление волной прокатилось по толпе, спало и прокатилось снова, дробясь в разноголосом: «Песок, песок, песок...» Бомба, предназначенная уничтожить жизнь дома, оказалась начинена песком. Никак не складывалось: бомба и песок. Но уже кто-то вспомнил о бомбах с вывернутыми детонаторами, об антифашистах, выдирающих смертные жала и начиняющих снаряды песком. «Антифашисты... немецкие антифашисты»,— пронеслось в ожившей толпе непривычное сочетание.

— Ура! — закричал Алеша Исаев.— Ура немецким антифашистам! Чего скисли, Сопелки? А ну, разом!

— Ура! — отозвались Сопелки.

— Ничего, родной мой, потерпи,— в счастливом возбуждении шептала мама-Машенька, тиская Авдейку онемевшими руками.— Война теперь быстро кончится, раз и там есть люди. Не долго ей нас мучить. Правда, Глаша?

Глаша, стоявшая рядом, прижимала к груди шкатулку и беззвучно шевелила губами.

— ...а лесгафтовские теперь от зависти лопнут,— верещал каверзный Сопелка.— У нас бомба, а у них — шиш!

— Ура! — кричал Алеша Исаев.— А ты чего, Сахан? Ура!

— Ты, чем орать, подумал бы,— угрюмо отозвался бледный, выросший из одежды подросток.— Как это за здорово живешь в бомбу песок сыпать?

— Так антифашисты же, Сахан! Антифашисты!

— Бабка надвое сказала,— пробормотал Сахан и медленно побрел вдоль линии оцепления, нашаривая в кармане тяжелую связку ключей. У ворот соседнего, лесгафтовского дома он рывком проскочил оцепление и исчез в темноте.

Вскоре милицию сняли, и люди бросились по квартирам к обновленному опасностью счастью тепла и жизни.

— Вы подумайте,— сказала Машенька, наткнувшись в коридоре на дядю Колю-электрика, невозмутимо шествующего тореадором.— В бомбе песок. Какие-то герои, антифашисты, его насыпали. Ведь что с ними могут сделать — подумать страшно.

— А я не думаю,— парировал дядя Коля.

— Да они же спасли нас! Она за стеной, в шестом подъезде лежит, эта бомба.

— А я вообще не думаю.— снова парировал дядя Коля и сделал выпад: — И вам, мама-Машенька, не советую. Думать только начни, а там и жить не захочешь. Уж я знаю.

— Тьфу тебя! — энергично ответила Глаша, выдувая дядю Колю из коридора.— Пойдем, Машенька-мама, душу отведем. Ну и страху я натерпелась.

До глубокой ночи витали под разломанной крышей призраки неизвестных героев, а их баснословный подарок лежал тупой темной тяжестью в комнате четвертого этажа. Мальчишкам увидеть бомбу не удалось — квартиру и крышу сторожили.

* * *

Подобрав ключи к пустующей квартире пятого этажа, Сахан подкрался к пролому и прислушался. Потом сунул в рваную дыру обрывок кабеля, свисавший из развороченной перегородки, и спустился по нему, оказавшись на груде извести. В стороне черным сгустком выделялась выпотрошенная бомба. Сахан шагнул к ней, присел на корточки и по запястья запустил руки в сыпучую массу, растекавшуюся возле устья. Вытянув пригоршни песка, он просеял его сквозь пальцы, тщательно вслушиваясь в сухой шелест. И еще раз. И еще.

ДОМ

Андрей НАЗАРОВ

На рассвете на него наткнулся заспанный пожилой охранник.

— Ты как здесь? — спросил он.— Живешь, что ли?

Сахан поднял на него отсутствующий взгляд и не ответил.

— Дивишься,— решил охранник, пнув бомбу сапогом.— Ну дивись. Увезем скоро. Бывает. Песок, правда, редко, чаще детонаторы портят. Есть люди.

Сахан снова промолчал. Охранник вгляделся в бескровное лицо подростка с неестественно взрослыми чертами и, растерявшись, полез за папиросами.

— Теперь как-то реже,— продолжал он, примеряясь к мятой пачке,— а поначалу часто не взрывались.

— Шлепают их, поди, вот и реже,— произнес Сахан и хриплым смешком прочистил горло.

— Так за тебя же, дура,— уродуя пачку, ответил охранник.— За тебя и шлепают.

Сахан поднялся на затекшие ноги, стряхнул с ладоней песок и шагнул к выбитой двери. В проеме он обернулся и еще раз взглянул на бомбу, определившуюся на свету хищной обтекаемостью линий.

— Как же, за меня. Держи карман шире,— сказал Сахан.— Много для меня чего делали, чтобы теперь в бомбы фуфло сыпать.

Он спустился к дворницкой, достал связку ключей и вытряс из кармана песок. Отворив дверь, на ощупь отвернул кран и долго держал руки под холодной струей, избавляясь от зуда в ладонях.

* * *

Тем же утром бомбу увезли на переплавку, а пролом в крыше заложили до времени обрывками ржавой жести. В очередях у ближайших распределителей дом окрестили Песочным, и скоро слух об удивительной бомбе забылся за тревогами подступающего фронта.

* * *

Единственным, кто не поверил в бомбу, был глухой старик Данауров, в чью комнату она упала. Он не был у сестры, как полагали, а мирно спал в глубоком кожаном кресле, задвинутом в конце коридора к теплой стене с дымоходом, благодаря чему остался не замеченным саперами. Рухнувшая бомба сильно встряхнула его. Данауров открыл глаза, потрогал деревянный предмет, попавший на колени, чихнул от поднявшейся пыли и с тем снова уснул.

Утром, когда взволнованная сестра написала на оберточной бумаге: «К тебе упала бомба!!!» — и широко раскрыла руки, демонстрируя ее размеры, он тонко улыбнулся и вручил сестре предмет, оказавшийся паркетиной. Потом проковылял в свою комнату и осмотрелся: никакой бомбы, конечно, не было. Песок на полу и дыра в потолке легко объяснялись качеством соседей и потолков. «Бомба,— произнес Данауров, погружаясь во внутренний монолог,— огромная. У меня в комнате. А я жив и разговариваю с этой хитрой старухой. Они ломают мой потолок и кормят меня сухарем, чтобы доказать, что идет война с немцами, которая четверть века как кончилась. Все у них обман — и бомбы, и потолки, и сухари, и войны. И как им не скучно?»

О Данаурове ходила история, утверждавшая, что в прошлом веке он был молод и не только хорошо слышал, но вопреки своей профессии верил услышанному. Данауров был адвокатом. Доверяя чистоте рук и помыслов страждущих подопечных, он брался за самые безнадежные дела, всегда их проигрывал и считался адвокатом десятой руки.

Но однажды в его карьере произошел решительный сдвиг. От отца своего, выходца с Северного Кавказа, Данауров унаследовал несколько черкесских слов и непреодолимое восхищение газырями. Это обстоятельство оказалось решающим для богатого черкеса, подыскивающего московского адвоката своему брату, обвиненному в предумышленном убийстве соседа. Данауров, плененный газырями, усиками и невиновностью брата, взялся вести дело и уехал на родину предков. Там он уличил следствие в промахах и предвзятости, добился нового расследования и выиграл процесс. Оболганный черкесский брат сверкал честным глазом и хотел побрататься. Данауров от братанья с подзащитным решительно отказался, но уехал с ликующим сердцем. Процесс попал в газеты и создал Данаурову репутацию рыцаря справедливости. Практика его несколько выросла, что соответствовало либеральному идеализму времени. Данауров трудился.

Шло время.

Война 14-го года. Февральская революция. Отречение. Октябрьский переворот. Гражданская война. Безработица. Разруха. Голод. Инфляция. Нэп. 1923 год. Стук в дверь. Черкес. Брат. Газыри. Честный глаз. Баран.

— Совсем плохой человек новый сосед. Поверишь, по старому плачем. Скажи, дорогой, сколько ты теперь за убийство берешь?

Обморок.

Данауров очнулся из него совсем другим Данауровым, а именно тем, что зимой и летом сидел у шестого подъезда Песочного дома, постукивал палкой, о которую спотыкались прохожие, и сосредоточенно ничему не верил. А история его обмана — ходкая монета Песочного дома — со временем потускнела, вышла из обихода и попала на свалку, в бесформенную груду довоенного хлама, где была найдена братьями Сопелками, сточена до золотого блеска и спрятана в кладе у кирпичного забора.

* * *

Данауров, оказавшийся единственной жертвой фальшивой бомбы, мок, мерз и хирел под проломленной крышей. Сестра его ежедневно просила домоуправа Пиводелова переселить старика в другую комнату: по причине эвакуации жильцов свободных квартир в Песочном доме становилось все больше, но домоуправ Пиводелов имел на них свои виды и в комнате с потолком отказывал. Он мирно выслушивал разные слова, выражавшие сомнение в его нравственных качествах, которые сопровождались трясением темных кулачков в опасной близости от лица. Лицо это под тщательно расчесанными седыми локонами имело правильные, но несуразно мелкие черты, сформировавшие замкнутую, упорную в своем эгоизме натуру. Разглядывая старческие кулачки, Пиводелов прислушивался к сводке Информбюро, доносившейся из черной тарелки репродуктора, и размышлял.

Фронт приближался. Война приобретала опасный оборот, угрожая погрести ею же открытые возможности, и комбинация с песочной бомбой оставалась нереализованной. За суетой и бесконтрольностью военного времени Пиводелов сумел заактировать нанесенный ею урон как огромное разрушение, произведенное настоящим взрывом, но дотацию на восстановление выхлопотать не мог: самые тайные и могущественные связи были бессильны, пока враг угрожал городу.

Сводка окончилась, вызвав на лице Пиводелова, за которым неотрывно наблюдала сестра Данаурова, должное патриотическое чувство. Отчаявшись встретить взгляд домоуправа, сестра потянулась к лицу трепетным кулачком, и Пиводелов уловил конец сложного речевого периода:

— ...погибать от песочной бомбы, несчастного старика.

«Песочная бомба,— подумал Пиводелов.— Кому песочная, а кому — золотая. Впрочем, это миф — бомба как бомба, забыть пора. Некстати там этот старик».

— Миф,— произнес домоуправ.

— Что? — переспросила старуха.

— Мираж,— пояснил домоуправ.— Забудьте. Бомба как бомба. А комнату он получит. Теплую.

* * *

Утром шестнадцатого октября тысяча девятьсот сорок первого года, торопливо спустившись с лестницы, Машенька наткнулась на отогревшегося Данаурова, который застрял с табуреткой в дверях подъезда. Она попыталась протолкнуть негнущегося старика, но сама оказалась зажатой между ножек табуретки. До минуты рассчитанное время пути стремительно уходило, угрожая лагерной неизвестностью. Данауров галантно, но настойчиво пропускал ее вперед, чем только осложнял положение. Наконец Машенька отчаянным усилием вырвалась из дверей, отбросила вцепившуюся табуретку и побежала на завод. Лиловые срезы дома расступились, за чугунной решеткой забора открылись постройки, наспех поставленные вдоль аллеи для дезориентации немецких самолетов. Отодранные листы фанеры хлопали на ветру. Листья, до срока побитые морозами, свернувшиеся и черные, цеплялись за ветви, как мертвые зверьки.

Осень 41-го года была бесснежной зимой. Мерзнущие очереди у распределителей проклинали ранние холода, сковавшие пахоты и раскисшие осенние дороги, которыми, как асфальтом, катили теперь на Москву танки Гудериана. Машенька бежала, слыша свое дыхание. Ухо нашаривало привычные звуки отдаленной канонады и проваливалось в пустоту. Стыли противотанковые ежи, чугунной щетиной перекрывая шоссе. За «Яром», на пустыре, букетами торчали зенитные стволы и, как тропические звери, горбились под брезентом дальнобойные орудия. Свернув на Беговую, Машенька оказалась за дощатым заслоном, миновала его и выскочила к толпе, сбившейся у проходной под бумажным объявлением. «Товарищи! Завод эвакуирован. Добирайтесь до Горького»,— прочла она надпись, пузырящуюся на ветру над головами людей... Машенька огляделась. Прежде казалось, что она знает едва ли не всех на заводе, но лица, выхватываемые взглядом из толпы, были чужими, искаженными непониманием и страхом. «Это из цехов,— думала она.— А где же наши?»

— Вы не видели кого-нибудь из планового? — спрашивала Машенька, но непонимающие лица ускользали.

Толпа зашевелилась, подтащив ее к створу металлических ворот. За ними на территории завода мелькали люди в ватниках.

— Почему они там? — невольно вскрикнула Машенька.

— Почему нас не пускают? — отозвалось из толпы.

— Это не наши, это монтажники.

— Демонтаж оборудования,— спокойно объяснила женщина, обернув к Машеньке белое лицо.

Что-то холодное, окончательное стояло в ее глазах, и Машенька отшатнулась.

— Нет,— сказала она.— Нет, нет.

Кожаное плечо ткнулось в спину, и простуженный голос произнес над ухом:

— Минеры. Минируют на случай...

Раздалось оглушительное жестяное прокашливание.

— Механический, направо! — приказал в рупор жестяной голос.— Товарищи из механического, отойдите направо!

Общее замешательство всколыхнуло толпу, затянуло Машеньку в круговое движение.

— Направо! — надрывался рупор, но ни права, ни лева у толпы уже не было.

— На завод! Пустите на завод! — кричал кто-то, срывая голос.

Гулко отозвались взятые на цепь металлические створы.

— Темкин! — закричал вынырнувший перед Машенькой человек с прижатым к груди вздутым портфелем.— Темкин! — повторил он с детской настойчивостью, шаря взглядом по лицу Машеньки.— Где Темкин? У меня деньги сборочного. Возьмите, отдайте Темкину!

Машенька отшатнулась от протянутого портфеля, выбилась из беспредметного кружения толпы и побежала.

— Темкин! — визжало вслед.

— Механический, направо! — рокотало с жестяной безнадежностью.

— Пустите на завод!

— Ворота!

— Деньги сборочного! Темкин!

Разбежавшись, Машенька почувствовала, что не сможет завернуть за угол, что налетит на противотанковые ежи, перегораживающие шоссе, и, изменив направление, ударилась со всего хода в одинокий клен на углу. Она обхватила руками грубый, иссеченный осколками ствол, переводя дыхание, подняла голову вверх. Мертвыми зверьками висели листья — мертвыми на мертвых ветвях. Нога неловко шарила по срезу земли у ствола, никак не попадая на ровное. Позади, у заводских ворот, хрипел жестяной рупор, тщетно пытаясь успокоить взбудораженную толпу.

В поисках спасительной зацепки мысль Машеньки торопливо облетала опустевший город, ощеренный ежами и колючей проволокой. Вновь и вновь перебирала Машенька узы своей короткой жизни — школьные и студенческие знакомства,— но оборванные войной веревки вытягивались без сопротивления. Рванул ветер, просвистел в металлических нагромождениях и сухим, трупным шевелением отозвался в замерзшей кроне. Тогда Машенька оттолкнулась от дерева и побежала домой, обгоняя торопливых прохожих. У ворот она остановилась, спрятала лицо между чугунными прутьями, пытаясь сосредоточиться, но мыслей не было. Был пустой двор, песчаная насыпь земли с рельефным перепадом, похожая на опустевшую сцену, и сердце, стучавшее у горла.

Потом кто-то потряс ее за плечо. Высвобождаясь из чугунного оцепления, Машенька потянулась на живую человеческую тревогу и услышала:

— Не стойте, не стойте здесь. Нельзя так стоять!

— У меня там сын,— ответила она мужской спине

в ватнике, удалявшейся частыми шаркающими шагами.— И мать тоже там.

Человек не слышал.

— Подождите меня! — крикнула Машенька.

Человек уходил. Хлопала фанера бутафорских бараков.

— Где же люди? Где все люди? — спросила Машенька и не услышала себя.

Преодолевая немоту, она со стоном втянула воздух — и ожила, бросилась вслед шаркающему человеку, догнала его на гребне Белорусского моста. Отсюда Машенька увидела людей — неверные, распадающиеся группы, единые в своем пути к центру города, прочь от нее — и пошла следом. Человек в ватнике пересек мост и бился в двери метро, работавшего только на выход.

Машенька пересекла площадь и влилась в родственное тепло человеческого потока. Она чувствовала какое-то тревожное знание, растворенное в толпе, и старалась угадать его. Но тут из рук женщины, обремененной распадающимся скарбом, едва не выпал орущий ребенок, и Машенька подхватила его.

— Не отстаньте! — в упор прокричала женщина, метнув яростный взгляд из-под низко повязанного платка.

— Не отстану! — пообещала Машенька, подбирая размотавшуюся обмотку, стягивавшую воротник ребенка.— Скажите только, что случилось? Что?

Ребенок затих, сосредоточенно дыша, и Машенька заслоняла его раскрытый рот от морозного воздуха. Вслед женщине с тюками она свернула на Садовую, наполненную густым говором, скрежетом санок по асфальту, ревом крытых брезентом грузовиков и автобусов. Убаюканная теплом ребенка, жавшегося у груди, Машенька с любопытством смотрела на пустой троллейбус, который толпа волокла поперек Садовой. Визжали тормоза оседавших на нос машин, высовывался из окна водитель, ожесточенно артикулируя безгласным ртом. Беспомощный и синий троллейбус медленно продвигался к тротуару, а через минуту брызнул сухими искрами и умчался во всеобщем потоке, набитый и облепленный человеческими телами. «Куда же это они?» — отстраненно подумала Машенька и, пересадив ребенка с руки на руку, догнала женщину с тюками. В отрывистом говоре людей она улавливала названия подмосковных городов, еще не отданных и уже взятых немцами, которые скрывались под литерами в газетных сообщениях. Безжалостно угадываемые толпой, они вторили ее движению — волоку Волоколамска, поблескиванию Истры, звону Иерусалима, жужжанию Гжатска и Можайска — и угасали в спасительном выдохе — Рузаевка.

На Ульяновской поток людей уплотнился, вобрал в себя скрежет новых саней, оброс машинами, портфелями, рюкзаками, велосипедами, детскими колясками. От Абельмановской заставы бежали какие-то фантастические фигуры, увешанные гирляндами колбас.

— Мясокомбинат грабят,— раздавалось в толпе с почтительным удивлением.

У Заставы Ильича поток людей сталкивался с новым, надвигавшимся с Рогожского вала, и, подвластный законам течения, образовывал водоворот.

— Не отстаньте! — крикнула женщина, борясь с тюками и ловя неистовым взглядом Машеньку, обеими руками прижимавшую ее ребенка.

В это время старческая спина, согбенная узлами и сетками, разделила их. Машенька пыталась обойти ее, но тут что-то лопнуло, и брызнули по сторонам красные яблоки. Спина разогнулась, раздался отчаянный детский крик. Мальчишка в старушечьем платке старался поймать яблоки и окончательно развалил наспех связанные узлы. Послышался сочный морозный хруст. Машенька поскользнулась, ее развернуло и потащило дальше. У заводских ворот, по левую сторону, теснились люди, сопротивлявшиеся общему движению. Над ними белело полотнище, и, не разбирая скачущих букв, Машенька поняла их смысл. Там тоже хрипел жестяной раструб, выкрикивая неразборчивые и, очевидно, бесполезные слова.

— Судный день,— внятно прошамкала старуха, на миг выделившаяся из толпы и поглощенная вновь.

Машенька, потерявшая из виду женщину с тюками, стискивала ее ребенка, надсаживавшегося криком, и продвигалась вперед, растворенная во всеохватном стремлении толпы — укрыть, унести, спасти, пока не вспомнила про Авдейку и не запнулась. Едва удержавшись на ногах от удара в спину, Машенька выбилась из толпы и взбежала на полукруглые ступени к высоким дверям, заколоченным косым крестом.

— Сейчас, маленький, потерпи,— уговаривала она обессилевшего от крика ребенка.— Мы выберемся отсюда, мы выберемся...

Детское тело расслабилось, растеклось в ее руках, а головка пугающе отвалилась набок. Машенька заметалась по каменному островку, и тут кто-то выхватил у нее ребенка. Машенька вскрикнула. В простоволосой женщине без тюков, обнимающей малыша, она признала наконец его мать и облегченно всплеснула руками.

— Бегите! — крикнула ей женщина.— Бегите за мной. Неужели вы не видите?

Машенька посмотрела вниз и прижалась к стене, потрясенная, как ударом, силой открытого отчаяния толпы, запрудившей шоссе.

Москва бежала, и отсюда, с высоты каменных ступеней полукруглого крыльца, Машеньке открылось это бегство по единственно свободной от немцев артерии — старому пути на Восток, каторжной Владимирке, дороге русских энтузиастов, утоптанной кандальными ногами. Этот открытый путь страдания нес на себе уже утратившую порядок, сбившуюся, зловеще вспененную толпу, сквозь которую прокладывали путь автомобили, велосипеды и неожиданным татарским обилием хлынувшие обозы.

Машенька глядела вниз, непонятным усилием выхватывая из неразлитого течения безымянной плоти детские башлыки, платки, кроличьи береты, ушанки, шляпы и задранные лошадиные морды в инее и храпе.

— Всеобщая эвакуация! — крикнула женщина и потянула Машеньку за рукав.— Москву отдают!

Машенька поняла, что это и было знанием, поднявшим город в его поспешный исход, но что-то восставало в ней, мучительно сламывалось в груди, и, подавляя внезапную боль, она крикнула:

— Не отдадут! — И повторяла надсадно, уже стыдясь себя: — Не отдадут! Не отдадут!

Но женщина соскользнула в человеческую реку, несущуюся под улюлюканье автомобильных гудков, ржание лошадей, скрежет полозьев по асфальту и вопли сорванных голосов, старавшихся отыскать друг друга и обещавших встречу в Рузаевке.

Освобожденная от страха за ребенка, Машенька с отстраненным интересом приглядывалась к людскому потоку. Он то растягивался, ускоряя течение, то теснился, омывая внезапной преградой застопорившийся грузовик, а затем гулко устремлялся вдаль. Вековая привычка к бедствию очнулась в народе и бросила в бегство.

Машенька поняла, что, бросая Москву, люди спасают Россию, которая заключена не в ее попранных святынях, а в них самих, в их уязвимых и преходящих жизнях, слагающих неистребимый народ, но, понимая, никак не соотносила это с собой. «Тех, что нужнее, уже вывезли прежде — на самолетах, поездах и машинах. Теперь уходят пешие. Но и тут те, что сильнее, определяют стержень движения и теснят на обочины слабых. Неужели у них нет матерей, больных и старых, которым не по силам этот путь? Есть,— решила Машенька.— И они могли их оставить? Могли, потому что спасают детей. Природа жертвует прошлым ради будущего — это отец говорил, его слог. Только о чем говорил?..» Но Машенька не вспомнила. Как вода через воду, текли под крыльцом люди, как вода через воду... Она смаргивала рябь и прикидывала, как миновать столпотворение, когда вибрирующий визг застиг ее, заставив присесть. Люди лезли в грузовик с высокими бортами и выбрасывали из кузова свиней. Визжащие мешки, набитые жиром и жизнью, свиньи с хлюпаньем шлепались о мостовую, бились в смертном ужасе, сшибая с ног людей и образуя единую ползущую массу.

Не помня себя, Машенька сорвалась с крыльца, слепо проламывая путь, и уже за Тулинской, в виду маковок монастыря, была отброшена на груду солдатских ушанок, сваленных на мостовую. Неуверенно поднявшись, разгребая ногами шапки, Машенька прошла в пустоту переулка, придерживая руками оторванную полу и слизывая кровь с разбитых губ.

Безответные гудки разносились с свисавшей из выбитого окна телефонной трубки. Не в силах собраться, выйти окончательно из пережитого кошмара, Машенька брела в пустоту, стараясь держаться дальше от людных магистралей. Звук бегства таял, теряя свою причастность свиньям, машинам и людям. Так она вышла к Курскому вокзалу и пересекла Садовую, по которой все в ту же сторону двигались люди и грузовики. Регулировщики, желтые милицейские мотоциклы, славные девушки в формах, ходившие по шесть в ряд по сторонам тупых колбас аэростатов, и сами аэростаты внезапно исчезли. Об окно брошенной конторы бились изнутри порхающие бумаги. Форточка была раскрыта, помещение продувало, и сорванные ветром карточки и бланки из раскрытых гнезд в стенах поднимались смятенной снежной круговертью. Люди, изредка встречавшиеся в переулках, передвигались торопливо и скрытно. Они держались стен, и уклончивая повадка роднила их. Чувствовалось, что все для них решилось и незримая грань уже отделила их от уходящих. Сырые домотканые платки, валенки и овчинные полушубки сменили береты, ботинки, барсучьи шубы, воротники из чернобурых лис и «сталинских бычков» — кроликов, отчего город принял вневременной, деревенский облик. На Кировской Машенька почувствовала гарь, сгущавшуюся к центру города, и поняла, что жгут

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

архивы. Загсы и заготконторы, жилотделы и родильные дома, тресты и наркоматы жгли заведомо бесполезные для врага бумаги, жгли из маниакального страха гласности, которым, как банду преступников, повязало своих граждан это огромное государство. Переулок возле Лубянки был оцеплен, у подъездов НКВД стояли крытые машины, в которые загружали одинаковые дерматиновые мешки с бирками. Машенька остановилась, безотчетно пересчитывая мешки, но ее тут же подтолкнул в спину простуженный охранник.

— Гуляй, девка, гуляй...

— Гуляю,— ответила Машенька и обошла здание площадью.

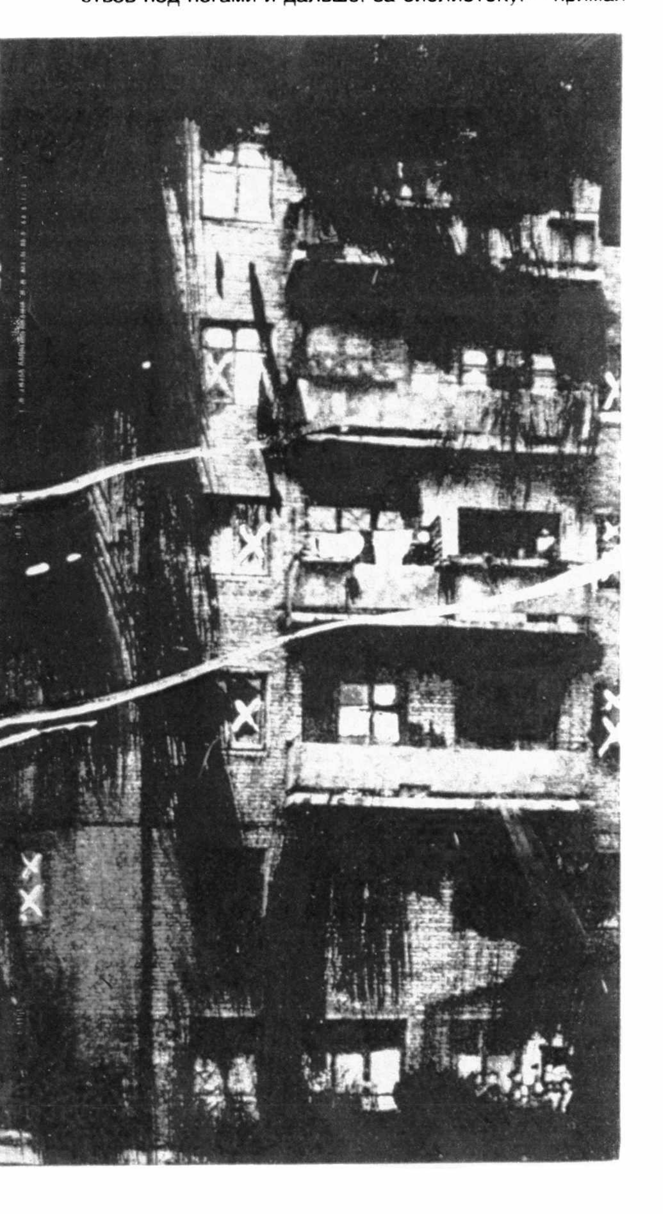
Широкий проезд продувало ветром, навстречу текли все густеющие струи дыма, и колонны Большого уже едва проглядывали сквозь гарь.

Вытирая слезящиеся глаза, Машенька чуть не провалилась в узкий шурф, пробитый в тротуаре у стены Дома Союзов. В метрах от него она заметила следующее отверстие, окруженное валиком земли, и поняла, что бывшее Благородное собрание, пережившее французов и пожар 1812 года, уже подготовлено к взрыву. «Дом Благородных Союзов»,— вспомнила Машенька шутку покойного отца и подумала, что эти благородные союзы уничтожат все и вся, спасая свою власть, набитую в дерматиновые мешки с бирками.

Из пепельной иглы, как из веков, выступили боярские хоромы, кремлевские стены, по зубцы залитые красным, и башни со звездами, убранными в защитные чехлы. Машенька остановилась, опустила руки, и освобожденная пола легла на землю.

«Нет,— подумала Машенька, потому что не могла представить иное,— не будет здесь немцев».

Каждый человек, казалось ей, подумал бы так в миг страха и темноты. Каждый, кто пятился к этим стенам от наступающих танков и кто, выбросив свиней, удалялся от них, подумал бы так, стой он сейчас здесь, но стояла она одна. Машенька ощутила это безвременным знанием — и мгновение запнулось в пространстве бытия, и убегающие не спасались в будущем, а отступающие не гасли в прошлом. Машенька напрягла все силы и почувствовала, что это ей удалось: настоящее, прошлое и будущее были одним мигом, и он держался ее дыханием — сейчас, у этих стен, у грани пустоты по обе их стороны. Шумно выдохнув, она подобрала полу и побрела Александровским садом через суматошную игру листьев под ногами и дальше, за библиотеку,— прямая



и бесчувственная к ветру, направлявшему путь. Внимание ее привлекли звуки, похожие на аплодисменты в полупустом зале. Она пошла на них и остановилась перед светло-серой глыбой Наркомата обороны, в окнах которой хлопали на ветру форточки.

Она узнала окошко в первом этаже трехэтажного домика напротив высоких наркоматских дверей и поняла, что привело ее сюда: здесь жила ее свекровь, мать Дмитрия, легкая и молчаливая женщина в черном, какой она была последние годы. Ее переселили сюда из огромной квартиры после ареста мужа — бритоголового человека, похожего на борца Поддубного, занимавшего высокий партийный пост. Между стекол еще стоял синий хрустальный бокал на высокой ножке, куда зимой она насыпала соль, чтобы не замерзали окна. Машенька обтерла стекло рукой в рваной перчатке и припала к глянцевой прохладе лицом в горящих ссадинах. За синим бокалом лежали трещины некрашеных половиц и тени разорения по углам — все, что осталось от непонятной ей жизни, пахнувшей мятой, древесной пыльцой и легким холодом увядания. Машенька вспомнила глаза этой женщины — синюю преграду, и легкий очерк головы, и рот, сомкнутый в невысказанной боли. Он все мучил Машеньку настороженным ожиданием, но раскрылся ей лишь одной странной фразой: «Василий Савельич, когда уходил, наказал Дмитрия женить, а сына назвать Авдеем. И беречь». Обидной и страшноватой показалась тогда Машеньке забота этого бритоголового деда о не зачатом еще внуке. Она смутилась и промолчала, уткнувшись в плечо Дмитрия порозовевшим лицом.

Эта женщина погибла в конце июля, в третью бомбежку Москвы, когда с опозданием дали сирену и люди бросились в спасительный шатер Арбатского метро, подхлестываемые близкими разрывами и ужасом дрожащего неба. Там, внизу, в спасительной глубине подземелья обезумевшая толпа валилась со ступеней и слепо затаптывала в камень самое себя.

Дмитрий попал туда через час после отбоя и, переворачивая десятки тел, отыскал то, что было его матерью. Он принес ее в эту комнату и ушел в ванную. Когда Машенька зашла за ним, он держал руки под краном и тупо смотрел на струю воды, стекавшую в пеструю от крови раковину. Дмитрия сильно изменил тот день. Он разом утратил мальчишескую неясность движений, самозабвенно трогавшую Машенькино сердце, и стал ощутимо похож на мать. Ночами он молча ласкал и мучил Машеньку, и она не узнавала его тело, затвердевшее в нераздельной боли. Через три дня он собрал вещи, сказал, что отказался от брони и записан в ополчение. И ушел, оставив пиджак на стуле, заломленный в странном, незавершенном усилии. Машенька вспомнила, как, сжатая кошачьим предчувствием горя, не могла ответить ему в те три невозвратные ночи, и застонала в стекло, болезненно щекочущее губы. Потом подняла голову и прислушалась.

Отдаленное уханье разрывов осело на город влажной, едва уловимой волной. Машенька вздохнула и двинулась в обход метро, перебирая далекие воспоминания, как Авдейка свои кубики. Переулками, полными мира и листьев, она вышла к зданию Моссовета, где еще теплилась жизнь. Несколько машин стояло у подъезда, но улица Горького была пуста. Окна в темных громадах зданий были аккуратно заклеены крест-накрест. Машенька вспоминала, как они с Дмитрием присмотрели в огромной квартире Василия Савельича две комнатки окнами на улицу Горького — для себя и маленького — и как ее мать, тогда еще молодая и легкая, категорически возражала против их брака.

Тут Машеньке почудилось чье-то присутствие, она вздрогнула и обернулась. Позади, на серой стене, поднятая в рост безумием и ненавистью, звала за собой Родина-мать. Машенька пересекла улицу и присела на мраморный борт фонтана, не отводя глаз от белых полос на окнах, перечеркивающих чужую, неизвестную жизнь. Так мама и не приняла этого Василия Савельича — до конца, до ареста его,— а тогда сострадание, которым она, бедная, все меряет в жизни, примирило ее с Дмитрием. «А я скорее обрадовалась,— устыдившись, думала Машенька,— хотя комнатки и исчезли, как облюбованное платье с прилавка. Обрадовалась тому, что пропал этот деспот и освободил Дмитрия для меня. Я не связывала его ни с родителями, ни с квартирой. Только с собой. И он знал это и любил меня — открыто, по-детски любил, а в три дня вырос — и ушел. Они все уходят, когда вырастают. И Авдейка? Боже мой, Авдейка...»

Машенька замерла, отдавшись памяти об увлекательной игре ощущений — радостей и страхов беременности — и том счастливом труде, которым Авдейка вошел в ее жизнь. Он как-то не рос в ее сознании, оставаясь теплым, чмокающим комком, каким ютился сегодня у ее груди чужой мальчик. «Что бы я с ним делала? — подумала Машенька.— Да что-нибудь — не бросишь же. Ну, да он с матерью теперь. А со мной — Авдейка».

Большой черный дог мягко ткнулся ей в колени и выжидающе посмотрел янтарными глазами. Машенька поднялась, заметила других собак вокруг фонтана — породистых одиноких собак, еще не сбившихся в стаю, еще замкнутых в запахи дома и ожидания. В хламе и пепле, устилавших дно фонтана, теплым пятном мелькнула монета.

— Держись, собака,— сказала Машенька.

Дог шел за ней следом. На его исхудалой шее тонко позванивал металлический браслет... На углу Пушкинской площади дог забежал вперед и сел на пути Машеньки. Она заглянула в янтарную граненую тоску его глаз и, не выдержав, побежала. Дог остался на месте и завыл, вытянув вверх морду. С другой стороны пустынной, продуваемой пеплом и листьями площади она увидела его темный силуэт — неподвижную веху крушения.

Аэростат, с первой недели войны висевший над памятником Пушкину, исчез. Стекла коммерческого магазина за кинотеатром оказались завалены изнутри мешками с песком; между ними были кое-как втиснуты банки икры и крабов «Чатка». За прилавком мерзла продавщица в ватнике, очевидно, ожидая покупателей икры и крабов. Минуя остановки, пронесся пустой троллейбус — из прежней жизни, враждебным напоминанием о ней. Улица Горького была пуста, шелестели плакаты на стенах, вздувались в немом призыве, и отозваться им было некому. Машенька шла понурившись, разглядывая попавшие под ноги трещины тротуара — тонкие, извилистые, переплетенные, неясно напоминавшие детство, лето в тихом переулке и слона на асфальте, а потом подняла голову, вскрикнула и отшатнулась к стене, для чего-то защищая грудь. Перед ней на тротуаре стоял огромный автомобиль, сверкая никелем и оловянными пятнами, медленно плывшими по черному лаку.

«Немцы! — мелькнуло в сознании.— Немцы уже здесь. Немцы». Дверца автомобиля щелкнула, лениво откинулась, и на заднем сиденье Машенька увидела женщину — кукольную головку, сильно очерченный рот на бесцветном лице и распахнутую шубку легкого меха. Оцепенев от ужаса, Машенька смотрела на эту невероятную женщину и была готова к самому страшному, когда та наконец заметила Машеньку, пошире откинула дверцу и опустила ногу на приступку автомобиля. Нога ее заголилась, обнажив тонкий чулок. Машенька ждала. Женщина рассматривала ее без всякого выражения, а потом внезапно и безудержно расхохоталась. Она пьяно покачивалась, и белокурые волосы ее сыпались на серебристый мех, делая похожей на киноактрису. Подзадоривая себя, она указывала на Машеньку пальцем и высовывала язык, а платье ее задиралось все выше и непристойнее. Машенька начала понимать свою унизительную ошибку, когда мимо нее прошагал рослый мужчина в кожанке и галифе с малиновым кантом. Он молча забросил вглубь свисавшую из автомобиля ногу, захлопнул дверцу и, мельком взглянув на Машеньку, сел за руль. Автомобиль мягко сполз с тротуара и помчался к центру.

Машенька плакала от стыда, разводя перчатками слезы, а потом вышла на пустынную улицу, плюнула вслед автомобилю и неожиданно выругалась. Холодно удивившись тому, что знает такие слова, она повторила площадное ругательство и пошла своим путем. У Белорусской ей открылась пустая привокзальная площадь. Машенька впервые видела ее целиком, не заштрихованную движением, и поразилась совершенству и пустынной красоте ансамбля вогнутых бледно-зеленых башен. Упавшие стрелки часов свисали к цифре «6». Она не сразу заметила, что часы безнадежно стоят, и старалась понять это невозможное время, а потом, поднимаясь на мост, решила, что время и вправду кончилось, а начнется ли вновь — не знала, не хотела знать. Над мостом свирепо и освобожденно дул ветер. Поднятые влет цветные лоскутья, обломки ветвей, клочья бумаг, пакля, листья и пепельная мгла — все, что оставляет по себе остывшая жизнь огня, людей и деревьев,— опускались под мост. Почувствовав внезапную, ошеломляющую усталость, Машенька оперлась о перила, склонила голову вниз, в слабый прощальный запах, поднимавшийся от вокзальных строений, башенок и перронов, разделенных тусклым свечением рельсов. Впервые за эти месяцы она всем телом ощутила несоразмерную тяжесть, которую взвалил на нее Дмитрий, уйдя и оставив одну.

На минуту Машенька забылась и перестала понимать, где находится. В завесе мглы и тумана город казался нагромождением валунов на дне гигантского водоема, из которого ушла вода. Голова кружилась, ей мучительно хотелось сесть, но мысль об Авдейке, мелькнувшая медной монеткой, встрепенула ее. Неуловимые признаки убеждали, что жизнь еще теплится, еще цепляется за валуны домов с сиротской неистребимостью лишайника. Машенька подумала, сколько же ее впереди, этой сиротливой подонной жизни, и решила — много, и, оттолкнувшись от перил, шагнула в нее...

Земля у нас одна

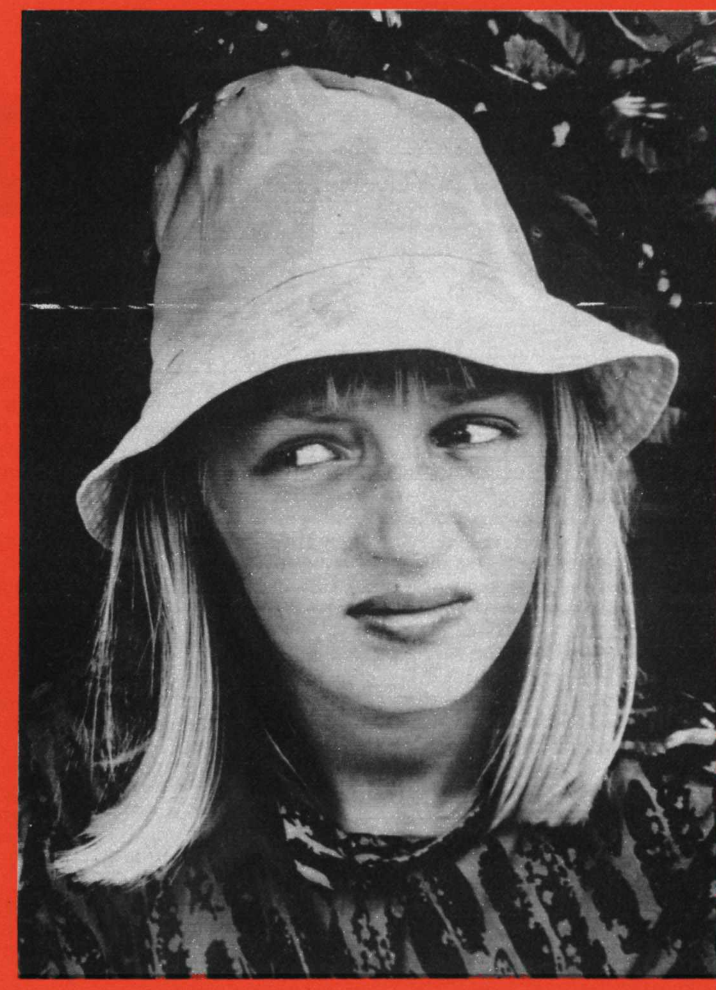
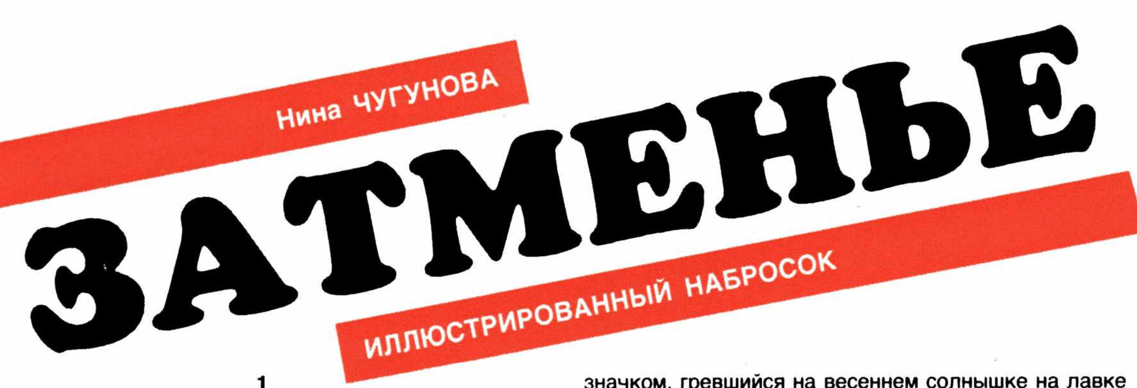


Фото
Ф. ГУБАЕВА. Казань
Ю. СИНЯГИНА. Дубна
П. МАРКИНА. Ленинград
С. ПОСТАНОГОВА. Пермь



Нина ЧУГУНОВА

ЗАТМЕНЬЕ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ НАБРОСОК

1

Несколько лет назад в азиатском советском городе, который я не запомнила в деталях, а весь он передо мной как в пыли стоит, я записала рассказ старой женщины.

Она курила «Приму».

Девушка от комсомола, переводившая мне таджикскую речь, впала в оцепенение, вот почему я уверена в абсолютной точности перевода.

В некоем затмении мы слушали, а потом вышли в город настоящего времени.

Мне всегда было тяжело в Азии. Старик, выходящий кланяться в пояс начальству, сложив ладони, мне руки не подавал, но если городское начальство приглашало меня к столу, то за столом сидели знатные люди, все со значками Союза журналистов, в котором я не состою, а любезный человек с водкой и около меня мешкал, смотрел вопросительно.

Вечером начальник гостиничного буфета прислал мне миску бараньей печенки, которую передавала мне его мама, и я гадала, как не обидеть маму. Утром камень ударил в окно: внизу стоял человек в белой куртке буфетчика и с блюдом из белого металла на легко воздетой ладони, на блюде на салфетке покоилась могучая рыбища и смотрела на меня глазом.

— Это щлет тебе Махмуд, а рыба называется толстолоб! — сказал человек, усмехнувшись моему ужасу.

Махмуд был красным дипломником плехановского института, он был златозуб. Ночью он пел под окном.

И только в нищем доме Матери мне было не страшно, и с тех пор запах честного табака четырнадцатикопеечной «Примы» для меня все равно что запах костра в лесу.

У нее и тогда на руках был сирота-приемыш, и я запомнила его имя: Холикберды — и то, что она сказала: «В войну дети не болели, а Холикберды вот простудился, кашляет».

Египетское устройство нашей жизни тогда еще не было нарушено, и я пошла по начальству просить за Мать.

— Мы поставим этой героической женщине памятник из чистого золота! — воскликнул руководитель Советской власти в галифе из тонкого темно-синего сукна.

Но слова о памятнике из чистого золота начали терзать меня издевкой, и в них мне чудилось: «Вот пусть она умрет!..» Мол, дай срок! Уж мы сумеем почтить!

Я приехала в этот город, а никто не помнит Мать. Никто не помнит женщины, что в войну воспитала целый пионерский отряд сирот.

— Она умерла,— сказала мне девушка — научный сотрудник музея, прохладного и пустынного, как дворец правителя, когда я, напрягшись всей памятью, вспомнила ее имя, каким она называлась в миру.

И девушка подвела меня к стенду с фотокарточкой, где была Мать и девушка с младенцем, а под карточкой было написано: Мамлакат Худойбердыева воспитала 23 сироты. Девушка рядом была, конечно, Буринисо, ей было год, когда Мать узнала об очередном случае сиротства в ее родном и проклявшем ее кишлаке Йори, и Мать вскочила на коня, не дослушав истории, и успела забрать ребенка раньше государственных организаций, если б они тоже спешили к сироте на конях, оспаривая у Матери право на сироту, если б они вообще существовали в Пенджикенте и в других уголках необъятной Родины.

— Скажите, а был ли здесь раньше колхоз «Красный кокон»? — пригрезилось: сейчас откроется завеса, времена соединятся, окажется, что никто ничего не забывал...

— Мой дедушка рассказывал: был колхоз «Красные ворота Востока». Еще,— она засмеялась,— «Каганович». Дедушка всегда вспоминает: «Когда я работал в «Кагановиче»!..»

— А что он еще говорит? — торопила я ее зачем-то.

— Говорит, в войну было легче, понятнее: что написано на карточке, то и давали, а теперь, что ни написано — ничего в магазине нет!

Около музея был большой и пустой постамент. Первое чувство: здесь был памятник Ленину.

— Нет, не Ленину,— сказал человек в шапке и со значком, гревшийся на весеннем солнышке на лавке перед входом в музей.— Здесь должен стоять памятник великому поэту Рудаки, уроженцу наших мест.

— Еще не изготовили,— догадалась я.

— Изготовили. Давно,— успокоил человек.— Он там, за музеем, лежит.

Мать была сирота родом из кишлака Йори.

Кто найдется, желающий опротестовать меня? Поправь меня, историк или дотошный патриот, и вот нас будет двое. Знаешь ли, как изнурительно одиночество, при том, что я вашей жизни не знаю и голос слаб? Возможно, что ты вознегодуешь, появившись из ниоткуда. Ты изумишься тому, что столько важных подробностей было мной упущено в разговоре, а теперь не исправишь.

Да, прав ты, а не я. Более того. Это история, живя во мне, стала приобретать новые черты. Кони выростали, люди метались под копытами гигантских коней. Свист я слышу, когда выпрямляется хлыстом склонившийся к земле всадник. Бек, заколдованный от пули,— жду — явится в моем русском сне что-то спросить.

Ты меня поправь. Она ваша святая. Молчишь? Тогда пусть остается, как есть.

Ведь это житие. А историю мы, не знаю, напишем ли. Завтра придут яростные пионеры новой формации, и они скажут, что Мать была вовсе не героическая женщина Востока, с плачем просившаяся в новую жизнь, а, наоборот, убийца честных басмачей — опять давай переделывай историю великих свершений? Потом для простоты скажут: не было Матери на свете, не было легкой жизни, брошенной в пыль и песок ради ничего, брошенной туда же, куда швыряли головы басмачей, пронесенные по городу на копьях (так было! Она помнит! Не ты, не я — она права!).

Постамент для памятника ей давно готов. Это город, в прошлом великий, древний оплот зороастрийцев, брошенный нам под ноги в пыль, бесценный, как жизнь.

2

«Кишлак Йори проклял Мать, когда ей было, наверное, девять лет. Мать сумела внушить этим людям больший страх, чем они привыкли испытывать, проживая свою жизнь: он был похож на страх перед ядовитой мушкой гундой, прыгучей блохой,— сначала человек не замечает ее укуса, потом умирает. Мушки появлялись всегда во время особенной жары, и спастись можно было, лишь окатив себя водой. Вот, перепугались люди Йори, зачем появилась Мать: в самое бедственное время. Они прокляли ее и жалели долго, что не убили: теперь Мать где-то жила!

А Мать была йорийская сирота, от родителей, которых не помнил никто из-за бедности — собственного сиротства на земле. Считалось, что у Мамлакат есть родственники: местный мулла и далекий человек по фамилии Алимов, живший в городе Пенджикенте, где происходили базары. Но Алимов не мог считаться настоящим живым родственником, потому что не жил в Йори никогда. А мулла отвернулся от сироты вовремя.

Когда Мать выросла и ей стало около девяти лет, ее отдали замуж за хорошего старого человека по имени Мир-Аотолло. Мир-Аотолло приблизился к старости без жены и имущества, так что они оба с Матерью были достойны друг друга: они не отнимали ничего у Йори. Мир-Аотолло было тридцать лет.

Мать убежала от него ночью на лошади. Утром лошадь вернулась в Йори.

Мать очнулась на пустой земле, выгнувшейся под ней, как бок барана. Она встала, но была слишком мала, невысока ростом для этой земли и ничего не увидела окрест. Постояв на земле, она пошла в Пенджикент, где жил Алимов, и пришла правильно.

То, что лошадь пришла одна наутро, означало, что искать сироту, сброшенную на скаку, не нужно: лошадь, видно, постояла около мертвой и вернулась, испугавшись. Никто не захотел ее искать. Один только самый опозоренный Мир-Аотолло пустился опять, не найдя в первой погоне. И он кричал и расцарапал себе кожу, чтобы не удивляться сильной боли, исходившей из груди.

Он нашел Мать в Пенджикенте.

Но не убил, а звал Мать, бесстыжую, без покрывала, с глупым и ясным лицом, а Мать упиралась, как помешанная, и смотрела на Мир-Аотолло, как на далекую гору, и вот этот несчастливый человек плюнул перед ней в землю и умчался в Йори, нахлестывая ишака по ушам.

Он считал, что больше никогда не увидит ее, и это было чувство, как знание смерти».

3

«В те дни страшные люди Хомид-бека появились на окраинах Пенджикента. Стало опасно ходить через перевал. Земля сделалась каменной и не принимала воды. Вода стояла на ней, как масло.

Мать взял к себе высокопоставленный и честный человек, дальний родственник по фамилии Алимов. В Йори ничего не знали о продвижении Алимова, который уже прославился борьбой за преобразования и был героем Пенджикента и сотрудником новой власти.

Ко времени, когда он захотел взять Мать на воспитание, Алимов, неустанно боровшийся с пережитками, в самом себе еще не уничтожил такого небольшого пережитка, как существование двух жен у него одного. Он привел Мать к женам напоказ. Мать стояла перед ними, упираясь маленькими пятками в порог прохладного дома Алимова. Старшая жена ничего не сказала. Она увидела, что Мать уже не ребенок и, значит, она, старая, не нужна ей, и они смогут прожить рядом, не бранясь и не разговаривая, и смогут месить одно тесто. Но младшая жена, любившая Алимова до животных корчей, закричала на него:

«Что мне привел? Зачем мне этот дарсидар даришь?»

Что означало: «Зачем мне эта головоболь?»

Алимов молчал, понимая, что сирот будет всегда больше, чем дорогих и близких одному человеку людей.

Мать вышла на улицу, и Алимов не вышел за ней. Прохлада его дома сомкнулась у нее за спиной. Она налегла на калитку во дворе всей тяжестью своего тела, чтобы очутиться на улице.

Она стояла на улице так долго, что начала собираться ночь. Она уже начинала думать, что от людей надо всегда уходить и прятаться. Так она спряталась, идя в Пенджикент, от легкого отряда всадников, пригнувшихся к спинам сухих коней — хотя ей не было страшно, а было одно чутье, сказавшее ей: прячься. Дню оставалось несколько дыханий, когда мимо Матери прогарцевал великолепный всадник, это был милиционер города Пенджикента. Он не был, конечно, великаном, а был усталым всадником, и в морщинах его молодого русского лица засела пыль, сторож старости. Мать уцепилась за стремя и похвалила коня, чтобы милиционер остановился.

Много лет спустя люди стали говорить, что ненависть к богачам привела Мать на службу в милицию, но на самом деле Мать была еще мала, чтобы понимать, чем плохи богачи.

Милиционер рассмеялся на своем коне так, что у нескольких женщин, семенящих по Пенджикенту, попрыгали дастарханы с голов, и лепешки раскатились по земле, и женщины убежали в раздувающихся паранджах.

— Не для девушки наше дело! — как эхо, закричал сверху своего гигантского коня первый милиционер Пенджикента, изумленный фантазией таджички, похожей на козленка.

— Басмачи везде, сволочи,— объяснил он, перевесившись с седла и выпрямляясь со свистящей гибкостью.

И он улыбался смертельной улыбкой.

Он мало что знал о кишлаке Косатарош, где скоро должен был быть убитым в коротком и ясном бою, не оставив нестреляных пуль, и жил пока вечно. Но Матери тогда уже захотелось заплакать над ним, как над убитым братом. И вот когда началась ее собственная жизнь, и вот когда она вдохнула воздух легкими, слипшимися в ожидании.

Только через год или позже Мать увидела Хомид-бека ближе, чем тем днем, когда он пропылил перед ней во главе всадников, пригнувшихся к сухим спинам коней.

В жизни Хомид-бек носил шелковый дорогой и грязный чапан. В этом белом чапане, свежий и плотный, как плод инжира, Хомид-бек появился через год или позже в Йори и там засел у своего родственника Мирзокомбара и стал есть баранью печенку в гостевом, завешанном сюзане пышном доме Мирзокомбара — и капать жир на полы Мирзокомбарова халата и вытирать пальцы о бахрому Мирзокомбаровых ковров.

Тогда робкие жители Йори убежали в горы

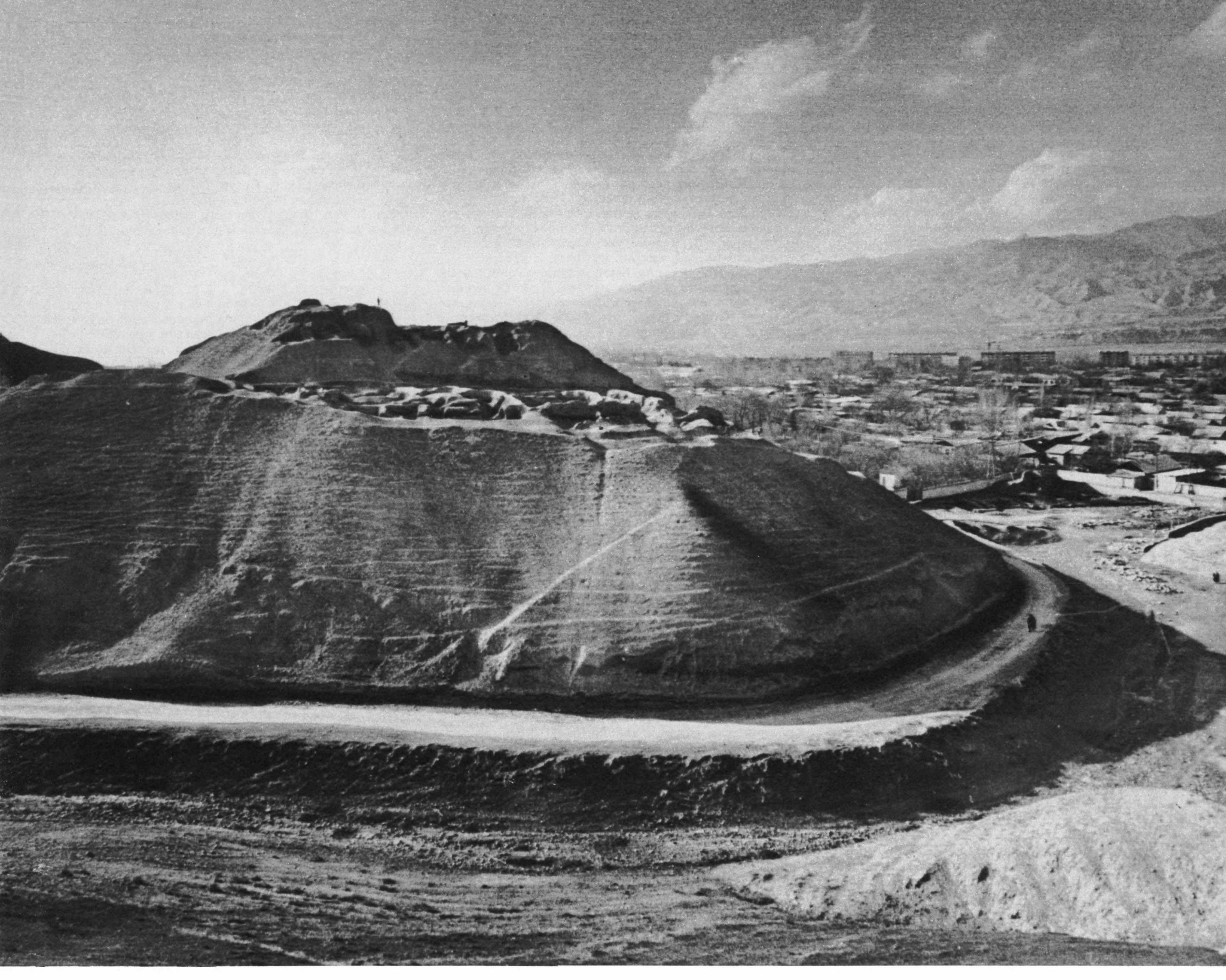


Фото Марка ШТЕЙНБОКА

и стали ночами таскать своих баранов и резать их в горах, чтобы сытно пережить ужас — гулянку Хомид-бека, пока сам он и сто хомид-бековых людей сидят в Йори, оставленном жителями с несколькими забытыми старыми женщинами и малолетними детьми. Йорийцы оставили их в спешке, говоря потом себе, что Хомид-бек не станет ведь убивать старух и детей, а Хомид-бек все гулял, все сидел у Мирзокомбара, презирая пугливый обеденный дым, курящийся над горами, и смеясь над ними, и стремясь отвязаться от впечатления, что в пустом Йори кто-то посмотрел на него в упор. В щелях ли кишлака мог прятаться тот, кто умел смотреть, как дурное предзнаменование?

А второй раз Мать смотрела на Хомид-бека, когда она стреляла в него, а он ушел, скрылся в ночь, как ящерица в камень».

4

«Начальник милиции Акоп был не русский и не таджик. Он выслушал милиционерову речь про угнетенную женщину Востока, с плачем просившуюся в новую жизнь. Он знал, что дети — символ революции, но что же он мог предложить этому новому человеку, когда он завтра мог быть убит, уткнуться лицом в чужую эту землю, по которой она, босая, к нему шла?

Он вышел из-за стола и присел перед Матерью на корточки: так он смотрел ей прямо в глаза.

— Сами воспитаем,— неожиданно для милиционеров сказал он.

«Только стрелять ее надо научить. Да научится. Они в эти лета, как мальчишки, любопытные к ружьям».

Шинель перешила старшая жена Алимова, прячась под покрывалом от взглядов младшей, злобной, как насекомое гунда с ядом в брюшке. Младшая мазала веки сурьмой для сверкания глаз. Это сверкание продолжалось, пока Алимову не хватало мужества.

Голова последнего басмача была брошена в пыль Пенджикента в тридцать втором году. Кровь свернулась и стала как пуля на песке.

Никто в Йори никогда не заговорил с Матерью. А мулла заговорил тогда, когда стал работать сторожем в советском учреждении Пенджикента, но Мать прошла мимо него, стуча сапогами, в ветхой от стирки маленькой гимнастерке. Люди называли ее милиционеркой, некоторые плевали перед ней в землю.

В Йори она старалась не приезжать, но иногда ее назначали в Йори на пост: сторожить склад или что-нибудь еще.

Однажды, едучи в женской одежде, Мать повстречала отряд людей, кажется, Кури Хамро, косого Хамро. Они что-то закладывали камнями при дороге. Мать подъехала ближе, перекинула узел с гимнастеркой на другой бок коня. Она закусила запекшиеся губы под покрывалом.

— Держите ее,— придумал Кури Хамро, хитрый от своего одноглазия.— Может, еще одна показательная женщина взялась.

Мать всегда была слишком мала даже для своих малых лет.

— Это Сенджабова дочка,— ошибся кто-то из его людей или нарочно соврал, из жалости, зная любовь Косого к мучениям женщин.

Мать знала кузнеца Сенджаба. Когда они уехали, она вернулась и разобрала камни и в избитом человеке под камнями узнала Зульфию из Магияна, мужественную замужнюю женщину, переставшую носить паранджу. Сама Мать не знала, что это значит — снять перед людьми паранджу, потому что в своем замужестве за Мир-Аотолло не успела ее надеть. Но она поразилась бесстрашию Зульфии перед смертью. Она повезла спасать Зульфию и после не плакала даже над болезнями своих детей. А теперь она плакала и обещала Богу, которого немного знала, свою жизнь за жизнь Зульфии. «Но пусть умрет Кури Хамро!» — просила она Бога и Акопа.

Много лет спустя стало считаться, что Зульфию, услышав стоны под камнями, спас «неизвестный мужчина на ишаке». Мать никогда не исправляла этой ошибки. С годами она поняла, что на все ошибки ее жизни не хватит, надо исправлять некоторые. Эта — не стоила ничьего труда.

Главное было в том, что и Кури Хамро, и Ибрагим-бек, и Кури Ишмат закончили свою жизнь пулями, выкатившимися из горла!

Хомид-бек пропал куда-то, сгинул. Только его заколдованный чапан так никто простреленным не видел, и говорили: бек от пули заколдован этим чапаном. Но главное ведь, что он ушел из нашей жизни, живой или мертвый, не важно».

Я прошла по этому городу, спрашивая не о Матери, которой никто не помнит, а о том, что происходило в городе.

— Когда именно?
— Да когда хотите. Вчера.
— Ничего.
— А в прошлом году?
— Да совсем ничего!

Старики на базаре сказали мне:

— Происходит хорошая погода.

Продавец в булочной призвал угощаться булочками и сказал:

— Ну, совсем ничего! Ты у учительницы спроси, вот.

И ясно, и холодно, как Снежная королева, посмотрела на меня учительница, украшенная белым покрывалом.

— У нас все хорошо,— сказала она.— У нас ничего особенного не происходит.

— Может, чудеса или пожары? — запуталась я.

— И фамилия моя вам ни к чему,— говорила учительница немецкого, как выяснилось, языка.

Может, им нельзя? Но я вскричала:

— Я от души, я искренне. Раз ничего не происходит, значит, вы небывалый город на нашей земле!

— И национальной розни у нас нет,— сказала она, платя за хлеб.

— И розни? — сказала я.— А может, вы знали такую старушку.

— Нет.— И продавец покачал головой в меховой отличной шапке в этот теплый день.— Нет.

— Кто она была?

Какой из меня рассказчик, я вашей жизни не знаю.

5

«Когда в большой рыночный съезд Мать увидела Мир-Аотолло — а прошло уже, наверное, лет пять,— жизнь вернулась к Мир-Аотолло, и Мир-Аотолло не выдержал молчанья старой жизни и пошел за Матерью больным старым ишаком или слепым, услышавшим шум воды.

У Матери уже был свой дом, который она купила за йорийскую корову, по праву принадлежавшую ей.

Она давно уже была такой: знала, что ей принадлежит по праву. Мир-Аотолло принадлежал ей по праву.

Мир-Аотолло недолго оставался в доме Матери. Синяя от луны лошадь видела, как он ушел перед рассветом, изгнанный, отвергнутый не как дар, а как имущество.

(...а все-таки это был единственный во всем Йори человек, захотевший когда-то ее спасти, единственный, кто видел в глазах ее исправленный мир, кто шел за ней, кто клялся, кто говорил с ней и кто плакал в первый день погони, царапая грудь, чтобы легче исходила боль!)

Жизнь кругом давно изменилась, повернулась, утратила неподвижность, стала идти вперед толчками, как кровь.

Ночами Мать стала работать в хлебопекарне, а днем она, если не было дела в милиции — не нужно было стоять на посту — время-то наступило спокойнее,— шла в МТС к механику Аникину и смотрела на два красных трактора, марки ЧТЗ и ХТЗ, стоявших у Аникина под рукой. Акоп все твердил ей, что надо быстрее чему-нибудь учиться, чтобы жить лучезарной жизнью. И Мать все искала, чему бы научиться, пока не узнала об организации МТС и о появлении двух красных тракторов. Куда пропал потом Аникин, погиб ли на войне, так ли уехал — Мать про это забыла...

— Пришла, милиционерка? — говорил Аникин, не оглядываясь, так как больше к нему никто не ходил, у всех было много своих дел, а для иных Аникин был вроде зачумленного: черный от своих тракторов, дикий, со сверкающими глазами, и чужой. Аникин пел. Он был русский: смутный от своей доброты.

Аникин обещал, что к пахоте Мать поведет сама.

В это время люди продолжали умирать то и дело, и в пекарне о смертях говорили постоянно, не горюя и не интересуясь подробностями.

— Это же у тебя в Йори,— сказали они ей про случай сиротства, чтобы втянуть и Мать в разговоры, не требующие много жалости, но помогающие отвести душу от своих бед.

— Пусть везут ко мне,— сказала она про сироту.

Через день кто-то из йорийцев привез ребенка и оставил на пороге, не войдя в дом.

— Ты Тойчи, ты сын праздника,— назвала его Мать, поднимая непривычно.

Тойчибой уходил на фронт в сорок четвертом.

Тойчи уходил на фронт в сорок четвертом от здания военкомата. На нем были хромовые сапоги, гордость Матери и гордость колхоза «Красный кокон», где Тойчи копал арыки. Сапоги держались на его ногах как ведра. Человек, отправлявший призыв, произносил речь. Запах ваксы чувствовался в воздухе. Это пенджикентский еврей, лгун и мастер, начистил сапоги перед фронтом. Он говорил Тойчи, что купил эту ваксу в другой стране. Теперь запах ваксы витал над строем. Человек, говоривший речь, считал его похожим на пороховой. Рядом с Тойчи плакал сосед Нарым Нобоев. Тойчи слушал речь, повернувшись в сторону дома. Мысленно он умолял Мать прийти.

Ее не было среди плачущих женщин».

6

«...Она больше годилась ему в сестры, но могла бы быть и матерью, если бы, не бегая от Мир-Аотолло, родила его первым. Вырастая, он учился прощать ее. Запах папирос не выветривался из дома. Когда она дежурила ночью, он не спал. Он боялся темноты. Она смеялась над ним. Она не знала, что он боится темноты из-за нее: когда она уходила на свой пост ночью, он прослушивал темноту насквозь. В доме уже жили несколько братьев, кто-то был, как он, из Йори, а кто-то соседский сирота. Все они были младше Тойчи, и им Мать совсем годилась в матери. В четырнадцать лет Тойчи поступил в колхоз «Красный кокон» и стал копать арыки, это была самая тяжелая работа, но Мать никогда не задумывалась, почему он делает самую тяжелую работу. Он заработал в колхозе ишака. В сорок втором году ишак отвязался и ушел в степь. Ничего хуже не могло случиться в сорок втором, но Мать ни за что не хотела поверить, что ишака отвязали и увели люди.

В сорок втором Тойчи слег и стал чахнуть. Врач сказал, что, наверное, он неправильно поел, но Мать сказала врачу, что Тойчи свело кишки от работы, надорвался. «Ничего,— сказала она Тойчи,— ты не умрешь, ты только будешь долго болеть».

В ней была жестокость... материнская, он мог бы так сказать. Но он не знал, жестокость ли это.

Ей больше нужен был бы брат восемью годами младше. Однажды она сказала ему, как брату, что после войны устроит праздник, какого никогда не видели под тутовниками. О Йори она не рассказывала никогда. Он только знал: есть Йори, их общая грустная родина.

Детей в эту войну помогла спасти соседка Раиса, директор пекарни. Перед своим уходом на фронт Раиса, прямая и веселая женщина в одном и том же пиджаке на протяжении всего времени, пока Мать ее знала, пришла к Матери в дом проститься. Она хотела выпить спирта, чтобы заплакать, и принесла спирт с собой. Когда Мать разлила спирт по двум кружкам, Раиса сказала, что пришла еще и по делу. Она сказала, что не может заплатить Матери деньгами за ее работу в пекарне, но работала Мать больше всех, это все знают. Пусть примет вместо денег муку. Получается шесть мешков. Мать ахнула. Но Раиса сказала, что шесть мешков — это точная плата, воровать в такое время даже ради Матери она не стала бы. Они пошли на склад и взяли по бумаге шесть мешков и носили их домой и ссыпали в большой сундук, а кружки со спиртом стояли все это время на столе — дожидались их. Мать завелась печь лепешки, но Раиса сказала, что есть не станет, просто посидит, послушает хлебный дух, а есть не станет, что будто бы, работая на хлебе, наскучила им, а запах послушает, любит. Мать знала, что на работе Раиса хлеба для себя не имела, и сказала ей: «Прости, Раиска». Они выпили и стали сидеть, сомневаясь про себя и вслух в том, что что-то еще в их жизни будет, потом верили в это и говорили вслух. Они смотрели на лепешки, потом пришли дети, и они стали смотреть на детей, как они едят лепешки. Раиса сидела долго, и Мать не торопила ее уходить, так как слезы из Раисы все не шли. Тогда Раиса попросила Мать рассказать историю каждого из сыновей, вон их у тебя сколько, облепили тебя, как тутовник. И Мать молчала, и обняла Раису, и тогда наконец Раиса заплакала оттого, что оставляет свой дом пустым, и оттого, что бабий век короче жизни, и оттого, что девочка Мамлакат крепче ее.

Мать подставила свое плечо под голову Раисы и стояла рядом, пока та плакала, маленькая, как чья-то дочь.

— Прости, апа,— сказала Раиса, отстраняясь.

Она была старше Матери, но назвала ее так, прощаясь, и все потом стали называть Мать Матерью, особенно после войны.

Раиса прошла мимо детей на толстых каблуках. Мать никогда не видела туфли на ногах Раисы.

— Прости,— сказала Раиса.

Потом она еще раз обернулась из калитки. Но дети слышали только прощанье.

Раиса пропала на фронте.

Тойчи остался жив, ему не пришлось сделать ни единого выстрела. Пока ехали на фронт, много говорили. (Гитлер бежал и скрывается под Воронежем.) Тойчи пришлось послужить в Германии. Там он влюбился, но вдруг Мать позвала его. Он сел в поезд. Молодые женщины на стоянках подбегали к поезду и просили ехавших остаться и жить здесь. В Самарканде он прыгнул в кузов грузовика.

Он стал жить в городе, куда его привезли чужие люди, оставив на пороге чужого дома. Он выстроил дом. Он четырежды перестраивал его, чтобы счастье поселилось в нем. Но жена его долго и тяжело болела... Тем временем у брата Шарифа уже было одиннадцать сыновей.

Тогда Тойчи привел в дом сироту, девочку.

Он жил как бы под строгим взглядом той, что, восемью годами старше, годилась ему в сестры. В ней всегда была жестокость... материнская?

Когда умер Бузурук, она пожелала хоронить его, вынося из своего дома, где росли деревья-братья, а не из дома самого Бузурука, где он был, считала она, несчастлив. Тойчи воспротивился: что скажут люди? Тогда Мать перестала разговаривать с Тойчи, и наказание длилось два года».

7

А теперь она умерла.

Если ребенок здесь заболевал в раннем младенчестве, ему поскорее давали новое имя, а старое старались забыть: так для смерти прежний ребенок был полученной добычей, а человек с новым именем начинал заново бегство от нее. Если заболевал и этот, переименованный, жалеть было бесполезно.

Это как затменье над судьбой, с тем, чтобы она казалась правильной и чистой и пионеров не пугала.

А что могло испугать в судьбе Матери, кроме ее бедности? Имя ее забыли при жизни, написав в одной почетной грамоте по-русски: Биби Худойбердыевой.

Прости, прости! Прости же...

Никто не придет и не помешает закончить мой рассказ тем, что зимой у тебя стала горлом идти кровь, а больше мы не виделись.

Так: теперь моя очередь, и никто не придет?

8

...Патриот Пенджикента возникает сам собой в этот горестный день на моем пути, и он ведет меня на место раскопок, туда, откуда простор отчетливее виден. Он в ватнике пустынного цвета, он примерно моих лет, и фамилия его Рубцов. Он русский из тамбовско-моршанского рода Рубцовых.

И мы стоим с ним на этом просторе, там вдалеке мальчишки играют в мяч. Сергей Рубцов здесь родился, он этот город и этот край не променяет ни на что. Мне встреча с ним, как возвращение ясности сознания после затмения: что со мной было, скажите!

— Это крепостная стена,— говорит он, свободно владея пространством.— Толщина четыре метра. Все постройки глинобитные. Если правильно вести раскопки, будут по-прежнему обнаруживаться росписи, я сам лично находил и Маршаку из Ленинграда сдавал.

— А теперь рассказывайте про себя, начиная с вашего деда. Бежали из Тамбова...

— Нет! Он не бежал... Он был краснодеревщик. Рубцов Степан Андреич, а я Рубцов Сероджидин. Мой дед родился в Моршанске, разумеется, и все наши предки. Эмиру Бухарскому он делал мебель. Заработал, вернулся, начался голод, семья была большая. Это уж при Советской власти. Многие померли, но кого успел он спасти — моего отца, тетку, дядю Сашу — схватил и сюда привез. Вернее, к эмиру. А когда нашего эмира свергли — ведь свергли его, так же было? — то сюда...

— И я здесь родился, и я люблю эту землю. Видите: весна. А вы когда-нибудь были в ущелье в горах? А ведь там все время весна! Даже летом! А грибы какие? Знаете — вот такие белые грибы!

(После событий в феврале в Душанбе русские побежали из Пенджикента. Брат уехал, устроился сначала в колхоз, стал писать и звать к себе. Нет!.. А ведь было шестьдесят Рубцовых в Пенджикенте.)

Водитель грузовика нервничал, и поехали назад.

— Я наврал,— сказал он,— никакой я не Сероджидин. Серега.

— Я уж отомщу,— сказала я.— Я расскажу про вашу первую любовь! Про десятый класс, про раскопки.

— Можно,— вдруг легко согласился он.

Он улыбается. Он счастлив, и его земля роднит нас, как небожителей небеса.

Для начала достаточно любви. О подробностях позаботится жизнь сама. Наверное.

Жизнь складывается или почти складывается. Только не надо ни в коем случае уезжать.

Мальчики, изучающие каратэ по книжкам, продающимся в киосках Пенджикента, кидают тебе в спину камни от полноты чувств.

Это не больно, если камень небольшой.

Музей в Пенджикенте — имени великого поэта Рудаки. Вот памятник привезли, положили набок. Так и лежит поэт Рудаки уже год, считай.

ПО ОБЕ СТОРОНЫ СТЕНЫ

Виктор НЕКРАСОВ

Книга Виктора Некрасова «По обе стороны стены» вышла в Нью-Йорке в 1984 году. Символ противостояния двух миров — знаменитая Берлинская стена стала одним из «героев» поздней прозы Некрасова. Некрасов исследует эту чудовищную ожившую гиперболу взглядом фронтовика, взглядом честного, беспристрастного наблюдателя. Год назад Берлинская стена стала местом всеевропейского праздника — праздника ее разрушения. А недавно газеты сообщили, что два бывших члена правительства бывшей ГДР — Штоф и Кестлер — арестованы по подозрению в подстрекательстве к убийству «перебежчиков»: тех, кто пытался преодолеть стену. История стены не закончена? Пятьдесят лет назад началась Великая Отечественная война. Восемьдесят лет назад родился писатель, открывший в нашей литературе «новую фронтовую» прозу...

В полукилометре от Бранденбургских ворот, на центральной аллее Тиргартена, в английском секторе Берлина, стоит памятник Советскому воину. Стела, на ней солдат в каске, внизу два танка и двое часовых. Подойти к памятнику нельзя. Он окружен колючей проволокой, высоким сетчатым забором и всякого рода шлагбаумами. Иногда шлагбаумы открываются и пропускают набитый туристами автобус. Медленно, не останавливаясь, проезжает он мимо памятника, туристы щелкают сквозь закрытые окна фотоаппаратами и увозятся к другим достопримечательностям столицы ГДР или «фронтового города» — это в зависимости от того, из какого сектора приехал автобус.

Почему монумент воздвигнут именно здесь, а не в советской зоне, объяснить трудно, но до памятного всем берлинцам дня 13 августа 1961 года к нему можно было подойти, положить цветы, постоять, о чем-то подумать. У меня сохранилась фотография тех «доавгустовских» дней. Кто-то щелкнул нас: меня и нескольких генералов — на фоне памятника. Мы приехали тогда, в 1958 году, каждый в свою бывшую часть на празднование Дня Красной Армии. О чем я в тот момент думал — не припомню. Зато хорошо помню, о чем думал в ноябре прошлого, 1977 года, разглядывая уже из-за загородки в бинокль двух советских воинов, застывших у подножия третьего, бронзового...

То, что мир разделен надвое, человечество ощущает уже шестьдесят лет. Чем это кончится, не берусь судить. Но то, что он разделен надвое прочно, надолго и бесстыдно, я окончательно понял, глядя на то, что называлось когда-то Потсдаммерплатц.

Когда-то это был самый оживленный перекресток Берлина (после войны — черная биржа), сейчас это громадный, заросший бурьяном пустырь. И Стена. Вернее, две стены — по эту и по ту сторону пустыря. И колючая проволока. И вышки. И пулеметы... Через весь Берлин.

Китайская стена. Отгородиться китайской стеной. Это уже отвлеченное понятие. Говоря так, мы даже и не думаем о той, настоящей, вьющейся где-то там, далеко, по рыжим холмам, тысячеверстной змеей, помним ее разве что по картинкам из Детской энциклопедии. И вообще все это дела седой древности, какие-то там богдыханы, династии — короче, китайская грамота.

А тут прямо перед тобой, у твоих ног, разрезанный надвое город. В самом центре, в самом сердце Европы. Разрезанный по живому, кровоточащий. В буквальном и переносном смысле.

Бернауэрштрассе... В свое время штрассе как штрассе, пяти-шестиэтажные дома, внизу лавочки, подъезды, парадные... Сейчас все снесено. Остались только первые этажи. Замурованные входы, двери, окна. За этим Берлинская стена. Невысокая, метра два-три, на ней колючка, за ней в четыре ряда «ежи». Потом опять Стена, колючка. И, наконец, Германская Демократическая Республика. Ее столица... Пустынные улицы, конечная остановка трамвая. Людей не видно. Так, изредка кто-то пробежит.

Стена тянется с севера на юг. Очень прихотливо, с изгибами, извивами, выступами, где-то отступая, что-то огибая. Бранденбургские ворота на восточной стороне. Рейхстаг на западной, беленький, отреставрированный, только без купола. Стена примыкает непосредственно к нему. Внутри музей и ультрамодерный конференц-зал, тот самый, в котором, вызывая поток нот с советской стороны, заседает иногда западногерманский бундестаг.

Стена не только разрезает город, она окружает, душит его со всех сторон. Через леса, холмы, по самому берегу озер. На берегу виллы, особняки, парки, но окунуться в прохладные воды не помышляй — Стена! И по самому озеру тоже Стена, по дну. И проволочные заграждения от берега к берегу. Есть и мост, тоже с загородками и шлагбаумами. Называется «Мост единения»...

Когда немца спрашиваешь, он, поахав, поохав, скажет: «Конечно, позор, но другого выхода у Ульбрихта не было, поверьте мне, вся Восточная Германия сбежала бы. Берлин-то уж точно...»

Бедный, бедный Маркс...

Впервые я попал в Берлин в 1948 году. Тридцать лет тому назад. Корреспондентом «Литературной газеты». Город был разрушен, но улицы были подметены, ходили трамваи. Витрины забиты фанерой, посередине маленький квадратик стекла, сквозь него можно было разглядеть перочинные ножички, письменные приборы, открытки — их тогда уже было много: Берлин до и по...

Имперскую канцелярию еще не снесли. Броди по приемным, вестибюлям, гитлеровским кабинетам сколько влезет. Стены сверху донизу в автографах победителей. По запаху чувствуется, что руины используются в основном как общественная уборная. Мечтой каждого солдата было дойти до Берлина и облегчиться на столе Гитлера. Думаю, что подавляющее большинство дошедших мечту свою осуществило, даже не найдя стола. Неподалеку от имперской канцелярии немыслимой помпезности и размеров памятник Вильгельму I. Бронзовые кони, лавры победы и крылатые гении в таком количестве, что не помню, был ли сам император... Кажется, все же был. Сейчас уже нету.

Тиргартен напоминал Арденнский лес 1918 года. Среди обугленных стволов то тут, то там белели безголовые, безрукие мраморные курфюрсты и принцы. На колонне в центре Зигесаллее, воздвигнутой в честь победы над Францией в 1871 году,— французский флаг.

А в воздухе один за другим каждые три минуты — «боинги». Воздушный мост, Luftbrücke. Это были дни знаменитой берлинской блокады.

И все же это был город. Разрушенный, нищий, задушенный блокадой, но по нему можно было ходить, ездить в метро из одного конца в другой. Только по надписям на мостовой ты понимал, что переходишь в другой сектор — английский, американский, французский. Да по тому, что в киосках тех секторов газет и журналов было побольше.

Сейчас Стена...

Два города. Два мира. Совсем рядом. Мир обмана и попранных прав (новая, насмерть разящая рубрика «Правды») и мир истинной демократии, раскинувшейся от самой Стены до Тихого океана. И на всем 65-километровом протяжении этого сделанного из бетона чудовищного сооружения — кресты, кресты, кресты... Под ними те, кого настигла пуля восточного пограничника или автоматической самострельной установки.

Все, вместе взятое, это называется миролюбивой, последовательной политикой. И делается она руками тех, кто некогда водружал знамя над рейхстагом. Ну, не тех, а их сыновей, внуков... Берлин, 17 июня... Будапешт... Прага...

Об этом я думал, разглядывая в бинокль двух советских ребят, стоящих в почетном карауле у памятника Победителю.

Недалеко от Фридрихштрассе, возле контрольно-пропускного пункта со странным названием Чекпойнт-Чарли, почти прилепившись к стене,— музей, самый интересный из всех, что я когда-либо в жизни видел. Музей Берлинской стены.

Нет, это не точно. Музей — это нечто тихое, спокойное, с анфиладами залов, дремлющими в углу сторожихами, собрание чего-то прекрасного, чем человечество может гордиться. Здесь же наоборот — нечто постыдное, человечество позорящее. На двух этажах тесного помещения, бывшего, очевидно, когда-то магазином, собрано с любовью и ненавистью все, что связано с событиями 13 августа 1961 года.

(Я живо представляю себе картину — Ульбрихт у Хрущева. На столе пол-литра. Беседуют. «Что делать, Никита Сергеевич? Бегут!» — «А ты их за фалды!» — «Не удержишь!» — «Мы вот удерживаем, а нас, смотри, сколько».— «А наших не удержишь, хоть стеной окружай».— «Гениально! Молодчина! Когда там у тебя твой юбилей? Орденишко подкину...»)

Я никогда не думал, что фотографии могут произвести такое впечатление. Честь

и хвала тем, кто снимал. Сняты не только факты, мгновения: люди кидаются из окон, выбрасывают детей (внизу, правда, пожарники), спускают вниз каких-то старух — нет, удалось схватить самое важное, самое поразительное — психологию всех этих событий, лица, лица, лица... Особенно ГДРовских пограничников. Удивляешься, откуда столько злобы, ненависти, тупости. Но вот один, совсем молоденький, пожалел малыша, которого разлучили с родителями, и растянул колючую проволоку, чтобы тот мог проскочить. Но застукало начальство, и... Вот этот момент и заснят.

Другой парень. Постарше. Пытался перебраться через Стену. Подстрелили. Целый час пролежал, обливаясь кровью, пока его вытащили уже мертвым. А в окнах люди, смотрят, молчат, боятся...

Люди в окнах. Это целая история. Скоро эти окна замуруют. Последний взгляд на то, что видел целую жизнь. Улица, дом, газетный киоск.

Стена неумолимо шагает через все. Разрезает пополам усадьбы, дома, участки. Западная часть дома сохранилась, восточная — разрушена. Здесь все сносится подряд, проходят бульдозеры. И на фоне этого плакат, обращенный к западному берлинцу: «Обернись! Твой враг за твоей спиной. Он проиграл последнюю войну, а теперь хочет, чтобы ты шел и умирал за него». Убедительно!

А вот и дорогой наш Никита Сергеевич. Смотрит на Стену и ухмыляется. Молодцы, молодцы, показали им кузькину мать! А вокруг морды, рыла, одно другого тупее. На другой фотографии Косыгин. Как всегда, уныл и печален, ухмылочки никакой, не то чтобы стыдно, но и радости, думаю, не ощущает.

Кеннеди. Вместе с Аденауэром. У Бранденбургских ворот. Между колонн натянуты красные полотнища — это Ульбрихт натянул, чтобы народ зря не глазел.

И среди этого ужаса и трагедии нет-нет и радостные лица. Это те, кому удалось... Молодой человек, австриец по происхождению, обнаружил в одном из автомобильных салонов на Курфюрстендамм машину таких габаритов, такую низкую, что ему на ней вместе с невестой удалось промчаться под пограничным шлагбаумом, не задев его. Вслед за ним такой же номер проделал аргентинец, тоже с невестой... После этого все шлагбаумы были оборудованы какими-то вертикальными приспособлениями.

Еще одно улыбающееся лицо. Счастливцу удалось, смастерив примитивный моторчик с пропеллером, проплыть под водой (5 часов!) 25 километров до Дании и только там улыбнуться. С его легкой руки некая солидная западногерманская фирма стала выпускать такие моторы серийно для спорта и... побегов. Оба аппарата — экспонаты музея.

Переплюнуты все Дюма и Рокамболи. Тридцать шесть ребят, в основном студентов, и одна девушка в течение шести месяцев рыли туннель. И прорыли 145 метров на глубине 12 метров. Спускаться в него можно было по канату из уборной одного из домов Восточной зоны. Кончался же он в булочной на Бернауэрштрассе. Хозяин сдал ребятам за 100 марок в месяц. 3 октября 1964 года 28 человек спаслись по этому туннелю, включая старика сердечника, вылезшего из-под земли с синими губами, и пятилетнего пацана, которого удивило только то, что в туннеле не оказалось никаких чудовищ. О наличии их на поверхности он, по-видимому, не догадывался.

Еще одна счастливая четверка. Переоделись в советских офицеров и по всем правилам, отдав честь пограничникам, спокойно проследовали сквозь заставу. Компаньонку упрятали в багажник.

И еще, и еще... Сто тысяч ухищрений. На фотографии растерянный, обалдевший мальчишка, которого папаша прикрепляет к обыкновенному блоку. Потом по натянутому канату его на этом блоке препроводили с крыши шестиэтажного дома в свободную зону.

За 17 лет существования Стены — с августа 1961-го,— рискуя жизнью, бежало из Восточного Берлина 175 287 человек.

Вот из этих-то бежавших, помоложе и поактивнее, и сколотился коллектив, организовавший музей. Во главе его немолодой уже Райнер Гильденбрант, автор книги о восстании 17 июня 1953 года. Сейчас передо мной другая книга — «Это происходит у Стены», сборник фотографий, которые должны знать все.

...Господи, что же это за страна такая? За что ей выпала такая доля? И неужели концу этому не будет?

И опять-таки нет ответа.

В медицине есть такой термин — холодный абсцесс. Это нечто тянущееся, гниющее, незаживающее. Здесь, по-моему, тот самый случай. Что-то изменится, что-то смягчится, что-то, наоборот, завинтится, уйдет Брежнев, появится новый (как огня боятся этого в Союзе — почему-то никогда не верят в лучшее), и все будут по-прежнему терпеть, выполнять, перевыполнять, обманывать, воровать и шепотом восторгаться Сахаровым или каким-то новым, дающим право думать, что не все еще у нас сгнило...

А вдруг? А вдруг все будет иначе? И настанут времена... Давайте же помечтаем об этих временах. Ведь мы народ романтиков, мечтателей, об этом все газеты пишут.

МЕЧТА № 1

Берлин. Потсдаммерплатц. Под стеклянным колпаком нечто серое с колючей проволокой.

Экскурсовод: — Перед вами остатки того, что называлось когда-то Стеной позора. Сейчас ее нет, но кусок ее, как некое напоминание и предостережение, решено сохранить, законсервировать. А теперь прошу в автобусы. Отправимся в здание бывшего ЦК СЕПГ. Там сейчас выставка «Сталин и Гитлер, искусство одной эпохи».

МЕЧТА № 2
Пленум Центрального Комитета КПСС
Информационное сообщение

22 июня 198... года в Москве, в Большом Кремлевском дворце, состоялся Пленум ЦК КПСС. С докладом «О выполнении и перевыполнении всех намеченных планов» выступил, встреченный овацией, Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. ...

Постановили:

Заслушав доклад Генерального секретаря ЦК КПСС о выполнении и перевыполнении всех планов, признать линию партии правильной, учитывая сложившуюся ситуацию — выполнять больше нечего, все выполнено,— считать существование Коммунистической партии нецелесообразным и нерентабельным, а потому распустить ее.

Москва, Кремль, 22 июня 198... г.

МЕЧТА № 3 вырисовывалась как всенародное ликование после опубликования Информационного сообщения, но, поскольку в этот день упились все, и автор в том числе, восстановить картину невозможно.

Публикация А. ПАРНИСА

О'КЕЙ, КАМЧАТКА!

Марк ШТЕЙНБОК (фото автора)

«Открыт закрытый порт Владивосток...» — как бы предсказал Поэт. И Владивосток сегодня открыт. Но вот новость — открыт еще один закрытый порт. В Петропавловск-Камчатский пускают иностранцев!

Первой крупной иностранной делегацией были, как ни странно, спортсмены-инвалиды из Америки, Германии и Норвегии. Они прилетели соревноваться по горным лыжам и лыжным гонкам. Почему на Камчатку? Так уж получилось. Любительская лига горнолыжного спорта не нашла у нас в стране более спокойного и гостеприимного места. И столь интересного. Где еще можно было бы наблюдать выход наших атомных подводных лодок на боевое дежурство? А вот иностранцам это удалось во время прогулки по Авачинской бухте. И мне посчастливилось.

Еще не закончились на горе Морозной в Елизово первые в стране международные соревнования инвалидов, специальным рейсом из Аляски прилетела еще одна делегация. Поводом для этого визита была круглая дата — 250-летие выхода России к берегам Американского континента. Освоение русскими Аляски началось с экспедиции Витуса Беринга и Алексея Чирикова, совершенной в 1741 году из Авачинской бухты на кораблях «Св. Петр» и «Св. Павел». Сколь удачным было это предприятие, можно судить по многочисленным фамилиям наших соотечественников в названиях бухт, заливов и островов на Аляске. Один из прилетевших спецрейсом, алеут Джон Черепанофф, оказывается, и не подозревал, что его фамилия имеет русское происхождение.

Два года Фонд социальных нововведений Аляски «пробивал» эту поездку. До последнего момента не было уверенности, что она состоится. С нашей стороны возражал некий высокий военный чин, считая, что сотня американцев, свободно разгуливающих по Петропавловску,— это уж слишком.

«Удивительно, что мы здесь»,— сказал голубоглазый гигант Пол Фус, руководитель американской делегации, министр экономического развития Аляски, когда сошел с трапа самолета. Так, как будто он космонавт Нил Армстронг и прилетел на Луну. Позже он мне скажет, что его на Камчатке ничто не шокирует, он четыре раза был в Советском Союзе, и здесь даже лучше, чем в других местах.

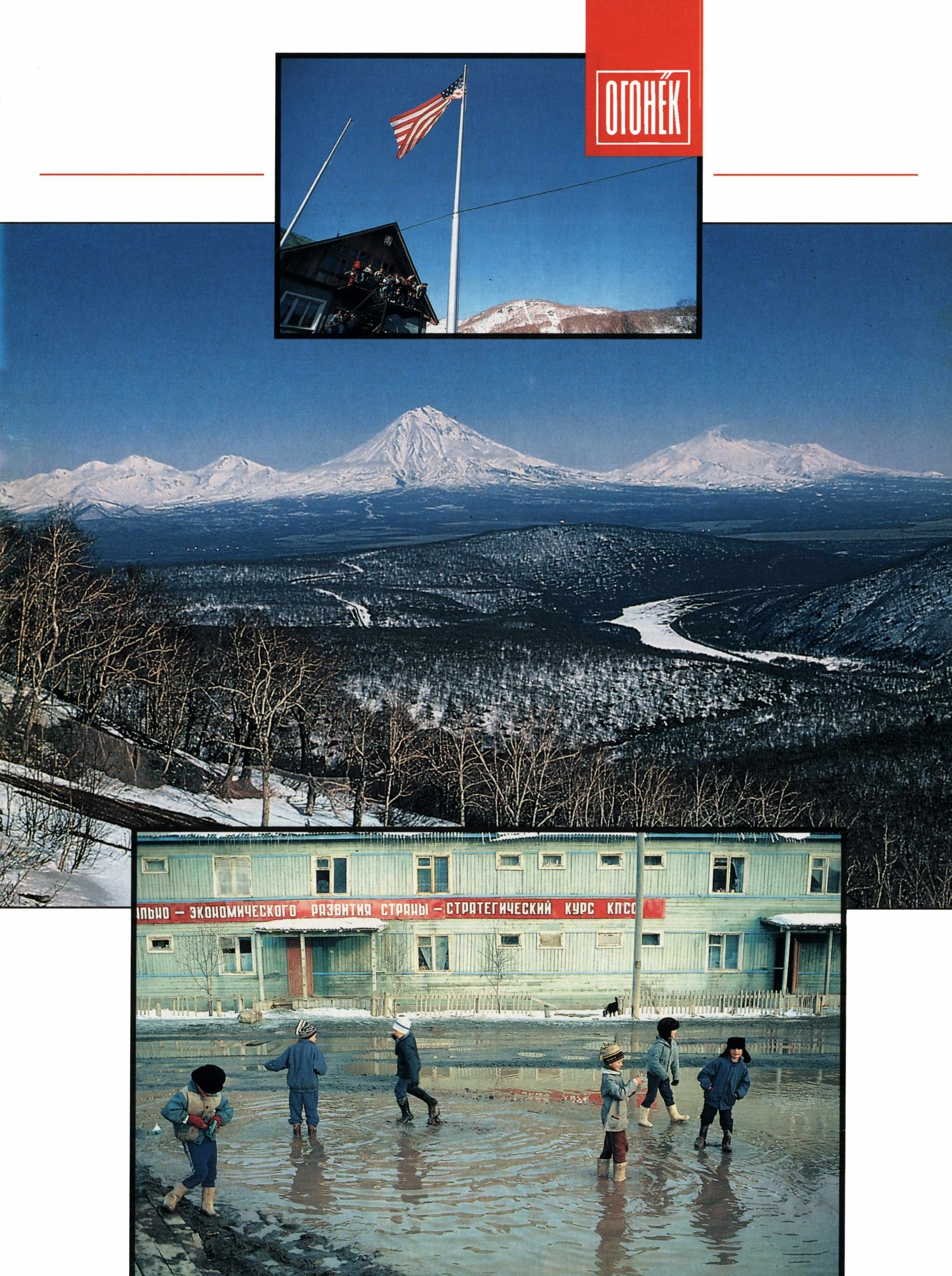
Народ прилетел самый разный: чиновники, бизнесмены, рыбаки, врачи, ученые, музыканты, студенты, домохозяйки с детьми. Их ждала обширная программа: посещение научных институтов, промышленных предприятий, учебных заведений, больниц детских садов, семейные обеды, прогулка по Авачинской бухте, облет вулканов, двухдневная вертолетная экскурсия по Камчатке с посещением заповедных мест, где гейзеры и горячие источники. Все было расписано по минутам, круглосуточно работал оргкомитет...

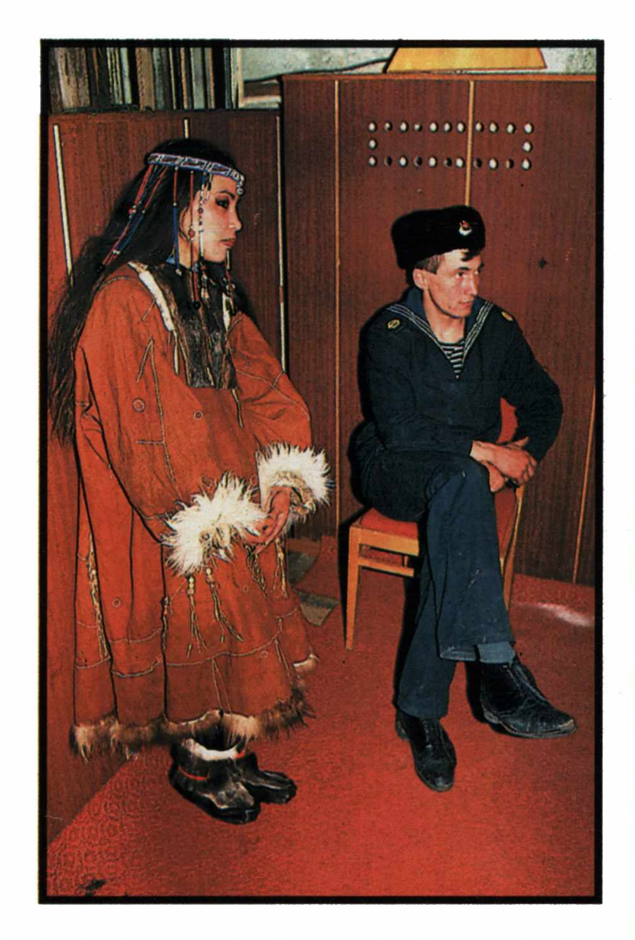
Летим на север, под вертолетом камчатский пейзаж. Смотрите, показывают им с воздуха, видите внизу лесоповал, этот гниющий невывезенный лес. Это бывшая зона, зеки работали, надо было их чем-то занимать. Полная откровенность и открытость. Но главное — гостеприимство.

Американцы нарасхват. За них сражаются по утрам в холле гостиницы «Авача». Организации и частные лица пытаются их заполучить, пригласить, накормить, напоить. Надо сказать, что гости едят и пьют с удовольствием и от горячего приема просто балдеют. Хозяева тоже взволнованы. Первый такой контакт, первые иностранцы у тебя в доме. В июле предполагается ответный визит на Аляску, что тоже стимулирует гостеприимство. В районном центре Эссо, где прием неожиданно оказался весьма сдержанным, американцы, посетившие урок математики, который проходил в классе военной подготовки, подарили местной школе микрокалькулятор и деньги на школьный праздник.

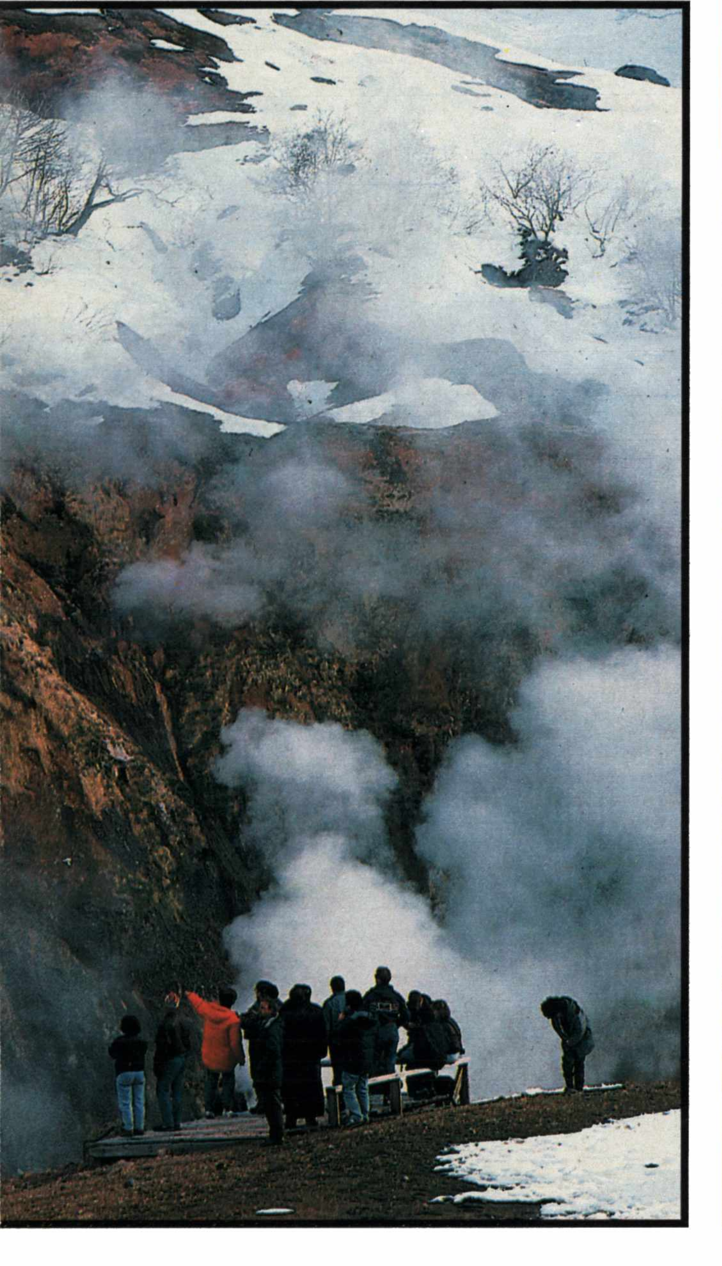
В общем, все о'кей. На заключительном вечере, где были подписаны договоры и соглашения, где были даны концерт и банкет, Пол Фус говорит, что у них только одна проблема: некоторые американцы отказываются уезжать с Камчатки. Хорошая шутка, смех в зале. Теперь, он надеется, всем ясна необходимость контактов между Камчаткой и Аляской. Море у нас одно, рыба одна, схожее коренное население: алеуты, ительмены, индейцы. Кстати, американские алеуты нашли своих родственников среди камчатских. Надо иметь возможность летать друг к другу, рыбакам свободно заходить в порты, надо объединиться и торговать рыбой на мировом рынке так, чтобы японцы не использовали нас как конкурентов, надо иметь совместные службы спасения на водах, ликвидации нефтяных разливов, предупреждения цунами, оказания экстренной медицинской помощи, надо развивать совместный туризм, охоту...

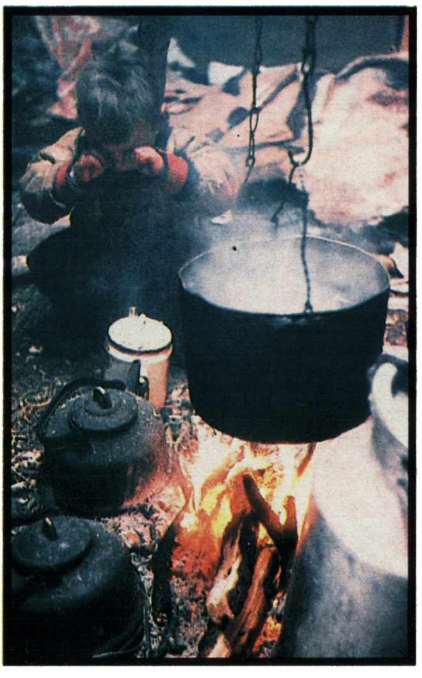
Для начала хорошо бы, говорит Пол Фус, наладить надежную телефонную связь между Камчаткой и Аляской. Пока еще трудно дозвониться, трудно послать факс. Но он надеется на лучшее, он оптимист, этот Пол Фус.

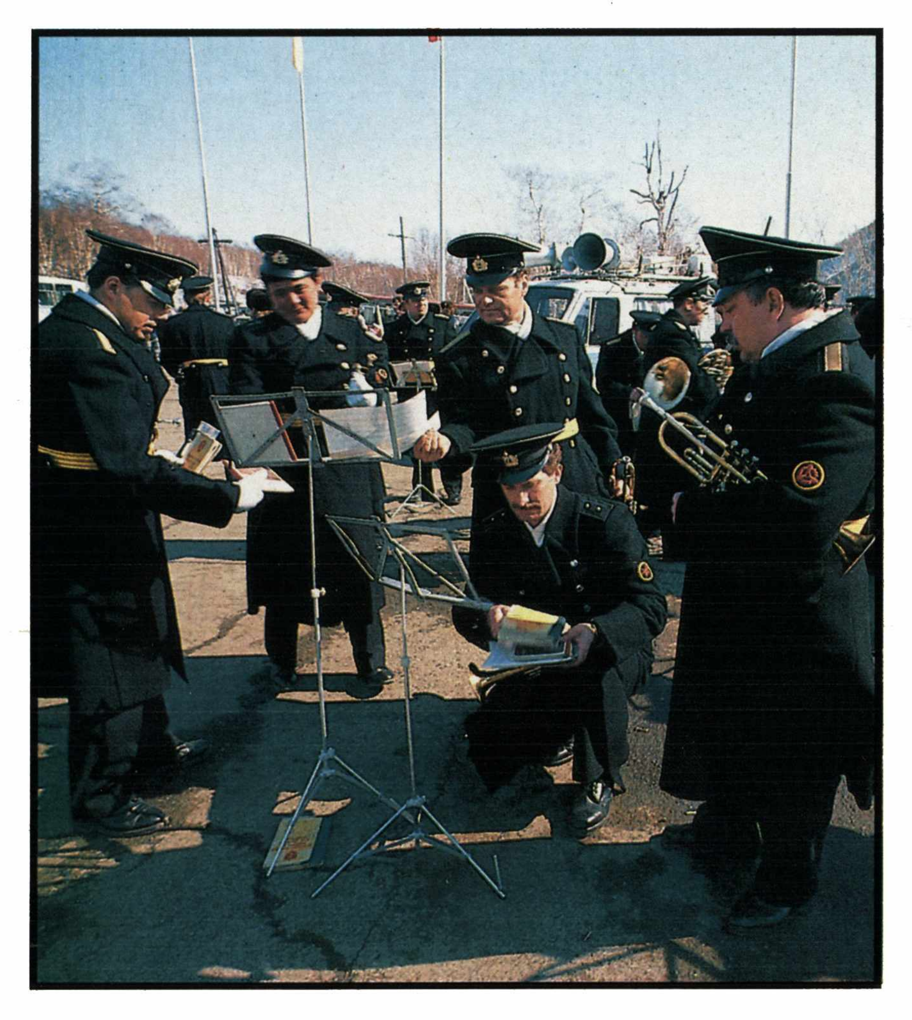

ОГОНЁК
ЛЬНО — ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ — СТРАТЕГИЧЕСКИЙ КУРС КПСС



США

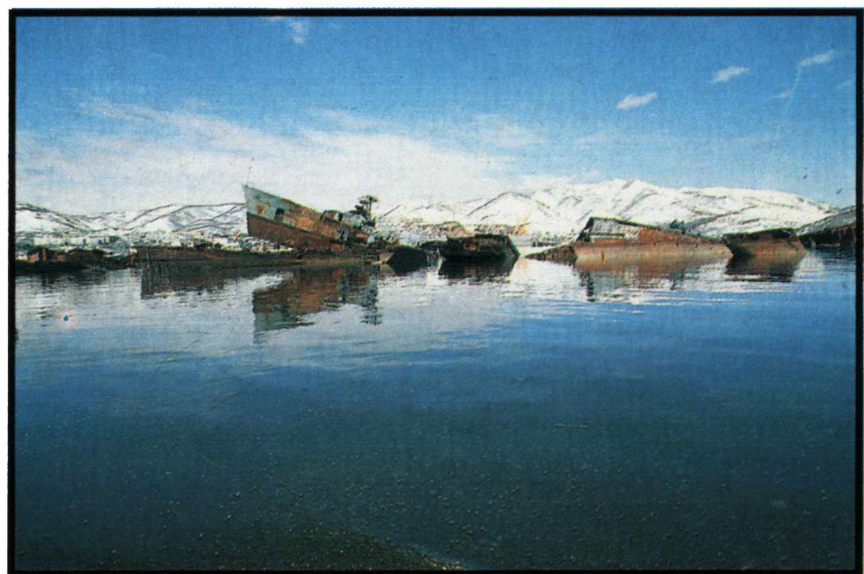






День приезда и день отъезда американцев из Петропавловска изменчивая камчатская погода отметила пургой и штормовым ветром. «Весна, как у нас в Анкоридже»,— удивлялись гости. Для принимающей стороны эти дни были самыми напряженными. В конце концов все уладилось. Самолеты Аэрофлота, оказалось, если надо, летают и в такую погоду.

Итак, Камчатка открыта. Камчатка — открыта?..



ОГОНЁК

ВСЛЕД

СКВОЗЬ ПЕЛЕНУ ВРЕМЕН

«...Чугуев давно уже славился своими мастерами. И хозяева работ нанимали здесь живописцев, позолотчиков, резчиков и столяров. Все эти мастера были побочные дети казенного «Делового двора», учрежденного аракчеевщиной в украинском военном поселении, все были его выученики.

В Осиновке у нас великолепно расписана церковь огромными картинами. Все это копии с фресок Исаакиевского собора, исполненные очень талантливыми местными мастерами-живописцами.

...Картины их работы до сих пор заставляют меня удивляться, как свежа, жизненна и светла даже и посейчас остается эта незаурядная живопись!»

Так вспоминал о своей юности, проведенной в Чугуеве, замечательный русский художник Илья Ефимович Репин в автобиографической книге «Далекое-близкое».

Лучшим среди чугуевских живописцев мальчик Илья Репин признал Ивана Михайловича Бунакова, к которому и пошел учиться. И отец, и дядя И. М. Бунакова были живописцами-самоучками старой школы. Многим обязан Репин своему первому учителю. В его доме по вырезкам из столичных журналов Илья познакомился с работами Рембрандта. Через полтора года учения у Бунакова мальчик написал по заказу миниатюрный образ Святого Симеона, вызвавший интерес всей округи.

При поступлении в Академию художеств Репин среди прочих работ показал конференц-секретарю Львову ныне утраченный маленький портрет Ивана Михайловича. И потом неоднократно на протяжении своей долгой жизни Репин вспоминал И. М. Бунакова, его семью и мастерскую. Его записки — единственный пока источник наших сведений о самобытном чугуевском мастере.

Известно, что Бунаковы возобновляли иконостас в не сохранившейся ныне Малиновской церкви. А вот о внешности Ивана Михайловича мы знаем лишь по словам Репина — что в 40 лет он был похож на Льва Толстого. И еще репинские строки: «...Иван Михайлович Бунаков, без всякого официального звания художника, был превосходный художник-живописец, равный Гольбейну... Портретов И. М. Бунакова было много, но их уже трудно отыскать где-нибудь».

Иван Михайлович был действительно Мастер. В этом нас убеждают немногие известные портреты, например, чугуевской мещанки З. Ф. Шаверневой из собрания Харьковского художественного музея.

И потому новая находка еще одной работы И. М. Бунакова, воспроизведенной на вкладке «Огонька»,— большая удача. Мне было известно, что после Великой Отечественной войны московский писатель В. Москвинов по заданию академика И. Грабаря разыскивал работы чугуевских мастеров. В Харькове он видел интересный женский портрет кисти И. М. Бунакова, но тогда, видимо, не удалось получить работу или сделать с нее репродукцию.

Пришлось начинать все сначала. Прежде всего через чугуевских старожилов надо было установить местонахождение дома Поспеевых, у чьих потомков видели портрет. Он сохранился, но там жили уже совсем другие люди, ничего не знающие о прежних хозяевах. Наконец выяснилось, что родственники Поспеевых живы и находятся где-то в Харькове. Еще немало времени ушло на то, чтобы определить примерный район проживания этих людей в Харькове. Фамилии и адреса никто не знал. Началась последняя и самая трудная часть поиска. Надо было вслепую прочесать изрядный кусок города.

И вот так долго разыскиваемый портрет найден. Много лет он простоял на полу в дальней и малопосещаемой комнате большого частного дома. Старинная групповая фотография, сохранившаяся в семье потомков, подтвердила, что на портрете изображена Евдокия Петровна Поспеева.

Красавицей ее не назовешь. Простое юное лицо, обращенное к зрителю. Внимательные, чуть грустные глаза, высокий чистый лоб. Плотно сжатые губы и сложенные немного неловко и поспешно руки наводят на мысль о скрытности, о непривычности к позированию. Не верится, что обеспеченная молодая купчиха счастлива. Ведь если убрать все яркое и красочное на портрете — цветы, заплетенные в волосы, платок,— останется милый, но и сумрачно-печальный женский образ. В чем же дело?

Может навести на догадки парный мужской портрет, найденный вместе с женским. На нем изображен мужчина малозапоминающейся внешности, лет на 20 старше Евдокии Петровны, вероятно, ее муж. Пожалуй, Евдокия Петровна не была счастлива...

Не все гладко и в судьбе самого портрета. После многих десятилетий «подпольной» жизни и после двух лет моих поисков произошла курьезная история. Не успел я перевести дух от робости и оторвать взор от прекрасного портрета на полу, как малыш — внук хозяев, играя и желая привлечь к себе внимание взрослых, стремительно прыгнул вперед. Холст треснул, и портрет, сохранявшийся столько лет, получил травму, слава Богу, легко устранимую.

После реставрации портрет Е. П. Поспеевой займет место в экспозиции Харьковского художественного музея, приобретшего эту замечательную и редкую работу учителя Репина.

Валерий БЕРЛИН

СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ

КАК ЦЕНЗОР «МАСТЕРА» СПАСАЛ,

или единственный способ остаться в истории

Воспоминания очевидцев драгоценны для историков отсутствием в них доказательств, что позволяет этим историкам трактовать их широко и вольно, подвергать сомнению, проверять показаниями других очевидцев и ушеслышцев и лепить из этого версию (это если историк скромен) или истину (если это советский историк). Поэтому историков бывает намного больше, чем очевидцев.

У моего рассказа, с точки зрения будущих историков, это главное достоинство имеется — доказать в нем я ничего не могу, хоть относится он к временам сравнительно недавним. Так уж приключилось, что в живых из героев нет никого, свидетель один — я, а вещественные доказательства хотя и имеются, но эфемерны и ненадежны.

Вынужден представить своих родителей, поскольку из дальнейшего следует, что рассказываемое есть неотъемлемая часть моей семейной истории. Именно семейной истории, а не истории семьи, так как семьи Симонов — Ласкина не существовало с 40-го года.

Итак, мой отец, писатель Константин Михайлович Симонов, был в описываемую пору председателем комиссии по литературному наследию Михаила Афанасьевича Булгакова, а моя мать, Евгения Самойловна Ласкина, состояла на службе в журнале «Москва», главным редактором которого был Е. А. Поповкин, специально для того выписанный из Крыма, где он создал к тому времени эпопею «Семья Рубанюк» и тем самым перерос масштабы полуострова и, естественно, нуждался в руководящей должности в столице.

В Москве такого ранга писателей уже не хватало, и Поповкина вызвали для укрепления социалистических твердынь. Почему именно он возглавил журнал с гордым словом «Москва» прописью на обложке — мне неизвестно. Но из дальнейшего рассказа, надеюсь, вы убедитесь, что, несмотря на ироничность тона, коим это изложено, жизнь доказала разумность, а главное, своевременность такой акции.

Евгения Самойловна Ласкина вообще-то заведовала отделом поэзии в этом журнале с момента его основания в 1957 году, но в связи с тем, что в процентной квоте евреев в редакции журнала был некоторый перебор, то в тайне от Владимира Луговского, который ее на это место пригласил, первый редактор журнала Николай Атаров взял ее на договор, а не в штат.

— Женя, вы же понимаете?!

Еще бы Женя не понимала! Она с пятидесятого года семь лет подряд это понимала, с той самой минуты, как будущий вождь отечественного Гостелерадио товарищ Лапин уволил ее из литературно-драматической редакции радиокомитета: в связи с хромотой по пятому пункту.

Так она стала трудиться по договору на ниве родной поэзии. Невзирая на свою принадлежность к широко распространенному в советской литературе русскоязычному меньшинству, печатала в журнале Шаламова и Евтушенко, Вознесенского и Ахмадулину, Самойлова, Межирова и многих других, в том числе и Станислава Куняева, который уже тогда знал, что «добро должно быть с кулаками», но само понятие добра трактовал еще не столь узконационально, как в более поздние годы.

Но пришло время, и Атарова сняли. Вопрос с процентной нормой к тому времени продолжал стоять нерушимо, как союз республик свободных, то есть его по-прежнему как бы и не было. Перед уходом Атаров, чувствуя себя ответственным за судьбу своей договорной сотрудницы, перевел ее в штат. Но поскольку в штате отдела поэзии единиц не было, то оформили ее на должность сотрудника отдела прозы, где она, впрочем, продолжала выполнять свои поэтические обязанности.

Новая крымская метла, разумеется, была не в курсе всех нюансов баланса между должностями и евреями, а потому и потребовала, чтобы каждый выполнял обязанности согласно штатному расписанию.

Так с поэзией Евгении Самойловне пришлось временно распрощаться и перенести свои труды на ниву российской прозы.

Итак, сотрудница отдела прозы журнала «Москва» Е. С. Ласкина пришла к известному писателю К. М. Симонову, чтобы посоветоваться. Я там не был, но разговор, тогда и позднее пересказанный обеими договаривающимися сторонами, попробую здесь воспроизвести.

— Костя, Поповкин хочет поднять тираж журнала. Нужна ударная проза. Не можешь ли ты что-нибудь посоветовать?

— Женя, посоветовать я могу. Только вы все равно не напечатаете.

— Напечатаем. Переводная?

— Не напечатаете. Отечественная.

— Напечатаем. Тамошняя???

— Не напечатаете, хотя и тутошняя.

— Спорим, напечатаем!

— Спорим, не напечатаете!

Вот так в результате пари, заключенного между моими родителями, в нашем доме появилась довольно толстая папка с красными завязками.

Не могу сказать, что мать читала рукопись ночами и под подушкой, но договоренность была такова, что даже в собственном доме она об этом романе не проговорилась ни словом, ни полсловом.

Второй разговор состоялся двумя днями позже.

— Ну что, я говорил — не напечатаете?

— Напечатаем. Не знаю как, но напечатаем. Я даю его Поповкину.

— Но — на тех же условиях, Женя: только он один — вне редакции и под честное слово, что первый разговор после прочтения — с тобой.

Вряд ли родители играли в конспирацию специально. В 67-м году это был общепринятый ритуал чтения того, что не всем положено, а к тому же, как я теперь понимаю, тут была задействована «под напряжением» охранительная система вокруг романа, введенная покойной ныне, а тогда очень живой, очаровательной, но железно целенаправленной Еленой Сергеевной Булгаковой, у которой под честное слово взял экземпляр романа председатель комиссии по литнаследству.

Чего не знаю — того не знаю, но не удивлюсь, если б оказалось, что он и сам получил роман для чтения домой только по причине своего человеческого и мужского обаяния, а не по должности председателя. Начальникам Елена Сергеевна не доверяла никогда.

Итак, мать принесла роман Поповкину. Что она ему сказала при этом — не знаю, но условия поставила те самые, железные, и Поповкин уехал на уик-энд на дачу, которую выдающимся писателям давали вместе с должностью.

Мать ждала. Ждал отец. Ждала и Елена Сергеевна. Я не разделял тогда их волнений, ибо романа, как уже говорилось, еще не читал, но в свете более позднего своего опыта (в конце концов я же предупреждал, что рассказываю то, что помню, а частично и то, что помню только я) позволю себе одно лирическое отступление. Тем более для построения сюжета оно тут в самый раз. Вы же не знаете, что решил Поповкин? Вот и помучайтесь пока в догадках. Вас же тоже волнует судьба романа!

— А чего, собственно, было ждать и нервничать? — спросит читатель, и если он молод, простим ему.

Отсюда, из 91-го года, это действительно кажется ерундой, бессмыслицей. А тогда? Судьба романа Василия Гроссмана, проследовавшего в госбезопасность прямо от главного редактора «Знамени» Вадима Кожевникова, романа, конфискованного и уничтоженного, почти через четверть века подтвердившего своей судьбой бессмертное «рукописи не горят», была свежа в памяти всех участников и свидетелей этого дела. А судьбы других книг? А судьбы других рукописей, переходивших в самиздат, потом в тамиздат, а потом вынуждавших авторов отрекаться или следовать за своими детищами или уходить в диссидентство, в противостояние? А ответственность за судьбу книги, значение которой они — не глупее нас с вами — поняли с первого чтения? А судьба Елены Сергеевны, которую когда-то Смеляков назвал «образцовой вдовой писателя», судьба, которую она сама беззаветно связала с судьбой романа?

Нет, там было о чем подумать в эти два выходных дня, было от чего потерять невосполнимые нервные клетки.

В понедельник Поповкин приехал в журнальное присутствие. Какие-то мелкие дела ненадолго оттянули главное событие дня. Редактор Ласкина была вызвана в кабинет. Поповкин отпустил секретаршу, закрыл на замок дверь кабинета. Я бы сказал, что он опустил даже шторы, и это не было бы явным перебором, но боюсь бросить тень на материнскую репутацию.

И, сев за стол, произнес фразу, выношенную со вчерашней ночи, фразу, достойную того, чтоб войти в число исторических, как фразы Наполеона, и не вошедшую туда только потому, что гениальность ее не в величии, а в осознании низости и уникальном сочетании этой низости с правдивостью.

Словом, Поповкин сказал:

— Мне очень страшно это печатать, но я понимаю, что напечатать роман для меня — единственный способ остаться в истории литературы.

Может быть, он сказал «войти в историю литературы»? Может быть, но тогда фраза звучала бы уж чересчур самоотреченно.

— Но как быть, Евгения Самойловна? Посоветуйте. Ведь напечатать это нельзя.

Тут надо сказать о дипломатических способностях моей мамы. Самые чудовищные коммунальные соседки, готовые плюнуть в чужой суп, становились агнцами в общении с ней. Я с детства знал, что мать может ужиться в одной клетке с тигром. Причем самое удивительное, что ее лично все это не унижало, а чаще всего, подозреваю, создавало в ней гордое самоощущение укротителя хищников.

Отец тоже был не из последних дипломатов, правда, в более высоких, «некоммунальных» сферах, почему и возникло нижеописанное разделение труда.

Были предприняты две параллельные дипломатические акции.

Отец отправился к Елене Сергеевне Булгаковой и сказал ей приблизительно вот что: «Главное, чтобы роман прорвался. Закройте глаза на любые цензурные изъятия, какими бы чудовищными они ни казались, лучше просто не читайте ни верстку, ни журнал. Я даю вам честное слово, что не пройдет и двух лет, как «Мастер» будет напечатан полностью от слова до слова. Но — при условии, что он прорвется в печать сейчас».

И Евгения Самойловна предложила Поповкину компромисс, но иного рода. Заместителем главного редактора был у Поповкина литератор из бывших цензоров, имевший большие и надежные связи и пользовавшийся авторитетом человека, никогда не отдававшего в печать чего-либо взывающего к цензурному красному карандашу.

Называть его имя я не буду. Если у кого есть интерес и терпение, выходные данные журнала «Москва» за 67-й год всегда к вашим услугам. Был этот человек похож именно на цензора: сухое лицо с сероватой пергаментной кожей, острый прямой нос, большие зеркальные, не пропускающие внутрь глаза и идеально отглаженные рубашки.

Почему я не хочу его называть? Потому что он — единственный в этой истории, кто не наложил на ход ее развития индивидуального отпечатка. Ему было сказано: «Сделать роман проходимым». Он сделал. Все. Интересно, не кто делал. Интересно, что казалось в 67-м году непроходимым цензору. Но об этом чуть позже.

Сейчас все смелые. И почти все находятся в заблуждении, что основная черта смелости — отсутствие дипломатии. Бешенство правды-матки — наиболее характерная черта сегодняшнего печатного слова. А уж дипломатичность ничем, кроме угодничества, не именуется и почитается низостью. Среди тех, кто обличает эту непростительную слабость, есть и мои ровесники — шестидесятники. И проявляют они при этом странную забывчивость: ведь все мы в те самые шестидесятые сохраняли способность что-то делать и говорить благодаря той или иной форме адаптации к среде, иначе говоря, дипломатии.

Мне кажется, что выход в свет «Мастера и Маргариты» оправдал глубокое унижение от необходимости лавировать и дипломатничать, которому с сегодняшней точки зрения подвергались мои родители. А с тогдашней точки зрения это был вызов фортуне, азарт надувательства и счастье надежды на успех, который, судя хотя бы по тому, что вы эту историю читаете впервые, не сулил им обоим личной славы и успеха.

Итак, Цензор сел с романом в наглухо запертом кабинете и свободно отдался естественной настороженности, классовому и ассоциативному чутью, слабым токам опасности и тревоги, а также артистическому перевоплощению в двух непременных читателей, в которых обязан был перевоплотиться каждый цензор: в читателя рядового и читателя начальственного. Я утверждаю, что в этом, несомненно, был актерский акт, ибо по природе своей Цензор стоял как раз посередине и крайности обязан был воспроизводить через жизнь двух человеческих духов.

Кто сейчас помнит этот самоотреченный, виртуозный, фантастический акт? Чего не было в первом «Мастере»? А ведь из этих изъятий можно было бы соорудить неслабый памятник нашему прошлому, в котором на одной из граней неприметным барельефом выступил бы и медальный профиль Цензора. Вы только вдумайтесь: ведь то, что он не сошел с ума, подобно немецкому цензору из баллады Самойлова,— это же чудо. Ведь с точки зрения цензуры в этом романе опасно все, каждое слово, каждый пассаж, характер, ситуация, глава. Он был почти как полицейский на симфоническом концерте, описанный в книге японского классика Акутагавы Рюноске «В стране водяных». Когда полицейский переставал понимать смысл исполняемой музыки, он свистел в свисток и закрывал концерт. Но по сравнению с нашим Цензором полицейский был счастливец и удачник. Он мог концерт закрыть. А нашему Цензору требовалось сделать все возможное, чтобы роман этот был напечатан!!!

Когда «Мастер и Маргарита» появился на свет Божий в № 11 за 1967-й и в № 1 за 1968 год (кстати, здесь не могу обнадежить историков и соврать: не помню, почему это произошло с разрывом в номер, только ли из-за подписки? Она кончалась тогда в декабре? Во всяком случае, не помню, чтоб в промежутке между ноябрем и январем были цензурные бои), мы с матерью решили такой памятник создать, пусть рукотворный, пусть только в трех экземплярах, но создать.

Итак, мы перепечатали, а затем вложили и вклеили в три двухномерных экземпляра все, что было оттуда изъято. Два номера открывались на каждом развороте, как два огромных бумажных ежа. Там были вклейки-слова и вклейки-фразы, вклейки-эпитеты и вклейки-абзацы, вклейки-метафоры и вклейки-страницы. И три больших многостраничных куска: «Сон Никанора Босого», половина «Бала у Сатаны» и «Разгром торгсина».

Я свидетель, а не историк, и право написать диссертацию «Причины сердечной аритмии у цензоров середины XX века» оставлю другим. Зато, помнится, мы с матерью немало позабавились, пытаясь уловить мотивы, по которым вылетело то или другое. Иногда они проглядывали явственно — мы ведь были его современниками. Иногда были обаятельные, виртуозно необъяснимые. Изредка — просты как мычание. Ну, скажем, чтоб не обидеть Александра Жарова, там, где Ивана Бездомного везет в психушку поэт Сашка Рюхин, из его обличающего бездарность рюхинской поэзии пассажа были изъяты слова: «...сличите с теми звучными стихами, которые он сочинил к первому числу! Хе-хе-хе (... «Взвейтесь!» да «развейтесь»)» — ну, напомню для молодых, которые в отличие от нас Булгакова к двадцати годам читали, а Жарова — нет, что знаменитая песня «Взвейтесь кострами, синие ночи, мы — пионеры, дети рабочих» принадлежала именно жаровскому перу.

Но таких понятных, приятно-прозрачных изъятий было немного, больше темных, необъяснимых, загадочных. А впрочем, чему удивляться, разве не в те же годы антагонист нашего Цензора написал: «Людей неинтересных в мире нет...»?

Первый экземпляр двухтомника-памятника мы по праву подарили отцу. Второй оставили себе, а судьба третьего позволяет мне закончить эту веселую и тоже по-своему булгаковскую историю маленьким семейным хэппи-эндом.

Пока выходили оба номера, пока мы с матерью «строили» свой памятник, предсказание, или, если хотите, обещание, данное отцом Елене Сергеевне, начало сбываться. Уже право перевода на итальянский было продано и велись отдельные переговоры о продаже права на перевод «отрывков, не вошедших в первое издание». И тут Елена Сергеевна пришла к нам с мамой. Происходило это на Арбате, в редакции, куда мать вызвала меня познакомить с Еленой Сергеевной. У этого визита был, как выяснилось, свой тайный умысел. Елене Сергеевне так понравился наш еж, которого на радостях от последних событий продемонстрировал ей отец, что она непременно захотела иметь такой же и пришла на поклон к его изготовителям. Мы готовы были ей отдать его немедленно. Но Елена Сергеевна принять подарок отказалась.

— У меня есть третий экземпляр романа, который я печатала после последней правки Михаила Афанасьевича. Вас устроил бы такой обмен?

Елена Сергеевна была женщина лукавая, была прообразом не только Маргариты, но и ведьмы, и потому за точность воспроизведения слов ее я более или менее отвечаю, а вот машинопись в музей порекомендовать побоюсь, вдруг они там проверят состав бумаги и единственное доказательство подлинности рассказанной здесь истории окажется несостоятельным?

Алексей СИМОНОВ

СОВМЕСТНОЕ СОВЕТСКО-ИСПАНСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ МЕДИЦИНСКИЙ ЦЕНТР

«АСПЕК»

БЕРЕТ НА СЕБЯ ЗАБОТУ О ВАШЕМ ЗДОРОВЬЕ!

«АСПЕК» — это самые современные методы диагностики, в том числе компьютерная томография и диагностика с использованием японской программы, вам поставят предварительный диагноз заболевания в течение 5—6 минут.

«АСПЕК» — это самые современные методы лечения — классические и нетрадиционные. Работают ведущие профессора Москвы.

«АСПЕК» — это обслуживание сотрудников предприятий (включая профилактические осмотры) с оплатой по безналичному расчету.

«АСПЕК» — это относительно УМЕРЕННАЯ ПЛАТА за предоставляемые услуги.

«АСПЕК» располагает комфортабельной многопрофильной больницей и санаториями на юге.

«АСПЕК» располагает детским отделением.

«АСПЕК» поможет вам стать более привлекательным: работают косметическое и стоматологическое отделения.

ВЗГЛЯНИТЕ НА СВОЕ ЗДОРОВЬЕ В НОВОМ АСПЕКТе!

Адреса: Ленинский пр., 20а.
Телефон: 234-61-11.
Ленинградское ш., 96, корп. 1.
Телефоны: 457-53-46; 457-82-09.
Детское отделение: ул. 10-летия Октября, 2 (м. «Спортивная»).
Телефон: 246-99-60.

Опубликовать небольшое объявление в «Бизнес-блокноте» в сжатые сроки в журнале «Огонек», а также в газетах «Московские новости», «Советская культура», «Торговая газета», «Куранты» вам поможет ТО «ЭСКАРТ». Звоните нам.

● **НОВАЯ БИРЖА!** Учреждение при содействии ТО «ЭСКАРТ». Уникальный принцип работы! Почти бесплатно — поиск продавца и покупателя для любых видов товаров, сырья и оборудования. Биржа осуществляет торговые операции. Телефоны: 285-77-09, 285-47-98, 356-93-52, 492-47-05, 356-54-12, 330-80-05, 356-95-05. Телефакс: (095) 200-32-25, Москва. Звонить с 10 до 16 часов. С частными лицами переговоры не ведутся.

● **ОРГАНИЗАЦИЯ КУПИТ** новые отечественные легковые АВТОМОБИЛИ на ваших условиях. Телефон: (095) 214-63-31.

● **НПО «АЛЬТЕРНАТИВА»** поставляет оргтехнику и периферию, настольные издательские комплексы зарубежных фирм, организует наладку и гарантийное обслуживание, обучение персонала. Оплата в рублях. Адрес: 129010, Москва, ул. Гиляровского, д. 51. Телефоны: 971-62-36, 151-03-33.

● **ПРЕДЛАГАЕМ ЗАРУБЕЖНОЕ ВИДЕОЗНАКОМСТВО, ТРУДОУСТРОЙСТВО, РЕКЛАМУ,** внедрение изобретений, публикацию рукописей, организацию выставок-продаж произведений искусства, обмен, куплю-продажу, аренду, сдачу, увеличение, уменьшение жилплощади в любом городе. 103031, Москва, а/я 814, телефоны: 292-70-00, 203-89-31.

● **МГП «КВАРТА»** предлагает электронные цифровые ПИРОМЕТРЫ серии «Гефест» для дистанционного бесконтактного измерения температуры при прокате, термообработке, сварке, литье, напылении, плавлении. Диапазон температур: 80°...3200°С. 115409, Москва, Каширское шоссе, 31, корп. 44-А. Телефон: 342-75-02.

● **КООПЕРАТИВ ВТС** (контактные телефоны: 445-79-92, 272-18-95) ДЛЯ КОМПЬЮТЕРОВ ТИПА IBM PC поставляет оборудование, устанавливает локальные сети, русифицирует знакогенераторы принтеров. Предлагает оригинальные программные средства: справочники программистов; распознавание текста, снятого сканнером; англо-русские словари.

● **ГОСУДАРСТВЕННОЕ МАЛОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ «ДАР» РЕАЛИЗУЕТ:** персональные компьютеры АТ 286 (американская сборка); дискеты 5,25" — 1,2 МБ; видеотехнику (производство Японии). Предприятие воспользуется услугами посредников в купле и продаже техники, а также в аренде помещения под офис. Телефон: 181-05-42.

● **КОММЕРЧЕСКАЯ СТРАХОВАЯ ФИРМА «АДРИАТИК» СОЦПРОФ СССР** предлагает организациям, предприятиям, частным лицам страхование перевозимых по стране грузов с обеспечением сервисных услуг (автоперевозка, авиаперевозка) и иные виды имущественного страхования. Телефон: 256-56-74.

● **СИНГАПУРСКАЯ ФИРМА** «Кингсбрайт Энтерпрайз» предлагает предприятиям, имеющим СКВ, широкий ассортимент одежды и обуви. Возможны сделки за рубли. Телефон московского представительства: 208-31-58. Вас удивит высокое качество товаров при их доступной цене!

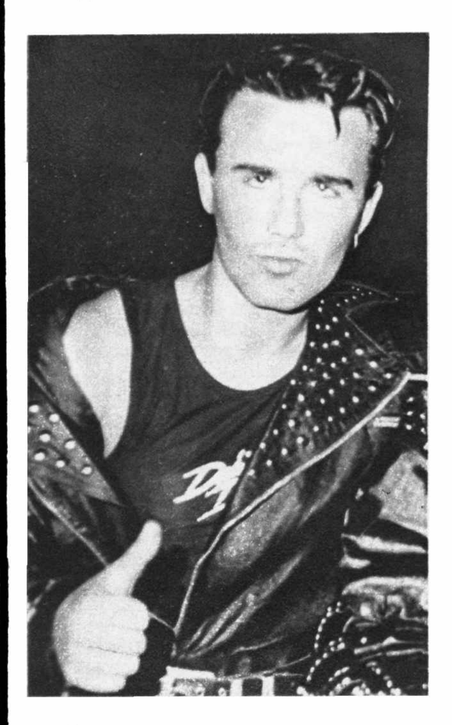
● **ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОДАЕТ** телефаксы, ксероксы, компьютеры PC AT и AT-386. Только «живой» товар с оплатой «по факту». Проводятся предпродажная демонстрация, консультации и обучение персонала. Телефон в Москве: 125-76-54. Телефакс: 125-87-59.

● **БРОКЕРСКАЯ КОНТОРА № 472 РТСБ** г. Москвы поможет реализовать вашу продукцию либо приобрести для вас необходимые товары, сырье и материалы на максимально выгодных условиях. Возможны бартерные сделки. Телефоны: 196-55-06, 196-55-05, 196-55-02. Телетайп: 207577.

ГУД-БАЙ, «КАР-МЭН»!

...У них все складывалось на редкость удачно. Их песни нравились тем, кому были предназначены. Хорошо сложенные, симпатичные, здорово танцующие, в крутых куртках и ковбойских сапогах, они нравились девочкам, продюсерам и прессе — совсем недавно «Собеседник» писал о том, как у них все здорово.

Дуэт перестал существовать, как говорится, в расцвете. Теперь Сергей Лемох-Огурцов продолжает под прежней вывеской зарабатывать деньги под старые фонограммы, а Богдан Титомир озабочен реализацией собственного проекта. Когда-то он просчитал конъюнктуру и создал дуэт «Кар-Мэн», теперь конъюнктура другая, и, если хочешь остаться популярным, надо что-то придумывать. И он придумал. Амплуа Богдан выбрал себе для наших широт редкое: он намерен вылепить из себя образ советского секс-идола и посредством песен и танцев объяснять подросткам, как избавиться от различных сексуальных проблем. В качестве иллюстрации Богдан сплясал на эту тему перед корреспондентом «Светской хроники», который, не будучи подростком, все же сделал для себя определенные выводы.



БЕЗ НЕЦЕНЗУРЩИНЫ

Видимо, от изобилия свободного времени житель Москвы Владимир Николаевич Тоцкий год назад начал коллекционировать надписи на стенах московских туалетов. Сейчас его коллекция состоит примерно из пятидесяти слов и выражений — приличных! — типа: «Ленин везде с нами» или «Вот где начинаешь понимать, что значит правильно питаться». Подробно раскрывается в них тема государственной политики, экономики. Некоторые — в стихах. Наиболее остры высказывания, записанные в школьных туалетах,— смена растет достойная.

Коллекция собирается не без трудностей. Все больше и больше платных туалетов, которые, в свою очередь, становятся все дороже и дороже. Опять же для посещения туалетов надо хоть как-то питаться. Так что, возможно, скоро коллекционеру понадобятся спонсоры.

СЛЕДСТВИЕ ВЕДУТ ЗНА...

Знаменский, Томин, Кибрит — тройка «Знатоков» из суперсериала Лавровых — в последнее время что-то затихли. Выпустив около трех лет назад последний фильм «Мафия», супруги Лавровы больше ничем не радуют зрителей, и зрителям остается только гадать, как дела у их любимцев, так по-домашнему, неспешно и привычно ведущих у нас на глазах свой многолетний «незримый бой». Порадовать зрителей нечем — даже если авторы подыщут для своих героев новое «дело», расследовать его придется уже не «Знатокам». Майор Томин (в миру — Леонид Каневский), устав нести бессменную службу дни и ночи, недавно отбыл на постоянное жительство в государство Израиль. Неужели в случае продолжения истории «Знатоков» симпатичному Томину придется геройски погибнуть от руки какого-нибудь мафиози? И как же тогда быть с названием?..

ЕЩЕ ОДИН УЧЕБНИК ЖИЗНИ

Отец «Интердевочки» Владимир Кунин продал свое дитя в полтора десятка стран. Это дало ему возможность жить и работать в Мюнхене, а на Родину приезжать в творческие командировки, черпать новые впечатления из нашей каши. Верный принципу всех советских писателей — отправляться за впечатлениями в глубинку,— Кунин продолжает это делать, но место старта сильно сместилось на запад.

Владимир Кунин сочинил блестящий сценарий «Иванов и Рабинович, или Ай гоу ту Хайфа!..». Очень лихой и смешной. А совместное советско-шведско-германское предприятие «РЕТУР» выпустило сей сценарий отдельной книжкой и устроило презентацию с икрой, шампанским, коньяком и фруктами, где Владимир Кунин подписал несколько книжек особенно приятным гостям, в числе коих были кинематографисты, главные редакторы и посольские дамы.

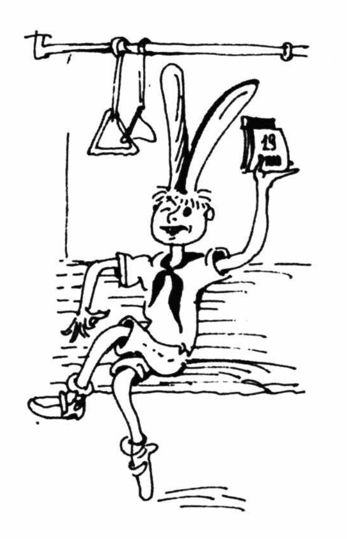
Книжка «Иванов и Рабинович...» — о верной дружбе чистокровного русского по имени Вася Рабинович и стопроцентного еврея Арона Иванова. Щуплому умнице Васе Иванову не давали работы в магазине за склонность к махинациям и хищениям. А здоровенного Арона Рабиновича никуда не брали даже молотобойцем. Выйдя из тюрьмы, каждый женился на сестре друга, взяв фамилию жены, и все наладилось.

Тем, кто склонен считать заметки «Светской хроники» рекламой, мы должны сообщить, что книжка бесценна для подростков. Прочитав ее, они наконец научатся писать неприличные слова. Стены ваших подъездов и лифтов не станут чище, но надписи будут грамотные.

Красный уголок

БЛИЗИТСЯ ЭРА СВЕТЛЫХ ГОДОВ

Необычный подарок получили в День рождения пионерской организации юные ленинцы Астрахани. Местные власти торжественно разрешили юным помощникам партии бесплатный проезд в городском транспорте,— прямо как персональным пенсионерам. Правда, всего на один день, но, как говорится, дорог не подарок, дорого внимание.



СУЛТАНУ НЕ ТЯГАТЬСЯ С АЛЕКСОМ

«Большинство американских женщин пытаются совместить карьеру, губную помаду и замужество,— сказала корреспонденту газеты «Индепендент» Элизабет Джозеф, адвокат из маленького американского городка Биг Уотер,— и это у них получается плохо... В многоженстве есть все, что нужно. Никогда не волнуешься о том, кто сидит с детьми, можно быть полностью профессионалом и полностью женщиной...»

В общем-то Элизабет виднее. Она — одна из восьми жен Алекса Джозефа. Остальные жены тоже не чувствуют себя обделенными: одна — дизайнер, одна — гид, несколько работают в ресторане. А Диане, первой жене, все остальные платят за то, что она присматривает за детьми.

Полигамия, то есть многоженство, существовала здесь, в штате Юта, на протяжении многих поколений, но официально признана только в этом году. Осторожный муж, Алекс ни на ком из своих жен не женат официально — он ограничился тем, что с каждой женой составил брачный контракт. Первую жену он завел в 1975 году, последнюю — 3 года назад. «Не уходят — значит, все устраивает»,— пришел к выводу Алекс Джозеф. И, надо сказать, общественность Биг Уотер не торопится его осуждать. Наоборот, 54-летний Алекс Джозеф дважды избирался мэром Биг Уотер. Он очень доволен своей семьей, но в чем-то считает себя слегка обделенным: «Моя жизнь скучна, как игра в шахматы. Я не имею дела с женщинами, на которых не женат...»

ТАК ПОБЕДИМ!

Почему председателю днепропетровского Комитета солидарных профсоюзов Украины Вадиму Павловичу Жижину пришло в голову проверить на радиоактивность стелу со словами «Победа коммунизма неизбежна!», стоящую неподалеку от здания обкома в Днепропетровске, он и сам толком не знает. Однако результат заставил его вздрогнуть: цитата излучала не только оптимизм, но и в прямом смысле слова убийственную энергию — стрелка прибора показала около 220 микрорентген... Работники обкома эвакуироваться отказались и остались на боевом посту.

КУДА ИДЕМ МЫ С ПЯТАЧКОМ

Мы действительно откроем вам секрет. Мало того, что Евгений Леонов — известный актер, Винни-Пух, любимец публики. Он еще и коллекционер. Евгений Леонов собирает картины. Как стало известно, недавно он приобрел еще одну. Стоимость покупки — 18 тысяч. Правда, владельцы хотели больше. Но Евгений Павлович сделал лицо, как Доцент в «Джентльменах удачи», и хозяева отпали. Уступили.

ОПЯТЬ АЗИЗА...

Глядя на более чем раскованное поведение на сцене восточной красавицы Азизы, мало кто мог бы предположить, что она очень религиозна. Это выяснилось во время конкурса «Мисс Пресса-91», на теплоходе «Грузия», где в числе других музыкантов была и Азиза. Во время остановки теплохода в Турции Азиза прямиком направилась в мечеть, чтобы совершить намаз. Прерывать обряд она не захотела, несмотря на то, что теплоходу пора было отчаливать. В результате теплоход опоздал с отходом на пятнадцать минут. Если бы моление продлилось еще немного, это грозило бы колоссальным валютным штрафом нашему пароходству. К счастью, на этот раз обошлось...

ЧЕКИСТЫ КОПАЮТ ДАЛЬШЕ

В бывшем Рождественском монастыре города Владимира размещается сейчас управление КГБ. Об этом, естественно, не мог знать монах, более пятисот лет назад закопавший здесь глиняную кубышку с серебряными монетами.

На днях 266 монет, чеканенных еще при князе Василии Темном, поступили во Владимиро-Суздальский музей-заповедник.

Чекисты продолжают раскопки.

НЕ РОДИСЬ КРАСИВОЙ...

— поняла Светлана Бандурина, став победительницей ленинградского конкурса «Мисс Белая ночь». Директриса педучилища №5, где училась Светлана, узнав о том, что ее воспитанница приняла участие в столь сомнительном мероприятии, была вне себя от гнева. Не смогли пережить такого позора и остальные педагоги. Поэтому Светлане пришлось покинуть педучилище и продолжить образование в таллиннской школе фотомоделей «Андрэй Модэлс».

Однако невезуха продолжала преследовать Светлану: «позор» ее достиг международных масштабов — ее взяли на работу в международное агентство в Афинах.

КТО ПОД КРАСНЫМ ЗНАМЕНЕМ?

В Ростове-на-Дону отмечено резкое повышение спроса на государственные флаги СССР и союзных республик. Особенно популярен комплект флагов 15 союзных республик, изготовленных из нейлона. По словам продавцов, из полотнищ флагов изготавливаются сумки и женская одежда. По другим сведениям, флаги очень хороши для пошива нижнего белья. Ажиотажному спросу способствует дешевизна флагов: например, Государственный флаг СССР из очень хорошего штапеля стоит всего 2 рубля 90 копеек. О популярности этого вида швейных изделий свидетельствует то обстоятельство, что в канун 9 Мая в разных городах страны были совершены попытки (несколько удачных) хищения подготовленных для развешивания красных флагов.

Наша марка

ЛИСТОВКИ В АССОРТИМЕНТЕ

Широкий ассортимент услуг предлагают всем желающим руководители Солонянского райкома Компартии Украины. По ценам, как утверждают, значительно ниже рыночных заинтересованным лицам предлагается: обучение партийного актива, чтение лекций, разработка политдней, изготовление листовок и лозунгов, а также групповые и индивидуальные консультации для желающих укрепить партийные ряды в хозяйстве или на предприятии. Этот выгодный сервис пользуется популярностью в Солонянском районе. На расчетный счет райкома перечислено уже около 250 тысяч рублей.

Оптовым покупателям делается значительная скидка.

Вести с полей

ЗЕМЛЮ – ТЕМ, КТО ЕЕ ОБРАБАТЫВАЕТ

С небывалым доселе подъемом и энтузиазмом приступили к посадке картофеля, лука, моркови и свеклы жители города Мариуполя Донецкой области. Весенне-полевые работы велись на взятом практически без боя центральном проспекте города, непосредственно у памятника В. И. Ленину. Местные власти решили не вмешиваться.

Рисунки Евгении ДВОСКИНОЙ. Фото Сергея МАСЛОВА

О ПОЛЬЗЕ ВЕЖЛИВОСТИ

Каждый год 15 апреля известный отечественный сатирик Михаил Беленький поздравляет с днем рождения вождя корейского народа Ким Ир Сена. Сатирик считает лучшим журналом в мире журнал «Корея». Свое восхищение М. Беленький выражает письменно, а на конверте пишет просто: КНДР, Ким Ир Сену. Недавно выяснилось, что письма доставляют по назначению,— совершенно неожиданно писатель получил бандероль из посольства Кореи в Москве. В посылке содержались картина с двумя павлинами и лаковая коробка с инкрустацией. В этом году М. Беленький снова поздравил вождя и рассчитывает на ответ — все-таки такое постоянство должно быть вознаграждено.

Выпуск подготовили Светлана Бавыкина и Юлия Сударенко. Им помогали Инна Вальковская, Ольга Литвякова, Ефим Лямпорт, Мария Русакова, Сергей Рыбаков, Александр Чернушкин.

В выпуске использованы материалы информационных агентств «Студинформо», «Евро-ИКС», газет «Гуманитарный фонд» и «Балтийское время».

Будем благодарны вам за информацию о сенсациях, интересных фактах и событиях. Ее можно сообщить по телефону: 212-23-07.

Григорий ВАЙНШТЕЙН,
доктор исторических наук

ОТЧУЖДЕНИЕ

ЧТО СПАСЕТ СОЮЗНУЮ ВЛАСТЬ

Недавно, рассуждая в телевизионном интервью о том, что он бы сделал иначе, если бы пришлось начинать перестройку сначала, Горбачев сказал, что больше всего сожалеет о слишком поспешном разрушении прежних механизмов функционирования экономики, поскольку оно опередило создание новых. Мне, однако, почему-то кажется, что, оставаясь наедине с самим собой, Михаил Сергеевич раскаивается прежде всего в другом — в той затее, которая на чудовищном новоязе перестройки получила название «активизация человеческого фактора». Да, в значительной мере ему действительно удалось его активизировать. И хотя часть масс так и не преодолела состояния пассивного созерцания окружающей жизни, в целом общество очнулось от сковывавшего его долгие годы молчания и бездействия. Однако совершенно неожиданным оказалось то, что, активизировавшись, «человеческий фактор» незаметно вышел из-под контроля, стал жить собственной, независимой от роли верхов жизнью. И в этом своем новом состоянии он не только сплошь и рядом ломает и перечеркивает задуманные на политическом уровне сценарии, но и все чаще требует к ответу самих драматургов.

КОГДА БЕДЫ — ПО КОЛЕНО

В свое время П. Чаадаев с грустью констатировал, что на каждой странице нашей отечественной истории ощущается «глубокое воздействие власти» и почти никогда в ней не встретить «проявлений общественной воли». В этом глухом противостоянии игнорирующей общественный интерес власти и безвольного, поддающегося ее давлению общества всегда заключалась трагедия нашей истории. В последние годы идет чрезвычайно важный для нашей нынешней и будущей жизни процесс: «общественная воля» настойчиво ищет возможности своего проявления, все чаще ограничивая свободу действий привыкшей к своей бесконтрольности и неоспориваемости власти.

В принципе процесс этот столь же естествен для становления и функционирования гражданского общества, сколь и плодотворен. Но в наших условиях он приобрел сегодня удивительно болезненные и острые формы, до чрезвычайности усиливая политическую напряженность в стране и усугубляя кризис институтов власти.

Как случилось, что отношения низов и верхов, выглядевшие столь теплыми в первые перестроечные годы, переродились в острейший конфликт? Как и почему массовая эйфория, возникшая вокруг политики преобразований и личности ее инициатора, сменилась возмущением, массовыми выступлениями протеста против курса союзного руководства и упорными забастовками трудящихся с требованием отставки Горбачева, руководителей правительства и роспуска недавно созданных органов власти? От любви до ненависти — один шаг?

Проще всего объяснить все неудачи перестройки отсутствием обещанных позитивных перемен, разочарованием людей в бесплодных посулах и их озлоблением неуклонным ухудшением жизни. В самом деле странно было бы предполагать, что рано или поздно общество не взорвется возмущенным криком в адрес властей, начинавших в 1985 году с обещания преодолеть «предкризисное состояние», а пришедших к тому, что их главной целью является, как говорит нынешний премьер, «обеспечение выживания» и предотвращение голода.

Есть, однако, и более глубинные причины нарастания массового недовольства. И связаны они не просто с печальными результатами политики властей, а скорее с характером ее проведения. Ведь возмущение масс вызывают сегодня отнюдь не цели, официально провозглашенные лидерами перестройки, а их нерешительность в достижении этих целей. В конце концов, для подавляющего большинства людей ясно, что перемены, в которых нуждается наше общество, не могут быть безболезненными. Все дело лишь в том, что пользы от этих перемен оказалось гораздо меньше, чем боли. Как гласит восточная пословица, пользы — по щиколотку, беды — по колено. Когда-то Ф. Тютчев писал о том, что взрывы социального недовольства происходят не тогда, когда в обществе безраздельно властвует зло, а когда власти, берясь за его исправление, оказываются неспособными к энергичным действиям. «Взрыв разражается по большей части при первой робкой попытке возврата к добру, при первом искреннем, быть может, но неуверенном и несмелом поползновении к необходимому исправлению». И сегодня мы видим, что именно эта проявлявшаяся на протяжении ряда последних лет инертность власти, неспособность к решительному искоренению ею же указанных пороков усилила напряженность в ее отношениях с массами.

Вместе с тем близкий в наши дни к крайней точке кипения конфликт между обществом и властью порожден не только инертностью осуществляемых сверху преобразований, не только провалом многих из них и неверием масс в способность лидеров вывести страну из кризиса, но и упорным нежеланием верхов услышать голос масс, понять их настроения, отреагировать на их требования. Конфликт низов и верхов многократно усугубляется тем, что власти видят причины его (как, впрочем, и причины кризиса в стране) не столько в нерешительности, неконструктивности и ошибочности своих действий, сколько в «ошибочности» поведения самих масс: в их нетерпении и нетерпимости, в нереалистичности и излишней радикальности их материальных и политических претензий.

КАК ПОЛЮБИТЬ ДЕМОКРАТИЮ?

Власти, правильно уловившие на заре перестройки необходимость активизации масс и немало сделавшие поначалу для возникновения некоторых элементов гражданского общества, по сути дела оказались не готовыми к его реальному существованию в качестве самостоятельного фактора общественной жизни. Весь прежний жизненный опыт «инициаторов перестройки» приучил их видеть в массах лишь некий вполне управляемый инструмент осуществления своих политических замыслов, и потому они с болезненным раздражением реагировали на каждое непрогнозируемое и неконтролируемое «сверху» проявление относительной самостоятельности общества.

Хорошо сказал один русский философ: «Чтобы созидать богатство, нужно любить его». То же самое впору, очевидно, сказать и о демократии. Однако очень немногие из тех, кто посвятил прежнюю жизнь служению тоталитарной системе, смогли изменить свое мировоззрение и оказаться действительно искренними в провозглашаемых сегодня своих симпатиях к демократии. Поэтому несомненные достижения перестройки — становление демократических институтов и подъем общественно-политической активности масс — все больше становились и своеобразным «проклятием» ее инициаторов, просто не предполагавших, что процесс этот приобретет столь нерегулируемый характер и что результаты его выйдут далеко за рамки задуманного сценария бодрого и единодушного включения общества в осуществление намеченных реформ.

В конце концов проблема не в самом возникновении конфликта низов и верхов. Бесконфликтными отношения между гражданским обществом и властью не бывают. Все дело в восприятии этой конфликтности, в формах и методах ее разрешения. Тоталитарные общества видят в ней угрозу существующей системе и разрешают ее с помощью подавления недовольных. Демократические — стремятся использовать ее для совершенствования системы и ищут разрешение на путях компромиссного социального согласия.

Переходность состояния нашего общества нашла свое выражение в том, что, отказавшись от свойственного тоталитарной системе подавления массового недовольства (навсегда ли?), власти так и не смогли преодолеть ощущения исходящей от этого недовольства угрозы. А потому и не сумели увидеть конструктивного начала в критическом настрое масс. В выражающих искреннюю озабоченность судьбами страны голосах своих критиков и криках возмущенного печальными плодами перестройки народа власти не смогли услышать ничего, кроме политической амбициозности и стремления к разрушению. Исходящие от гражданского общества предложения и требования, нуждающиеся по меньшей мере в анализе и серьезном осмыслении, стали восприниматься властями лишь как некое посягательство на их «безупречный» замысел социально-экономических преобразований и как зловредная попытка столкнуть их с «единственно верного» пути. В результате активизировавшееся и утратившее терпение общество превратилось в глазах «инициаторов перестройки» из силы, способной помочь им в осуществлении провозглашенных реформ, в крупную помеху и чуть ли не в главный источник дестабилизации положения в стране.

«ЧЕГО НАДО, МУЖИКИ?»

Конечно, было бы неверным идеализировать формирующееся у нас гражданское общество, считая, что низы и представляющие их новые общественно-политические силы всегда и во всем правы. Как, впрочем, необъективным было бы, очевидно, вовсе отказывать в правоте верхам. Дело в ином — в упрямом нежелании властей искать взаимопонимания с обществом. Прилагая множество усилий для объяснения своей позиции, они практически остаются глухи к позиции масс. Отказавшись (хотя, как свидетельствуют события в Тбилиси, Баку, Вильнюсе, увы, не окончательно) от тоталитарных методов «разрешения» конфликта с гражданским обществом, но так и не заменив их демократическими, власти по сути дела избрали некий третий вариант поведения — игнорирование этого конфликта, высокомерное пренебрежение по отношению к недовольным низам.

Когда видишь, с какой барственной беспечностью и непробиваемой самоуверенностью власти предержащие реагируют на возмущение масс, на память приходит старая притча о барине, усмиряющем своих взбунтовавшихся холопов. Он выходит на балкон

своего дома к возмущенной, орущей толпе, небрежно раскуривая дорогую трубку, поглаживая льнущую к его ногам борзую, и лениво спрашивает: «Ну что, мужики? Чего надо?» И задохнувшиеся от своего неумения объяснить, что им надо, мужики плюют и, бормоча «чаво-чаво, а ничаво», расходятся восвояси. Всей логикой своего поведения наши лидеры копируют сегодня эту извечную наглую вальяжность и надменную убежденность российской власти в неколебимости своего положения. Но при этом они не видят, что «мужики» уже стали другими. Они не просто знают, чего им надобно, но и обрели способы достаточно внятного выражения своих желаний и требований.

Не будем вдаваться сейчас в широкий анализ причин упорной невосприимчивости властей к голосу масс. Возможно, они не исчерпываются одним лишь грузом наследия тоталитарного мышления, одной лишь трудностью осознания и примирения с новой реальностью. Возможно. Важнее сказать о другом — о том, что, столь упрямо настаивая на своей безусловной правоте и столь упорно игнорируя голоса, подвергающие эту правоту сомнению, власти не дают возникнуть почве для так необходимого сегодня общественного согласия, возникновению обратной связи между массами и государственным руководством. И хотя понятие «общественное согласие» стало сегодня одним из ключевых в политическом лексиконе, слишком многое говорит о том, что власти понимают его лишь как некую улицу с односторонним движением, добиваясь согласия только со стороны общества. Конечно, и сами они делают кое-какие встречные шаги. Но делают их вынужденно, под давлением неотвратимости возникающих для них угроз, как правило, безнадежно запаздывая.

Более того, своим противодействием «общественной воле» власти превращают все более широкие массы в откровенных противников официальной политики.

Думается, что власти упустили уже тот момент, когда энергия социального недовольства могла стать не просто фактором их силы, но и фактором позитивных общественных перемен. Они не сумели «запустить» тот механизм государственных преобразований, о котором в свое время удачно сказал Б. Пастернак, считавший необходимым для политика качеством способность к переводу «тепловой энергии» общества, то есть энергии социального перегрева, в энергию социального развития. У наших лидеров угроза социального перегрева породила не столько волю к подлинно глубоким преобразованиям, сколько страх. И страх этот, с одной стороны, сковал власти, парализовал их волю к действиям, а с другой стороны, породил конвульсивность и неосмысленность ряда их поступков. В ситуации, угрожающей социальным взрывом, нередко случается так, что власти предержащие, как иронизировал сам Пастернак, «зажмурясь от страха..., со всей прирожденной мягкостью устраивают Ходынку, кишиневский погром и Девятое января и сконфуженно отходят в сторону».

БАБУСЯ И ГУСИ

К сожалению, печальных проявлений подобной «мягкости» набралось за перестроечные годы немало. И все же в отношениях властей с обществом господствуют сегодня не привычные соблазны к прямому подавлению «энергии» социального недовольства масс, а несколько иные способы выключения этой энергии. Первый из них — ссылка на интересы самих масс. Второй — утверждения о чрезвычайной сложности выявления доминирующих в обществе запросов. Что ж, справедливости ради нельзя не признать, что нынешнее состояние гражданского общества действительно дает для них определенные основания.

Проявляющаяся «общественная воля» низов далека от единодушия. С включением масс в активную общественно-политическую жизнь обнаружились глубокие противоречия этого процесса, отсутствие в нем единой направленности. В результате активизация гражданского общества повлекла за собой не только конфликт между ним и политической властью, но и конфликт внутри него. И это возросшее многообразие существующих в обществе настроений действительно позволяет более или менее произвольно трактовать «общественную волю». С одной стороны, есть возможность, игнорируя многочисленные свидетельства критического отношения большинства народа к политике верхов, ссылаться на мнения той, пусть и незначительной, но все же сохраняющейся еще части масс, которая остается лояльной к курсу властей. С другой стороны, появляются возможности оправдывать многообразием общественных взглядов собственную инертность, выдавая ее за стремление найти политическую линию, удовлетворяющую разнородные чаяния. Вновь и вновь приходится убеждаться в отсутствии у нас механизма, предотвращающего спекуляции вокруг истинных интересов и настроений масс, механизма, который помешал бы политикам по своему усмотрению интерпретировать мнение народа, объявляя голос тысяч голосом миллионов.

Сегодня Президент возмущается обвинениями в том, что он и государственное руководство проводят «антинародную политику». Для него эти обвинения звучат кощунственно и безответственно. Союзная власть действительно искренне верит в то, что она преследует благие цели. Но люди ощущают на себе реальные результаты ее действий, которые нельзя воспринять как благо. У них есть слишком много оснований для того, чтобы усмотреть в этих действиях (и особенно в последних акциях павловского Кабинета) попытку залатать за счет народа дыры в экономике, возникшие, кстати, отнюдь не по его вине. Есть у них основания и для того, чтобы обвинить в безответственности самого Президента, убеждающего обобранных павловским «упорядочением цен» людей в том, что цены повышены в среднем в 1,6 раза и что львиная доля этого повышения компенсируется государством. Уж слишком напоминают нынешние действия властей, якобы пекущихся о народном благе, «заботливость» той бабули у К. Чуковского, которая зарезала зимой гусей, чтоб они не простудились.

Лидеры заявляют, что сознают свою ответственность перед всеми слоями населения, но при этом сокрушенно разводят руками, давая понять, что вся проблема как раз и заключается в крайней противоречивости настроений и требований этих слоев. Власти как бы говорят: «Мы хотели бы удовлетворить запросы народа, но они настолько взаимоисключающие, что мы просто не знаем, кого в первую очередь слушать, и поэтому вынуждены действовать с особой осторожностью, чтобы не навредить никому».

Эти утверждения свидетельствуют то ли о профессиональной несостоятельности, то ли об особо изощренном лукавстве. Как можно, объявляя своей целью глубокие общественные преобразования, ориентироваться на поиск приемлемой **для всех** политической линии? Такие претензии ориентируют союзную власть на бездеятельность и тем самым сужают до минимума ее социальную базу. Пытаться в нынешних условиях «удовлетворить всех» означает не удовлетворять никого. Даже столь желаемая всеми стабилизация общества, которая действительно соответствует самым широким интересам, может быть достигнута сегодня лишь через перемены и решительные действия. И, продолжая уклоняться от них (под предлогом возникающей в этом случае опасности недовольства определенной части масс), власти лишь многократно усиливают общественную нестабильность.

Неверно было бы, кстати, думать, что проблемы, возникшие сегодня перед нашими государственными мужами, уникальны. С подобной же ситуацией сталкивается власть в любой демократической стране. И особо острый характер эти проблемы приобретают, когда на повестке дня оказываются задачи серьезных общественных перемен. Именно тогда с особой отчетливостью выявляются бесперспективность поиска некоего «срединного» курса, ориентированного на удовлетворение разнородных общественных интересов, и необходимость выбора в пользу тех социальных интересов, которые соответствуют целям общественного прогресса. Если мы обратимся к недавней истории ряда стран Запада, то увидим, что последний рывок в их социальном развитии был как раз обеспечен происшедшим на рубеже 70 — 80-х годов отказом таких политиков, как Тэтчер, Рейган, Коль, от использования «центристского» метода решения политических проблем. Политический успех этих лидеров, открывший новый этап в развитии их государств, оказался в значительной мере обусловленным осознанием того факта, что подобные решения в условиях углубляющейся разнородности социальных интересов обрекают общество на стагнацию.

«ДОЛОЙ!» А ЧТО ПОТОМ?

Думаю, что, пытаясь сегодня сыграть на реальных противоречиях общественных запросов, союзная власть и в особенности Президент поддались соблазну использования в отношениях с массами тех методов, которые обеспечивают им выживаемость в противоборстве с политическими противниками. Хотя применение этих методов требует немалой изощренности, суть их чрезвычайно проста — игра на взаимном противостоянии своих оппонентов. Подобная игра облегчается не только отсутствием некоего позитива, на базе которого могли бы сплотиться левые и правые, но и тем, что оппоненты Горбачева не способны объединиться и вокруг его отрицания. У каждой из противостоящих Президенту политических сил существует связанный с его личностью расчет. Каждая из них сохраняет надежды на перетягивание Центра на свою сторону, и каждая из них опасается усиления противника в результате поражения Горбачева. И на этой политической ситуации Горбачеву удается тонко играть.

Однако с массами такие игры не просто бесперспективны, но и чрезвычайно рискованны. Рядовому человеку неведомы расчеты, естественные для политических лидеров разного толка. И если позитива, способного сплотить разнородные социальные интересы, сегодня действительно не видно, то сплачивающий массы эффект их недовольства очевиден. Сплотиться вокруг «нет» у нас гораздо легче, чем вокруг «да». Когда сотни тысяч людей выходят на улицы, движимые отрицанием союзного правительства, отрицанием Президента, возмущением всеобщей разрухой и обнищанием, опасность такого сплочения становится достаточно наглядной.

Хорошо, если процесс этого сплочения растянется до следующих выборов и единодушный выдох «Долой!» уложится в русло естественной, конституционной смены власти. Однако надеяться на это было бы легкомыслием. Может создаться ситуация, когда Горбачев, одержав очередную победу в противоборстве со своими политическими оппонентами, вдруг обнаружит, что плодами ее воспользоваться нельзя, поскольку ему противостоит уже не поддающаяся рациональному умиротворению лавина массового возмущения.

И действительно, конфликт между обществом и властью приближается к некой отметке, за которой неизбежным кажется социальный взрыв. Этот являющийся на сегодняшний день важнейшей проблемой конфликт низов и верхов, похоже, перерос уже в категорию иррациональную, перешел в состояние эмоциональной неприязни друг к другу, основанной на глубоком недоверии и взаимном разочаровании. Нравится нам это или нет, но сегодня едва ли не любые действия власти, сколь бы разумными они ни были, уже будут восприниматься массами через призму недоверия, подозрительности и накопленных обид.

КТО ПОМОЖЕТ ГОРБАЧЕВУ?

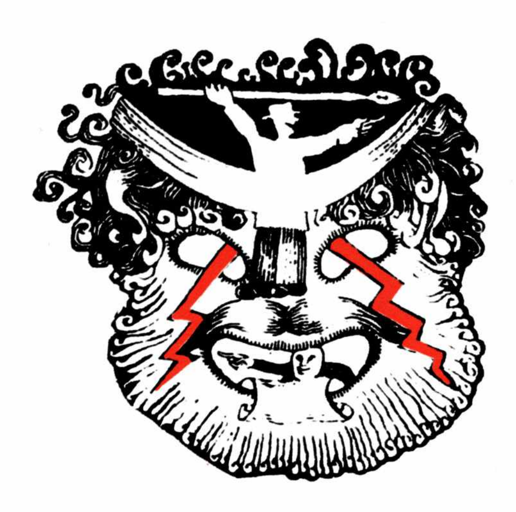
Последняя волна забастовок и манифестаций с их радикальными требованиями не прошла бесследно. Без них, очевидно, не состоялось бы «соглашение десяти» и, в частности, не возник бы тот его пункт, который обещает смену союзных институтов власти, пересмотр содержания и объема властных полномочий Центра, досрочные перевыборы союзного парламента и досрочные, на этот раз действительно всенародные выборы Президента.

Но способно ли это соглашение и оговоренная им перспектива обеспечить общественное умиротворение, отвести от опасной черты далеко зашедший конфликт низов и верхов?

Не думаю, что у нас есть сегодня основания для слишком большого оптимизма. Соглашение в Ново-Огареве — это хотя и внушающее надежды, но все же одно из проявлений процессов, идущих в коридорах власти, из которых массы остаются по-прежнему исключенными. «Соглашение десяти», безусловно, способствовало ослаблению общественно-политической напряженности в стране, но проблему кризиса доверия оно все же не решает. Оно в лучшем случае обеспечивает на данный момент некое успокоение наиболее политизированной части недовольных масс, понимающей мотивы действий своих лидеров и готовой поддержать их нынешние шаги. Однако для широких слоев разочарованного и озлобленного народа это соглашение может остаться лишь еще одним проявлением бесконечных политических игр, идущих на высших этажах.

Да, действительно, подставить сегодня плечо Президенту в обмен на его намеки о возможном перераспределении власти и о возможных уступках сторонникам радикальных реформ сочли разумным и республиканские лидеры, включая «непримиримого» Ельцина, и прагматики типа Явлинского, бросившиеся склонять Запад к более активному сотрудничеству с нами. Но судьба союзной власти будет решаться не устойчивостью этих счастливо для Горбачева возникших новых опор, а способностью вернуть поддержку уставшего, разочарованного и возмущенного народа.

Можно спорить относительно того, сохранились ли еще у союзной власти шансы на восстановление утраченной поддержки масс. Но одно очевидно: не пойдя на честное, отчетливое, избавленное от двусмысленностей и словоблудия, подтверждаемое конкретными действиями заявление об окончательном выборе курса общественных перемен, рассчитывать на использование этих шансов бессмысленно. До сих пор Президенту удавалось уходить от многих трудных решений, поскольку для сохранения его власти достаточно было нейтрализовать политических оппонентов, поддерживая в них неуверенность относительно подлинных намерений руководства. Сегодня, когда судьба союзной власти зависит уже не от ситуации в политических коридорах, а от доверия масс, единственным спасением для нее может быть полная ясность ее политического и экономического выбора.



«ЛИТЕРАТУРНЫЙ БАТЬКА»

В этом году исполняется 150 лет со дня рождения Н. А. ЛЕЙКИНА. Кто сейчас знает Николая Александровича Лейкина (1841—1906), знаменитого писателя и журналиста? Кое-кто знает (в 20-е годы, помнится, промелькнула тоненькая книжка в издании «ЗиФ», включавшая два-три его рассказа). А в прошлом веке Н. А. Лейкина знала вся читающая Россия, знала, потому что сборники его юмористических рассказов выходили один за другим, потому что журнал «Осколки», который он издавал, редактировал и в значительной мере заполнял своими сочинениями (чтобы сэкономить гонорар, как утверждали его современники), можно было купить в любом уголке России. На страницах этого журнала под псевдонимом «Антоша Чехонте» и под бдительным редакторским присмотром Н. А. Лейкина начинал свой творческий путь Антон Павлович Чехов. А. П. Чехов называл себя одним из ревностных читателей Лейкина, которого считал к тому же своим «литературным батькой». Известно, что М. Е. Салтыков-Щедрин от имени Н. А. Некрасова и своего пригласил Н. А. Лейкина сотрудничать в журнале «Современник». Мы публикуем один из многочисленных рассказов Лейкина, по которым можно судить, как жили, что ели-пили наши уже не очень близкие предки.

В. СУРМИЛЛО

ВОДОЧНАЯ АЗБУКА

Н. ЛЕЙКИН

Домовладелец Степан Степанович Поплевкин, прозванный за свою любовь к крепким напиткам Стаканом Стакановичем, открыл фортку у себя в столовой и ждал полуденного выстрела из адмиралтейской пушки, чтобы приступить к закуске и свершить адмиральский час. Часовая стрелка на стенных часах в столовой приближалась уже к двенадцати. Поплевкин проделывал эту церемонию чуть не ежедневно. На столе между тем уже стояли водки разных сортов и обильная соленая закуска. Водки поражали своим разнообразием. Каких-каких только сортов тут не было! Были даже домашние настои на еловых шишках и ореховой скорлупе. Поплевкин ждал выстрела и был уже окружен прихлебателями.

— Иеремия! Готовься к моменту... Сейчас наступит...— проговорил он красноносому тощему человеку в отрепанных брюках и гороховом замасленном пальто.— Да главное — налей рюмки.

— За нами дело не станет,— отвечал тот.— Какое слово будешь сегодня пить?

— «Папу» выпью.

—А я «попа». П — полынная, А — анисовая... Вот твои буквы. П — померанцевая, О — очищенная. Вот это мои буквы.

— Только разве на односложном слове сегодня и остановишься.

— Трезвость и воздержание... По моему расчету, сегодня к вечеру должен статский советник Нагайкин умереть, и мне придется по нем читать. Вчера все доктора от него отказались. Отец Николай маслом его соборовал...— пояснил Иеремия, который был по ремеслу читальщик.— Иван Мироныч, вы какое слово будете пить? — спросил он молодого белокурого чиновника в вицмундире — управляющего в доме Поплевкина.

— Да я так, без слов...— отвечал чиновник.— Я рюмочку или уж много две... Мне еще на службу сегодня идти. Просто очищенной.

— Да ведь вы знаете, что Степан Степанович этого не любит.

— Что такое? — спросил Поплевкин.

— Без слов хочет пить,— сказал Иеремия, кивнув на чиновника.

— Не сметь! Ни-ни-ни... Ни под каким видом!.. Пей, где хочешь, без слов, но у меня в доме нельзя. У меня в доме непременно слово какое-нибудь надо пить. Нет, это правило, закон... Зачем же я после этого всю водочную азбуку на стол ставлю!

— Право, Степан Степанович, мне сейчас на службу надо. Придется бумажки две-три составить и начальнику отделения их подать, а то он все сердится, что я не всегда в порядке.

— Нельзя, нельзя пить без слов! Знаешь, я этого не люблю. Пей коротенькое слово, но все-таки слово.

— Да пейте слово «ежъ»...— предложил Иеремия.— Всего из двух букв: Е и Ж; Ъ не считается.

— Да ведь «ежъ» из таких водок-то состоит, которых я не люблю.

— Вздор! Отличные водки! — воскликнул Поплевкин.— Е — еловая на еловых шишках и Ж — желудочная. Ну, давай и я вместе с тобой «ежа» выпью. Сначала «ежа», а уж потом «папу». Наливай два «ежа».

— Готово-с...— отвечал Иеремия.

— Сейчас выстрелит пушка,— сказал Поплевкин и схватился за грудь. — Фу, как сердце замирает. И приятное ожидание этого выстрела, да и тревожное.

Грянула пушка.

— Слава Богу! Дождались...— проговорил Иеремия.

— Приступая, приступай и пей своего «попа». Нечего зря-то растабарывать,— торопил его Поплевкин, проглатывая с управляющим по рюмке буквы Е, то есть еловой водки, и прибавил: — А славно, когда вонзишь в себя первую. Как бы это приятно было, ежели бы все первые рюмки пить. Чтоб и вторая была первой, и третья, и четвертая.

— По-моему, вторая-то лучше. Первая кровь по жилам разгоняет, а вторая уже согревает,— отвечал Иеремия.

— Закусывайте, ребята, скорей семгой, да и вторую букву пора пить,— торопил Поплевкин.— Ну, что, какова еловая-то? — спросил он управляющего.— Еловая для перемены отлично.

— Смолой отдает и горечь.

— Это-то и хорошо. Зато никогда чахотки не будет. Водка на еловых шишках от чахотки спасает. Не веришь? Да доктора нарочно еловую и сосновую смолу слабогрудым прописывают. От смольного запаха человек крепнет. Вон дьякон Нафанаил ко мне ходит, так тот у меня всегда слово «человеколюбие» пьет. А отчего? Потому что в «человеколюбии» три Е. Ведь ять-то у нас принято за Е считать.

— Неужели он все «человеколюбие» может выпить? — удивился управляющий.— Ведь это слово состоит из... че-ло-ве-ко-лю-би-е...— сосчитал он и сказал: — Да, из тринадцати букв. Значит, тринадцать рюмок.

— Что ж удивительного? — спросил хозяин.— Я сам очень часто пью за завтраком слово «благочестие». Тоже из одиннадцати букв. А ты сравни меня и Нафанаила. Ведь я перед ним сосулька. Ко мне фельдшер Скипидаров из больницы ходит, так тот не только «человеколюбие» у меня пил, а даже и слово «человеконенавистник». «Человеконенавистник»-то почище «человеколюбия» будет. В «человеконенавистнике» девятнадцать букв — значит, девятнадцать рюмок смеси.

— Амос Амосыч хорошо пьет,— заметил Иеремия.

— Какое! Какой он питух! Он раз «Навуходоноссора» за завтраком выпил, да и то лыка не вязал,— махнул рукой хозяин.— Однако не будем тратить золотого времени, покончим наши хмельные слова. Иван Мироныч! Буквы Ж, Иеремия! Наливай нам желудочной!

— Вам желудочной, а себе, так как я «попа» пью, то по второй на букву О — очищенной. Будьте здоровы.

Все чокнулись и выпили.

— А уж теперь, Степан Степаныч, меня отпустите,— проговорил управляющий.— Ей-ей, в департамент надо. И так уж опоздал.

— Выпей еще одно словечко. Ну, выпей «око». Две очищенные и одна на костянике. Отличная водка на костянике.

— Помилуйте, ведь это три буквы. Нет, уж увольте.

— Ну, черт с тобой... Ступай...

Управляющий откланялся.

— Приходи вечером. У меня один интендант обещался быть. Этот в течение вечера два слова выпивает: «его превосходительство». Вот питух, так питух! Ведь в «его превосходительстве» двадцать одна рюмка заключается. А смесь-то какая! Быка свалит. А он ничего. Раз даже всего «его высокопревосходительство» выпил. Кончить-то кончил благополучно, но на последней букве свалился и заснул. Ведь шутка сказать: двадцать семь букв! Ну, Иеремия! Я буду «папу» пить, а ты кончай своего «попа», да можешь со мной за компанию слово «нос» выпить. Всего три рюмки...— хлопнул Поплевкин красноносого человека по плечу и потащил его к столу.

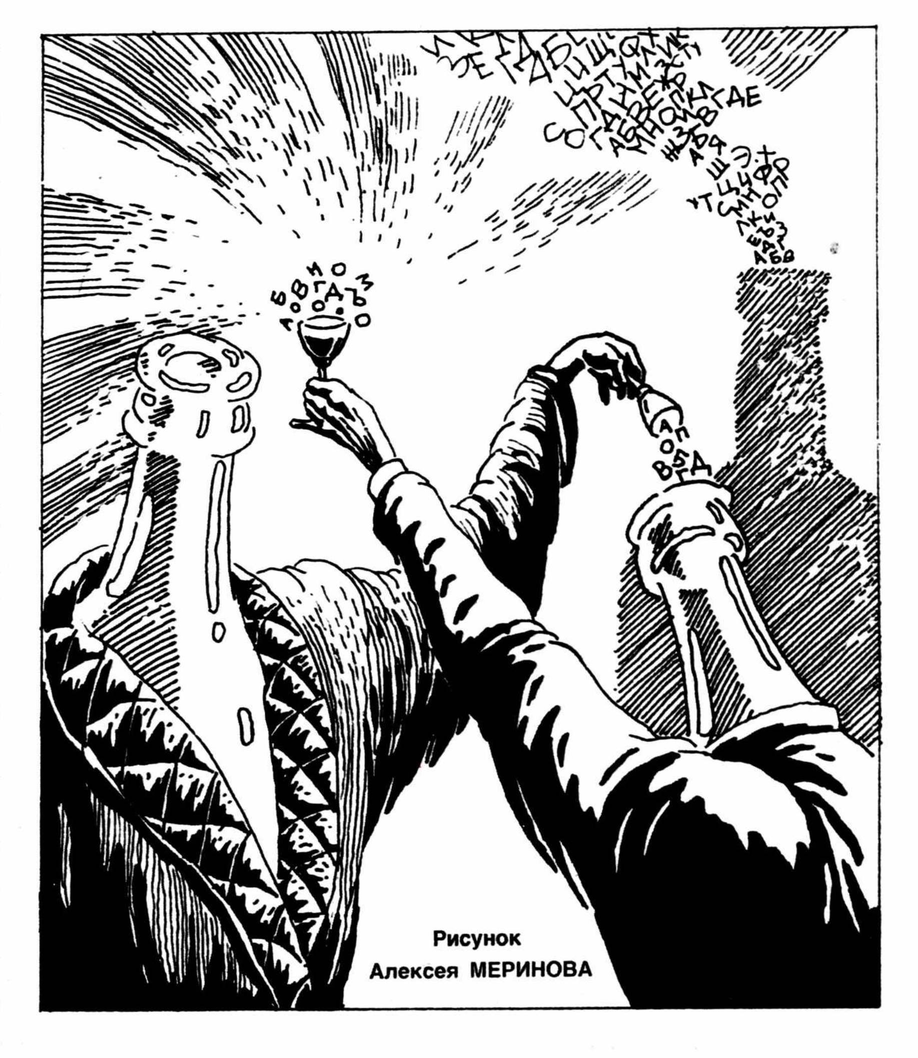


Рисунок Алексея МЕРИНОВА

Юлий КИМ

РАЗГОВОР ИНТЕЛЛИГЕНТА С ОГРОМНОЮ БАБОЮ

Интеллигент
Ой-ой! Ой-ой! В каком мы веке?
Откуда столько воровства?
И проституция! И рэкет!
А в магазинах пустота...
Баба
А ты ремень стяни потуже.
Забыл, как ели жмых да квас?
Небось теперь не будет хуже:
Вьетнам не выдаст — Буш подаст.
Интеллигент
Ай-ай! Ай-ай! Ослабли связи!
Москва в осаде, как Литва!
А что творится на Кавказе?!
И в магазинах пустота!..
Баба
А что ж ты хочешь,
мой прелестный?
Пора настала, пробил час...
Все потому, что слишком тесно
Вон сколько лет сплочали вас!
Интеллигент
Уй-юююй! Пропала гласность!
Пошла на бой Капеэсэс!
А впереди железный Алкснис
С Невзоровым наперевес!
Баба
И не дают народу землю!
А порнографию дают!
А забастовочно движенье
Лишь умножает весь хаос!
Интеллигент
Да! А тебе, видать, все мало?
Тебе б хаос умножить весь!
Да ты чего ко мне пристала?
Ты кто вообще такая есть?!
Баба
Семьдесят лет четыре года
Ты ждал меня, душа моя!
Ведь это я — Твоя Свобода!
Что ж ты пужаешся меня?
Хор
Жили мы при Пете,
Жили при Володе,
Нам что те, что эти надоели
господа.
Поживем, ребята, при свободе —
Мы при ней не жили никогда!

Шамиль АБРЯРОВ

ЮНЫЕ НАТУРАЛИСТЫ
(передовица)

Все юные натуралисты
Давно потеряли невинность,—
Они убивают живое
В безумной надежде понять,
Чего там куда вытекает.
Чудесная тайна творенья
Для них — что консервная банка,
Которую нужно открыть.

Все юные натуралисты
Уродливы и неказисты.
Они потрошат насекомых
Безжалостной детской рукой.
Продукты тоталитаризма
Кровавым невидимым фронтом
Под маской невинных юннатов
Идут, истребляя зверье.

Тайком, по подвалам и клубам,
Глумятся над нашей природой,
Жестоко калечат лягушек,
Не дрогнув, терзают мышей,
Суют в них свои электроды,
Химической гадостью травят,
И тварь бессловесная гибнет
В неравном кровавом бою.

Доколе же это терпеть нам?
Когда это все прекратится?
Неужто мы столь мягкотелы,
Что должный отпор не дадим?
Долой вивисекторов гнусных!
Долой палачей и садистов!
Да здравствует наша природа
И вкусный и сочный бифштекс!

Вадим ЗАБАБАШКИН

ПРОРОК

К дому подходит пророк,
вот и калитка скрипит,
переступает порог.
— Здравствуйте! — нам говорит.

— Дайте водицы попить!
— На,— наливаем компот.
— К вам,— говорит,— стало быть,
скоро холера придет.

— Хлебушка можно поесть?
— На,— подаем каравай.
— Дней,— говорит,— через шесть
дом ваш сгорит и сарай.

— Мне бы поспать в уголке...
— Спи,— расстилаем матрац,—
да кочергой по башке —
бац! — окаянного — бац!

Вадим СТЕПАНЦОВ

ИНЦИДЕНТ

«Слава, слава Комару —
Победителю!»
К. Чуковский, «Муха-Цокотуха»

Комар, напившись сладкой крови,
летит ее переварить.
Паук в углу, нахмурив брови,
плетет серебряную нить.

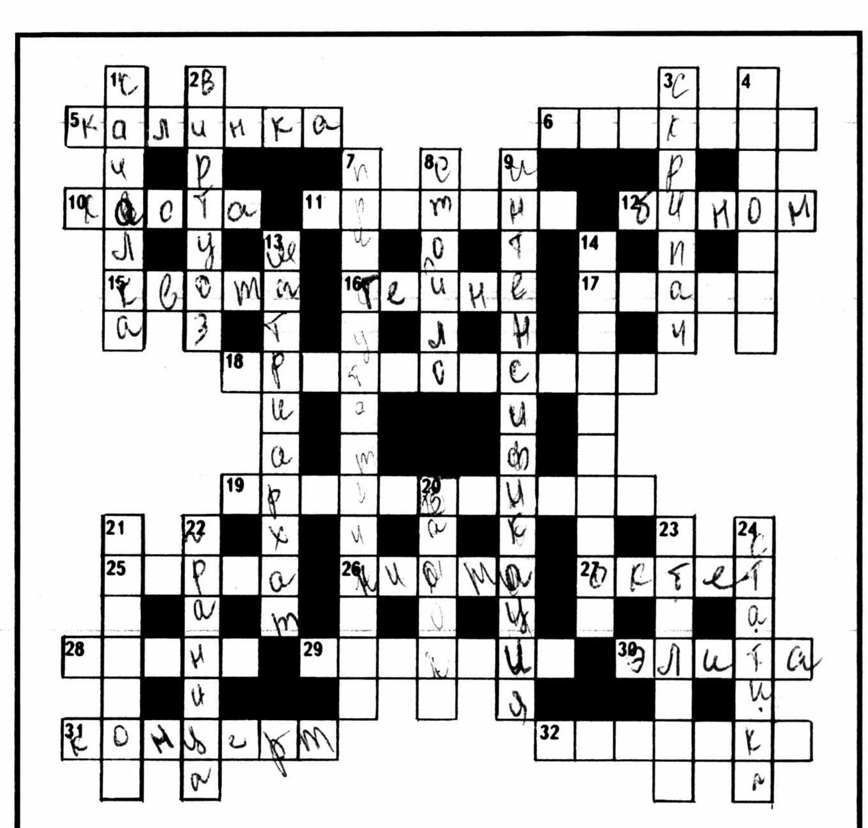
«Лети, лети,— сипит он хмуро,—
в мои тенета, не боись!
Заждался я, решил уж сдуру,
что комары поизвелись.

Ан нет, порхаете, собаки,
кусаете Святую Русь».
Комар захохотал во мраке:
«А я тебя и не боюсь!»

Комар, уперши руки в боки,
идет метелить паука.
Паук смекает: шутки плохи —
у комара крепка рука,

притом на ум приходит книжка,
где паука комар убил.
Паук щебечет: «Ну, парнишка,
ты что, ведь я же пошутил».

«Смотри, дошутишься, кудрявый»,—
сказал, осклабившись, комар.
И полетел, покрытый славой,
к своим девчонкам на бульвар.



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Русская народная песня. 6. Деятельность, обязанность. 10. Действующее лицо в пьесе М. Горького «На дне». 11. Химический элемент, металл. 12. Двучлен в математике. 15. Доля, норма допускаемого. 16. Немецкий поэт, публицист XIX века. 17. Приток Миссисипи. 18. Советский биохимик и биофизик, академик. 19. Радиоактивный химический элемент, металл. 25. Один из «Пестрых рассказов» А. П. Чехова. 26. Город в Японии на острове Кюсю. 27. Музыкальный ансамбль. 28. Картина Н. К. Рериха. 29. Вещество, необходимое для нормальной жизнедеятельности организма. 30. Лучшие виды растений, животных. 31. Публичное исполнение музыкальных произведений. 32. Газетно-журнальный жанр.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Вид кресла. 2. Музыкант, мастерски владеющий техникой исполнения. 3. Исполнитель на смычковом музыкальном инструменте. 4. Плодовое дерево из рода фикус. 7. Достаток, полная обеспеченность. 8. Место для одного животного в конюшне, хлеву. 9. Усиление производительности, действенности. 13. Ранняя форма общественного устройства с доминирующим положением женщины. 14. Синтетический полимер, твердое стеклообразное вещество. 20. Деталь механизма, вид затвора. 21. Язык программирования. 22. Рубеж между территориями. 23. Подземная горная выработка с выходом на поверхность. 24. Раздел механики.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 25

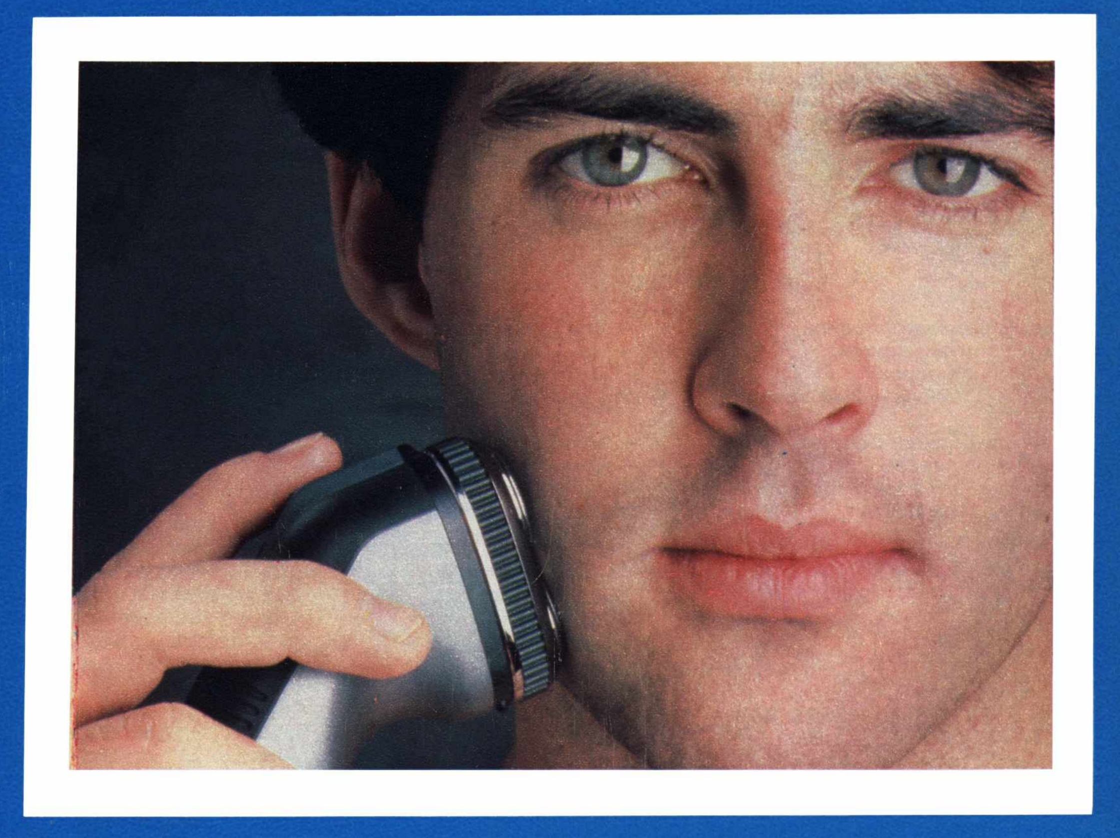
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 6. Вдохновение. 7. Фадеева. 9. Ясельда. 11. Лаванда. 14. Апекс. 16. Сабза. 17. Илико. 18. Мушка. 19. Рерих. 21. Дрена. 23. Гамма. 25. Аргус. 27. Кальман. 29. Глафира. 30. Престиж. 31. Мончетундра.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Овцебык. 2. Подвал. 3. Сообразительность. 4. Сноска. 5. Реплика. 8. Альпы. 10. Дрозд. 12. «Ариадна». 13. Диорама. 15. «Сашка». 16. Серна. 20. Факел. 22. Гусли. 24. Морфема. 26. Рассказ. 27. Корона. 28. Неруда.

1 руб. Индекс 70663

PHILIPS

ФИЛИПС:
МАЛЕНЬКИЕ ШЕДЕВРЫ БЫТОВОЙ ТЕХНИКИ



Официальный дистрибьютер фирмы «ФИЛИПС» в РСФСР
совместное советско-бельгийское предприятие
«ТОРГОВЫЙ ДОМ «АЛИСА»
199004, Ленинград, В.о., 6-я линия, 35-Б.
Телефон: 218-34-33.
Телефакс: 213-17-77.